

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 9-10 2017

Литературно-художественный журнал

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ САНИИ ГАЙНАНОВОЙ

«Японка»

«Красные орхидеи»

«Анютины глазки»

XXI ВЕК

ВОЛГА

9-10 2017

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

9-10
2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Татьяна КАДНИКОВА. **День одуванчика** 3

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Эдуард АНАШКИН. **В.Г. Распутин. Документальная повесть о нашей дружбе** . . . 7

ПОЭТОГРАД

Карина СЕЙДАМЕТОВА. **Ковыльные звёзды** 22

СТАТЬИ

Александр БОЙНИКОВ. **Зрением истинной веры** 26

ОТРАЖЕНИЯ

Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН. **Земля живых** 32

ПОЭТОГРАД

Николай ЕГОРОВ. **И стала жизнь моя — судьбой** 76

ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА

Аркадий МАКАРОВ. **Два рассказа** 78

ПОЭТОГРАД

Борис ОРЛОВ. **Люблю из прошлого мотивы** 91

Владимир МЯЛИН. **Микеланджело Буонарроти** 94

Вера ГРИБНИКОВА. **Верхневолжье** 101

Василий ДОМРАЧЕВ. **Одноземляне** 105

Алексей БОРЫЧЕВ. **Память о лете** 108

КАМЕРА АБСУРДА

Сергей СУЩИЙ. **Солдат** 112

Олег ЛУКЬЯНЧЕНКО. **Под салютом всех вождей** 115

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Наталья КУЦЕНКО. **Я вам скажу: душа моя жива** 124

В САДАХ ЛИЦЕЯ

Леонид НЕГМАТОВ. **...И песни, и стихи, и голоса** 127

В МИРЕ ИСКУССТВА

Сания ГАЙНАНОВА. **Магия перламутра** 130

СТАТЬИ

Александр и Галина ДЕМЧЕНКО. **Маэстро на все руки** 139

СОБЫТИЕ

Владимир АЛИФАНОВ. **XXX Собиновский музыкальный фестиваль — новая яркая глава его истории** 148

Лариса ПОПОВА. **Рождённая с абсолютным слухом ума и сердца** 153

ПОЛЕМИКА

Борис ДОНЕЦКИЙ. **В поисках Саратова** 158

РЕЦЕНЗИИ

Диана КАН. **У истока эпохи** 186

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Виктор ТОТФАЛУШИН. **Военнопленные Великой армии в Аткарске** 188

**Татьяна
КАДНИКОВА**

ДЕНЬ ОДУВАНЧИКА

Учите девочек быть нежными:
Чтоб голос тих и топотки.
Уроки пусть берут, прилежные,
У облаков и у реки;
Чтоб руки их скользили лодками
По дому – всплески не слышны.
Словно Чайковского мелодии,
Пусть будут девочки нежны.
Учите лёту их, порханияю,
Пусть днём, досматривая сны,
Смягчают будней громыхание
Тем, что отчаянно нежны.
Чтобы к ручью, где меж ромашками
Стрекозья прячется душа,
Стремилась мальчики бесстрашные
И пили нежность из ковша.

Мне нежность приснилась: сама по себе
Туманом лежала она на воде.
И всяк её видевший, стар ли он, мал,
Кусок отрывал и карман набивал.
Я в воду входила, на риск свой и страх,
И нежность брала, и качала в руках,
И с ней, как с ребёнком, домой воротясь,
Я самую кровную чуяла связь.
И муж удивлялся: «Возни-то, возни!..»
Но я возражала: «Вдруг чёрные дни
Настанут... И нежность, большую, как дом,
Обнимем с тобой мы и руки сомкнём!»

-
- Татьяна Владимировна Кадникова родилась в Пензе. Окончила Московский литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг «Я – Незнакомка», «Когда звёзды падают...», «Частное пространство», «Портрет дома № 12», «Пьеса для воздушного шарика», «Чистое время года», «Сердца рыжих» и многочисленных публикаций в журналах. Член Союза писателей России. Живёт в г. Заречном Пензенской области.

Он, видимо, последним был, сугроб...
Лежал один среди весны бурлящей
На тропке – обходили люди чтоб,
Приглядываясь: снег-то настоящий?
Он мнился в темноте почти живым,
Он будто бы возился, грустно тая...
И было уж не видно головы
Его... и даже рук местами.
А может, это сам январский бог
Упал – одна из лыж его сломалась?
Немудрено, что на такой сугроб
У дворников рука не поднималась.
Страдалец цвета грязи с молоком
И потерялец всех своих владений,
Казалось нам, достоин взглядов он
И самых аккуратных обхождений.

Провинциальный город –
Предмет бесед особый:
Не стыдно – нос в окошко,
Унюхав коржик сдобный,
Иль разогнать свой велик
С «би-би» между прохожих.
В провинциальный город
Явиться может ёжик.
Там распуститься почка
Способна с жутким треском.
Всегда в нём чья-то мама
Сидит за занавеской,
И вечное забыто
В песочнице ведёрко.
Приехать в этот город
Возможно даже с горки,
Глаза зажмутив крепко,
Давясь внезапным смехом...
И, обнимая город,
По родине поехать.

Погода, как старая тётушка,
Не в настроении,
Стенает и охает:
Грозы – и скачет давление.
И тучи на небе валяются
Мягкими тапками,
И с неба на плечи нам
Капает мятными каплями.
Всю ночь она шепчет...

Что делать с такими чудачками?
А утром несётся
На венике ветра над дачами,
С кошёлкой своей из лучей –
 Подарило ей солнышко,
И с яблони-неба срывает
Последнее облачко.
А мы-то вчера обманулись –
Наивные зрители!
А мы-то вчера ужаснулись,
Что тётушка при смерти.

Женщин в женщине
Должно быть очень много:
Кухонная женщина, диванная,
Для любви – пахучая, особая,
Ласковая женщина, карманная.
Утренняя женщина, вечерняя,
Чайная, кофейная ли – с чашкою;
Женщина особого значения:
Лечит хвори мёдом и ромашкою.
Празднично-смешливая, печальная –
По луне в зрачках, и те-то сужены.
Женщина навеки и случайная –
Вдруг уйдёт, поцеловав по-дружески?
Деловая – голос хрустнет льдинками;
Женщина в клубнике, в скрабе, в креме.
А мужчина должен быть единственным
Среди этих женщин, как в гареме.

Как здорово, что небеса бесплатны!
И сколько б ты в них взглядом ни блуждал,
Не выскочит охранник бородатый
И не закатит страннику скандал.
Как здорово, что есть бесплатный тополь!
В обнимку сколько с ним ни стой молчком,
Не станет он воинственным циклопом,
Чтобы в отместку ткнуть тебя сучком.
Как хорошо пройти бесплатной лужей:
Та вслед не бросит бранные слова...
И ты поймёшь: и ты природе нужен –
Не для работы, так... для баловства!

Собака всегда улыбается –
И даже, представь, без усилия, –
Когда её хвалишь ты: «Батюшки,
Какая собака красивая!»

Пусть эта собака хозяйская,
Пусть эта собака бездомная,
Пусть очень и очень озябшая,
Пусть очень и очень прескромная,
И очень, и очень голодная,
В заботах – за день не присевшая...
Лишь скажешь: «Какая вы модная,
Собака, какая весенняя!» –
Ей сразу хвостом завилается,
Запрыгается всеми лапами...
Гляди-ка, апрель пополняется
Улыбчивыми собаками.

Поэты часто сжигают чайники,
Сидят, сочиняют, а чайник греется.
Художники тоже сжигают чайники,
Когда у них фантазийность резкая.
И музыканты сжигают чайники,
Мурлыча там, за тремя дверями.
Все чайники гениев в полном отчаянии:
Они выкипают, режут, стреляют.
А есть дома – в них чайники чистые,
Внутри них накипи нет нисколько.
Они, не ставшие божьими искрами,
В конце – отправляются на помойку.

Если б выдумать новые праздники
Всевозможным цветущим растениям,
Мне б хотелось, чтоб День Одуванчика
Состоялся по щучьим велениям.
Одуванчик, как солнце, на площади
Поднимала б толпа карнавальная.
И его не косили б до осени,
А в пушистости целовали мы.
И загадывали бы желания,
Когда белыми парашютами
Разлетаются одуванчики,
Непонятные людям сущности.
Мы бы стриглись под «одуванчик»
И ходили б с серьёзными минами
В суперпраздничные ресторанчики
С одуванчиковыми винами.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

**Эдуард
АНАШКИН**

В. Г. РАСПУТИН. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О НАШЕЙ ДРУЖБЕ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

I

Перед тем как сесть за рабочий стол и начать работать над этим материалом, много советовался с коллегами по перу, друзьями; поддержал меня и Валентин Григорьевич Распутин.

Достаю письмо прозаика, многолетнего работника аппарата правления Союза писателей России, одного из руководителей семинара прозы Читинского форума молодых писателей Ванцетти Ивановича Чукреева, присланное мне 6 апреля 2002 года. Вот некоторые строки из этого письма: «Семинар прошёл великолепно. Вы это и сами хорошо помните. Писалось об этом много, говорилось много. Сердце и душу в этот семинар вложили много хороших людей, начиная с Леонида Сергеевича Соболева...

Воспоминания, особенно изложенные письменно, жанр трудный. По крайней мере, я так чувствую. Не знаю, как он другим даётся, этот жанр, а Вам желаю только творческой удачи, благословляю Вас на этот труд...»

-
- Эдуард Константинович Анашкин родился в 1946 году в городе Хилок Читинской области в семье железнодорожника. Окончил Усольский сельскохозяйственный техникум, учился в Ульяновском педагогическом институте имени И. Н. Ульянова на историко-филологическом факультете по специальности «История». Печатался в центральных газетах и журналах: «Парламентская газета», «День литературы», «Русский писатель», «Литературная Россия», «Патриот», «Литературная газета», «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Москва», «Воин России», «Россия молодая», «К единству», «Дон», «Подъём», «Родная Ладога», «Сибирь», «Сура», «Гостинный двор», «Русское эхо», «Енисейский литератор», «Великороссь», «Слово Забайкалья». Автор сборников рассказов и повестей «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Злая мачеха – судьба»; сборников литературоведческих очерков и статей: «Лети, мой блистательный снеже...», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплёт», «В созвездии Пегаса», «На литературных перекрёстках». Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Имперская культура», Всероссийской литературной премии «Традиция», областной литературной премии имени Н. Гарина-Михайловского. Награждён Почётной грамотой Министерства культуры России. Живёт в Самарской области, в селе Майское.

Когда-то я прочёл у Бориса Пастернака о том, что «не надо заводить архивов, над рукописями трястись», и не согласился с ним. Завёл, сохранил, и это всё помогает мне в работе. И ещё: это не моё частное дело, а общая память культуры.

В моём рабочем кабинете стоит один-единственный книжный шкаф, который очень дорог мне. Книг в доме много, они стоят в других комнатах на книжных полках. Но этот – особенный. Даже друзья-приятели, которые приезжают ко мне, прозвали его ласково «забайкальским». В нём стоят книги и журналы участников и руководителей семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, который прошёл в Чите с 6 по 16 сентября 1965 года.

Открываю его. Из глубин памяти всплывают воспоминания. Вот книга Геннадия Машкина «От мала до велика», изданная в Иркутске. Автограф автора: «Эдуарду Константиновичу с авторским тёплым сибирским приветом. С пожеланием творческого фарта на сложных путях творчества и чудотворчества! Г. Машкин».

Геннадий Николаевич прислал эту книгу повестей мне в подарок ко дню рождения. В сборнике есть и повесть «Синее море, белый пароход», уже давно ставшая одной из любимых книг юных читателей не только в России, но и во многих зарубежных странах.

Тогда же, буквально через несколько дней, в конце сентября 2002 года, получил от Геннадия Николаевича большое письмо и две карманного формата книжицы. Первая книга – самого автора письма Геннадия Машкина – «Божья управа», изданная в Иркутске, а вторая – его дочери Натальи – «Гарри и Ася», состоящая из трёх рассказов о братьях наших меньших, изданная там же.

Вот отрывки из его письма.

«Замечательный французский писатель и лётчик Антуан де Сент Экзюпери сказал: «Я родом из своего детства».

Писатель рождается из сказок бабушки, из первых прочитанных книг, из рассказов бывалых людей, из равнодушного отношения близких к чужой беде. Наше военно-тыловое детство призывало запечатлеть время, окружение и себя. Это лучше всех получилось у Валентина Распутина.

В 29 лет я был приглашён на Читинский семинар. Приехал я с Бодайбо, где работал инженером-геологом, искал коренное золото. В рюкзаке у меня были две повести, написанные от руки: «Арка» и «Синее море, белый пароход».

Чита поразила меня. Здесь собралось так много талантливой молодёжи, что маститые московские писатели были потрясены, по их выражению, «творческим аномальным взрывом».

Всё, что я писал, всегда шло со скрипом. Когда повесть «Синее море, белый пароход» выходила в Москве, то главный редактор издательства «Советская Россия» только прочитал название, сразу же сказал: «В моём издательстве белогвардейское произведение никогда не пройдёт!»

Но рядом было издательство «Детская литература», и люди там оказались душевнее и умнее.

Большую помощь оказала наша «иркутская стенка». Мы выручали и поддерживали друг друга».

Я очень много читал высказываний об «иркутской стенке» разных писателей. Однако мне ближе всего мнение первого председателя Читинской областной читательской организации, руководителя семинара прозы совместно с Францем Николаевичем Тауриным – Бориса Костюковского, высказан-

ное в статье «Наша смена, наша опора», опубликованной в дни работы семинара в еженедельнике «Литературная Россия» от 9 сентября 1965 года. Вот что он пишет:

«Наш день был уплотнён до предела. Побывать у соседей, узнать, что делается в других семинарах, не пришлось ни разу. Единственным, но надёжным источником информации были «болельщики»-иркутяне. Их многочисленная группа, распределённая чуть ли не по всем семинарам, собиралась после заседаний, и каждый рассказывал о том, чего не услышали или не увидели товарищи. Эти своеобразные отчёты бывали не только остроумными и живописными, но и очень деловыми.

Мне уже приходилось писать об «иркутской стенке». Так называют себя молодые поэты и прозаики, которых крепко связала между собой честная писательская дружба. Фундамент её, мне кажется, самый прочный: беспощадная требовательность к себе и товарищам. Она, эта требовательность, проявляется не только в кулуарах и с глазу на глаз. При обсуждении на семинарах, по-моему, наиболее резкие, суровые слова слышали иркутяне от иркутян. Думается, что «стенка» с ангарских берегов именно поэтому и была не только самой многочисленной, но и самой сильной из всех делегаций на Читинском форуме».

Рядом с книгами Машкина стоят книги Александра Вампилова. Его «Утиная охота» – бессмертная пьеса. Это классика. Вампилов написал всего пять пьес, но стал одним из лучших драматургов страны.

На семинаре драматургов, которым руководил известный Н. Кладо, иркутян было двое – Глеб Пакулов, автор пьесы для детей «Горнист Чапая», и Александр Вампилов, чьи комедии «Прощание в июне» и «Нравоучение с гитарой» явились «гвоздём» этого семинара. Руководитель семинара так сказал об этих комедиях: «Радует в них не только лаконичный диалог, умение создавать остроумные комедийные положения и чётко, выпукло обрисовать характеры, большей частью впервые открытые для сцены драматургом. Нет, в них, в первую очередь, привлекает чёткость нравственной позиции автора, борющегося за правду и утверждающего её победу в нашем обществе».

Вот книги Евгения Куренного: «Белан», «Осенняя сухость», «Поезд на рассвете». На семинаре я искал молодого прозаика из Читы, хотелось познакомиться с ним. Его рассказ «Белан», опубликованный в читинской областной газете «Забайкальский рабочий», буквально покорила меня – начинающего разводить голубей.

Нашёл я Куренного в группе прозаиков, где руководителями были Семён Шуртаков и Виктор Астафьев.

Рядом стоят несколько книг Вячеслава Шугаева и «Роман-газета», где опубликованы его произведения. Я помню, как прошло на ура обсуждение его повести «Бегу и возвращаюсь». Повесть была встречена очень тепло. Председатель правления Союза писателей РСФСР Леонид Сергеевич Соболев назвал Шугаева сложившимся писателем, а центральный образ повести – открытием в современной литературе.

Достаю с книжной полки несколько тонких книг стихов молодых поэтов Забайкалья, которые помещены в одной кассете под названием «Бригада», выпуска 1964-го. Вот книжечка стихов корреспондента областной газеты «Забайкальский рабочий» Ростислава Филиппова. Это была запоминающаяся личность семинара: он был двухметрового роста. Помню, руководитель первого семинара поэзии Дмитрий Ковалёв пришёл на обсуждение стихов Филиппова в белой рубашке и сказал о читинском гиганте следующее: «Нас очень порадовал Ростислав Филиппов. Это цельный поэт». Биография

у всех на семинаре интересная, но у него не только биография, у него творческая биография». На этом семинаре Ростислав стал своеобразным символом. Таким я его и запомнил на Празднике книги, что проходил на центральной площади Читы им. В.И. Ленина.

Задолго до выхода писателей к читателям начался книжный базар. Вижу, как с группой писателей к центру площади прошёл Леонид Сергеевич Соболев. В ту же минуту на площадь въехали две машины. На одной – эмблема семинара: сине-белый транспарант с голубем на острие пера на фоне раскрытой книги с надписью: «Сентябрь-1965». На другой машине – стилизованный Рыцарь Книги (Ростислав Филиппов), с огромным пером вместо копья и с хозяйкой книжного базара – Дульсиной Читинской (Диной Стейскаль – преподавателем культпросветучилища).

В дальнейшем Ростислав в полной мере оправдал сказанные в его адрес добрые слова-напутствия на семинаре. Стал Ростислав Владимирович и председателем Иркутского отделения Союза писателей России – крупнейшей организации Сибири.

Достаю с полки последнюю прижизненную книгу Ростислава Филиппова, выпущенную в Иркутске в 2005 году, – «Красная сотня». Автор отобрал в сборник сто своих стихотворений, написанных в последние годы. В книге два раздела. В первом, который Ростислав Владимирович назвал «50 превосходных стихотворений» (лучшее, что отобрал он – чего уже скромничать зря?), опубликованы действительно очень хорошие стихи. А превосходные они не потому, что превосходят многое из того, что пишется сейчас в России, а потому, что превосходят почти всё, что он написал прежде.

Открываю сборник, нахожу это стихотворение о Байкале, которое запахло мне в душу:

*Открывается Байкал из окна вагона.
Синий, красный, золотой – древняя икона.
В этот миг и в этот век в этот миф проторный
Он являет строгий лик – Спас Нерукотворный.
И тревожит, и томит, словно весть о чуде,
Всё, что было, всё, что есть, всё что дальше будет...*

Особняком стоят книги моего земляка-прозаика Николая Тихоновича Ященко. Беру в руки дилогию «С отцами вместе», состоящую из двух повестей – «Босоногая команда» и «Искры не гаснут». Эта книга о нашем родном с автором небольшом городке – станции Хилок. Автор рассказывает о том, как дети рабочей окраины железнодорожного посёлка в годы гражданской войны всеми своими силами борются с мятежными чехами, головорезами атамана Семёнова, японскими интервентами, американцами, своими местными буржуями. Они упорно ищут своё место в борьбе. И находят, когда их наставниками, руководителями становятся отцы, старые рабочие, большевики.

Николай Тихонович сыграл в моей жизни большую роль. Однако по порядку. Жил я тогда в городе Хилок. На литературной карте Забайкалья надо чётко отметить Хилокский район, который дал плеяду замечательных поэтов и прозаиков, имена которых вошли достойно не только в российскую литературу, но и советскую.

На станции Хилок жил и окончил семилетнюю школу Дамдижанов Цырен-Доржи, здесь началась его трудовая жизнь, богатая и разнообразная. Работал редактором республиканской газеты, директором книжного издательства, министром культуры республики Бурятия, возглавлял совет

министров республики. Он автор семи сборников рассказов и повестей. Был награждён орденом Монголии «Полярная звезда».

Жимбиев Цыден-Жап родился в селе Кусота Хилокского района. Автор сорока книг поэзии и прозы, изданных на бурятском и русском языках. Он первый из писателей – выпускник Литературного института. Был президентом Ассоциации Детских творческих работников монголоязычных народов.

Мунгонов Барадий также родился в селе Кусота. Окончил Высшие литературные курсы. Автор многочисленных сборников рассказов и очерков. Наиболее полно проявился талант писателя в многоплановом романе «Хилок наш бурливый», изданном в 1959 году и ставшем заметным явлением в бурятской литературе. Роман неоднократно издавался в Москве, напечатался в «Роман-газете». Мунгонов – лауреат Государственной премии Бурятии.

Виктор Брониславович Лавринайтис долгое время жил и работал лесобъездчиком на станции Могзон Хилокского района. Повесть «Падь золотая» неоднократно издавалась в Москве и была любима тысячами школьников нашей советской страны. С этим удивительным лириком в прозе связана целая эпоха в становлении забайкальской литературы.

Николай Тихонович Яценко родился и вырос на станции Хилок, автор многих книг о комсомольцах и пионерах Забайкалья. Первый лауреат премии Читинского обкома ВЛКСМ. Награждён орденом «Знак Почёта».

Николай Александрович Юрконенко родился в Хилке, закончил здесь же среднюю школу, профессиональный лётчик, прозаик. С 1998 по 2000 годы возглавлял Читинскую писательскую организацию.

Город, где я родился и вырос, откуда призывался в армию, небольшой. Центральная улица имени Калинина тянется по косогору от виадука, мимо детского дома, до бывшего кирпичного завода. Она тем только знаменита, что на ней расположен большой магазин – райунивермаг, а напротив – киоск с неофициальным названием «Не проходи мимо». А рядом на столбе висел тогда большой громкоговоритель, который работал постоянно до 24 часов, а затем отключался. Это самое, пожалуй, бойкое место. Всегда здесь толкуются молодые парни и девчата, прогуливаются пенсионеры. Вроде бы тут центр. И больших предприятий тоже у нас не водится. В основном железнодорожные. Почти в каждом доме кто-нибудь работает на транспорте.

Так вот и жил я в Хилке. Это недалеко от Читы. Работал на железнодорожной станции слесарем по ремонту вагонов да ждал призыва в армию. Ещё со школьной скамьи писал рассказы. Однажды взял домашний адрес известного писателя-земляка Яценко у его племянницы Веры, с которой я учился в одном классе, и послал Николаю Тихоновичу несколько своих рассказов. Он благосклонно отнёсся к моим опусам, доброжелательно разобрал их, рекомендовал мне литературу для чтения, поругивая за хулиганское юношеское поведение – в курсе дела держала его племянница – и, конечно же, советовал учиться.

Перед семинаром я послал Николаю Тихоновичу свою новую небольшую повесть о работе железнодорожников, которую он разгромил, назвав поверхностной. Но вдруг, не успев впасть по этому поводу в уныние, получаю от Яценко приглашение приехать в Читу. При встрече Николай Тихонович сказал: «Не обижайся, но ты ещё творчески недотягиваешь до участия в семинаре. Поэтому вот тебе гостевой билет. Настаиваю, чтобы ты поучаствовал в работе секции прозы. Их пять. Выбирай любую. Руководители опытные, известные прозаики. Будет тебе хорошая литературная школа, потом ещё станешь благодарить меня... Выше нос, Анашкин!»

Как же он оказался прав, дорогой мой Николай Тихонович, строгий и взыскательный, но при этом такой доброжелательный наставник!

Яценко на семинаре я видел часто. То в окружном Доме офицеров, то на площади, то в здании медицинского института, где занимались семинаристы, а вечером – в гостинице.

Надо признать, что семинару Владимира Чивилихина здорово повезло. У него помощниками работали Николай Тихонович Яценко и иркутянин, прозаик Лев Архипович Кукуев. Лев Архипович – участник Великой Отечественной войны, автор многих книг, рассказывающих о борьбе с фашизмом, в том числе и книги «Живые и мёртвые».

Николай Тихонович одним из первых читал, высказывал своё мнение о рассказах Распутина, похвалив их. Они вместе: и Владимир Александрович, и Николай Тихонович, и Лев Архипович – выносили свой вердикт каждому из своих семинаристов, а говорил, конечно, В. Чивилихин.

Когда мне удаётся побывать в Москве, я первым делом направляюсь по Комсомольскому проспекту к правлению Союза писателей России, поднимаюсь на второй этаж и останавливаюсь около бюста первого председателя правления Союза писателей России Леонида Сергеевича Соболева.

Я благодарю его за всё добро, что он сделал для меня, для писателей России.

Однако вернёмся в Читу. От имени организаторов семинара – ЦК ВЛКСМ и правления Союза писателей РСФСР – участников форума приветствовал Леонид Сергеевич Соболев: «Пожалуй, только здесь я понял значение и масштаб встречи, которую мы с вами начинаем сегодня в гостеприимной столице Забайкалья – Чите. Она как радушная хозяйка встретила нас лазоревым сибирским небом и улыбками горожан...»

После столь лирического начала Леонид Сергеевич определил направление семинара: «Литературное произведение существует в неразрывности понятий мастерства и идейности». Та сложная мозаика, которая предстала перед нами в произведениях участников семинара, выражает окружающую нас современную жизнь великой Сибирской страны, Приморья, Дальнего Востока...»

Речь Леонида Сергеевича была выдержана в духе того времени, когда отечественная литература была во многом связана с идеологией строительства великого государства.

Пока писатели общались, читатели тоже времени не теряли. Незабываемым событием для Читы стал праздник книги. Задолго до выхода писателей к читателям начался книжный базар. На стоящих тут же персональных именных столиках продавались авторские книги, а сам автор сидел тут же и, буквально не разгибая спины, давал автографы читателям. Тут же книги штамповались памятными экслибрисами, тут же заводились знакомства писателей с читателями. А читатели в Чите тогда (надеюсь, что и сегодня) были особенные, с тонким чувством восприятия художественной красоты и правдивости слова и отзывчивостью на него. Наверное, не случайно уже в самом названии города «Чита» звучит эта тяга к чтению.

Кто-то из великих людей сказал, что воспоминания – это не пожелтевшие листы и реликвии, а живой трепещущий мир...

Помнится, я подошёл к столу председателя правления Читинской писательской организации – детскому поэту Георгию Рудольфовичу Граубину, купил его книгу «Говорящие каракули», на которой автор написал мне тёплые слова. Обратив внимание, что под мышкой я держу не так уж много книг, Георгий Рудольфович посоветовал мне присоединиться к группе молодых парней: «Может, они тебе какие-то книги подарят...» Ребята, стоявшие тесным кружком, вели запальчивый спор. На моё приветствие почти

не отреагировали, горячо обсуждая какой-то рассказ. Я пригляделся, прислушался к спору и понял, что речь идёт о рассказе вот этого кареглазого, с юношеским овалом лица и такой, на мой взгляд, неуместной на его лице бороде парня. Это был Геннадий Машкин. А рядом, горячо жестикулируя в пылу спора, стояли Дмитрий Сергеев, Вячеслав Шугаев, Александр Вампилов и молчаливый, как мне показалось, глядящий исподлобья своими чёрными пытливыми глазами Валентин Распутин. К нему я и обратился с просьбой подарить книгу. Распутин как-то по-детски улыбнулся: «Пока не могу. Вот выйдет книга – тогда и подарю с радостью...» Так состоялось моё знакомство с будущим классиком отечественной литературы.

«Хорошими воспоминаниями надо дорожить, не так уж они многочисленны», – сказал как-то после семинара один из руководителей группы поэзии Марк Соболев. Я веду с детских лет дневник, записываю события, встречи, слова.

Вечером после семинара по Чите гуляло шутовское выражение директора издательства «Молодая гвардия» Юрия Николаевича Верченко, что Чита вышла на первое место в стране по количеству писателей на душу населения.

...Через месяц после «Забайкальской осени» меня призвали в армию. Служил я там же, в Забайкалье, в Чите, Борзе, Билите. Мне чертовски повезло со службой: во всех частях были обширные библиотеки, в том числе современной литературы. Я имел возможность много читать и следить за выходящими книгами. Первой книгой Валентина Распутина, которую я прочёл, была книга очерков «Костровые новых городов», изданная в Красноярске в 1966 году; вслед за ней я прочитал и книгу очерков и рассказов «Край возле самого неба», изданную в том же году в Иркутске. А затем – повесть «Деньги для Марии» в журнале «Сибирские огни». Несмотря на название, она была вовсе не о деньгах, она была о совести! Это сейчас все наши разговоры, писательские в том числе, навеянные грустными реалиями рыночной экономики, частенько сводятся к деньгам. Тогда о деньгах мы как-то не думали, у нас были другие поводы для раздумий и споров...

Я тем временем отслужил в армии, работал секретарём комсомольской организации в вагонном депо. У себя на родине, в городе Хилок, писал, начал публиковаться.

В конце мая 1969 года я с семьёй собрался в гости на малую родину жены – в Поволжье. Поезд Владивосток–Харьков. Идёт четверо суток. На станции Петровск-Забайкальский остановка поезда пятнадцать минут. Пока менялись поездные бригады и поезд заправляли водой, я вышел из вагона полюбоваться украшавшими город барельефами декабристов, в прежние времена отбывавших здесь каторгу. В книжном киоске купил свежие газеты и тонкий (по сравнению с весомым нынешним!) журнал «Наш современник», пятый номер. Тогда я не мог и представить, что когда-то буду иметь возможность печататься в таком уважаемом и любимом мной журнале...

Поезд тронулся, я забрался на верхнюю полку, полный предвкушения встречи с талантливыми писателями, открыл «Наш современник». И вдруг как током ударило – такие знакомые имена: «В. Распутин, В. Шугаев. «Нечаянные хлопоты. История, слышанная в Усть-Илимке». Повесть. Сразу как наяву вспомнился читинский семинар и эти оживлённо спорящие друг с другом парни. Углубился в чтение. Повесть была об участии молодёжи в строительстве Усть-Илимской ГЭС. А вот как вспоминает о публикации этой вещи в своей книге «На русском направлении» тогдашний главный редактор «Нашего современника» Сергей Викулов: «К вам двое молодых людей

из Иркутска», – доложила секретарша, войдя в мой кабинет. Вошли, представились: «Шугаев. Распутин». «Так вот ты какой, Распутин! – подумал я, приглядываясь ко второму. – Сколько же тебе лет?» О его повести «Деньги для Марии», опубликованной журналом «Сибирские огни», в Москве уже говорили, даже писали. Удалось прочесть её и мне, и поэтому я чаще бросал взгляд всё-таки на него, чем на Шугаева. «Мы вам принесли повесть», – сказал Шугаев, доставая из портфеля рукопись. Взял, глянул на титул: «Валентин Распутин. Вячеслав Шугаев. Нечаянные хлопоты. Повесть». «Это как? В соавторстве?» – спросил я. Меня не радовало соседство двух имён на рукописи: «бригадный метод» в литературном творчестве я не признавал, хотя знал, что было и такое... «Любопытно...» – добавил без особого энтузиазма, – ну что же, буду читать...» Через два дня соавторы снова сидели передо мной. «По теме, – сказал я, – повесть нас устраивает. «Наш современник», как никакой другой журнал, должен запечатлевать современность – название обязывает. И с этой стороны всё в порядке. Боялся я другого: разностильности. Ведь человек – это стиль. Два человека – два стиля... Не знаю, чья заслуга, но резких перепадов в письме, в интонации я не почувствовал. И характеры тоже довольно определённые. Будем печатать!»

Молодые сибиряки, конечно, обрадовались: как-никак первая публикация в столичном журнале!

«Когда мы сейчас читаем прозу Распутина, Скопа, Шугаева или пьесы Вампилова, – пишет в своей статье «Вера и верность» критик Анатолий Ланщиков, – то как-то трудно поверить, что когда-то они были соавторами, писали вместе очерки, рассказы, повести, выпускали в соавторстве книжки. Пожалуй, такой артельный писательский метод – беспрецедентный случай в нашей литературе. И потом они «разошлись» не из-за каких-то внешних обстоятельств, а в силу закономерного тяготения самобытного таланта к индивидуальному самовыражению. А вот «сошлись» они в своё время по причине внешних обстоятельств: не было под рукой крепкой литературной поддержки, недоставало жизненного опыта и жизненных впечатлений, да и мастерство ещё предстояло обрести».

«Эта совместная повесть «Нечаянные хлопоты» представляла собой так называемый социальный заказ обкома комсомола (это пробил в Иркутском обкоме ВЛКСМ Вячеслав Шугаев), с которым, по общей оценке заказчика и критика, авторы справились неплохо. Писали по главам. Главу – Распутин, главу – я, но не поочерёдно, а одновременно. Обговаривали, в принципе, содержание глав, намечали стыковочные вехи, пытались заранее согласовывать словесную тональность – здесь было больше всего издержек и, позволено сказать, к общему словесному знаменателю приходили позже, в рукописи», – вспоминал Шугаев.

Замечу, что эта повесть была первой и последней совместной работой Валентина Распутина с другими авторами.

«Через год, в 7-м и 8-м номерах журнала «Наш современник» печатали новую повесть Валентина Распутина «Последний срок», блестяще подтвердившую необыкновенную одарённость автора, – вспоминает в своей книге «На русском направлении» главный редактор журнала Сергей Викулов. – Это был уже наш собственный «овощ», выращенный не в чужом огороде. И какой «овощ!» Заглядение! В таком именно духе отозвались о повести и читатели, и критики. Имея в виду большую литературу, критики в один голос отмечали: в «Нашем...» полку прибыло».

А вот что пишет Валентин Распутин о журнале «Наш современник»: «Почти всё, за исключением первой повести и последних нескольких рас-

сказов, опубликовано у меня в «Нашем современнике». Около тридцати лет я автор этого журнала, и около двадцати пяти – член редколлегии. «Наш современник» – близкий мне журнал, всю жизнь сопутствующий моей писательской судьбе и даже в немалой степени её делавший. Личность личностью, но для молодого писателя, каким я впервые пришёл в «Наш современник», кое-что значит и «с кем поведёшься». Я «повёлся» в журнале с Абрамовым, Беловым, Астафьевым, Евгением Носовым, Лихоносовым, Солоухиным, Троепольским, Юрием Селезнёвым, и это, наложившись на личностный «наклон» пера, на всю жизнь определило мою писательскую дорогу... Начиная всякий раз новую работу, я уже представлял, как она будет напечатана в «Нашем современнике» и как он возьмёт на себя заботу связать меня с читателем и издательством. Это больше, чем просто литературный процесс с участием автора и журнала – нет, это что-то вроде духовной сращённости. В каждом номере уже много лет, независимо от того, есть в нём мои строки или нет, я невольно чувствую своё присутствие, а с другой стороны – присутствие журнала в себе. Где бы что ни писали, ни говорили о «Нашем современнике» – это касается меня...»

Когда работал над этим материалом, я невольно ещё раз убедился в верности своей юношеской привычке вести дневник. Для меня дневник не только позволяет выплеснуть душу, но и является некой летописью литературного процесса, каким он мне видится. Открываю свой дневник, нахожу такую запись: «30 марта, пятница, 2007 год. В «Литературной газете» Татьяна Доронина в своём отклике на 70-летний юбилей Распутина пишет: «Вот и нынешний, 2007 год, названный Годом русского языка и совпавший с юбилеем Валентина Григорьевича Распутина, для меня и всех коллег – тоже своеобразная коронация могущества его писательского таланта. Таланта, который, несмотря ни на что, до сих пор держит уклон литературы в «колее» благородного творчества, нравственного самоограничения, христианского предания». Как хорошо сказано!

Под вечер принесли почту – газеты и третий номер журнала «Наш современник», столь любимого Распутиным. (Да разве только им?! Все те, кому дорога русская литература, не могут не любить и не знать этот журнал и его выдающихся авторов, журнал, у истоков создания которого в своё время стоял сам Пушкин.) Принесённый номер «Нашего современника» открывался сообщением: «В знак любви и почтения к выдающемуся нашему современнику редакция журнала решила посвятить этот номер Валентину Григорьевичу Распутину. Материалы о его творчестве, а также произведения его земляков читайте под рубрикой «Иркутские страницы». В этом журнале о Распутине говорили и размышляли Виктор Лихоносов, Савва Ямщиков, Игорь Шафаревич, Владимир Бондаренко, Валентин Курбатов, Владимир Крупин. На душу особенно мне легли слова последнего из мной перечисленных писателей – слова, под которыми могли бы подписаться миллионы благодарных читателей: «С нами Распутин, и мы не одиноки. Нам повезло – у нас есть Распутин. Он русский классик, значит, лидер мировой литературы...»

В архиве журнала «Наш современник» обнаружили телеграмму Валентина Распутина, присланную им к 50-летию журнала:

«Дорогой Наш Современник Дорогой Соратник Учитель И Друг С Юбилеем Тебя Полновесным И Завидным Подобно Брестской Крепости Стоишь Ты На Страже России Не Даёшь Спуску Ни Хулителям Ни Ворам Ни Гадам Ползучим Ни Воронью Летучему В Своё Время Ты Привёл Нас На Свои Страницы Научил Любви И Страданию За Россию Дал Ключи К Закромам Народного Слова И Талант Видеть Далеко И Высоко Много Сегодня Изме-

нилось Но Не Изменился Ты И В Той Же Гимнастёрке Сшитой По Плечу
Защитника Отечества С Тем Же Сердцем Выстукивающим Жизнь За Вечное
И Родное С Тем Же Вечным Пером Правдописца Поднимаешься Сегодня
На Праздничную Сцену Оглядишь Накренившийся В Твою Сторону В Благо-
дарном Восторге Зал И Ахнешь Втихомолку Нет Ничего Не Было Напрасно
Жить И Надеяться Можно

Валентин Распутин.
Иркутск, 26.10.2006 года»

Но вернусь всё же в ту «Забайкальскую осень-1965», чтобы расска-
зать про рабочие будни семинара. Проходил он в аудиториях медицинского
института, двенадцать творческих групп работало на нём. Пять групп – про-
заиков, пять – поэтов, и две группы драматургов. Мне посчастливилось при-
нять участие в работе двух прозаических групп, где руководителями были
Франц Николаевич Таурин, Борис Александрович Костюковский и уроженец
Кемеровской области прозаик Владимир Алексеевич Чивилихин.

Нас было семнадцать человек в аудитории, где руководителями стали
Франц Таурин и Борис Костюковский. Около часа слушали рассказ геолога,
приехавшего на семинар в Читу прямо с берегов Угрюм-реки – Бодайбинско-
го прииска – Геннадия Машкина. Рассказ назывался «Под парусом». В ауди-
тории – и председатель правления Союза писателей РСФСР Леонид Собо-
лев. Рассказ получил высокую оценку. Руководители и семинаристы работа-
ли больше трёх часов кряду без всяких перекуров. Точно подметил впослед-
ствии Борис Костюковский: «У нас была исключительно дружеская обста-
новка. В эти несколько дней и ночей, когда приходилось работать весь день,
а руководителям семинаров ещё и ночью, читая произведения семинаристов...
мы все очень подружились...»

Интересно было на всех семинарах, но меня почему-то особенно тяну-
ло на первый этаж в 32-ю аудиторию. Там работала группа прозаиков под
руководством Владимира Алексеевича Чивилихина. В группе были: П. Неде-
лин (Абакан), Д. Сергеев (Иркутск), Д. Стахорский и В. Битюков из Читы,
Ю. Дерфель (Якутск), В. Распутин (Красноярск), Г. Кузнецов (Якутск),
а также приглашённый читинец И. Палкин.

Владимир Алексеевич Чивилихин оценивал своих подопечных по сте-
пени значимости и относил к трём группам. К первой он отнёс тех, чей
уровень литературной подготовки был невысок и кого пригласили участво-
вать в семинаре как бы авансом. Однако и на них маститые писатели-руко-
водители времени не жалели. Добрые советы ведь никогда не пропадают
даром. Во вторую группу попали семинаристы, пишущие умело, даже про-
фессионально, но, как говорили тогда, «не заставляющие читателя пережи-
вать, не допускающие под черепную коробку ежа». А третья группа – это
открытые на семинаре таланты. К ним принадлежал, прежде всего, Распу-
тин, чей рассказ «Ветер ищет тебя» Владимир Алексеевич прямо из Читы
продиктовал в Москву по телефону в редакцию «Комсомольской правды»
№ 37. Потом я узнал, что 9 сентября у книжного киоска около окружного
Дома офицеров ещё до открытия его выстроилась длинная очередь. «Ком-
сомольская правда» шла нарасхват, многим даже не хватило. А 10 сентября
«Литературная Россия» № 37 дала рассказ Валентина Распутина «Я забыл
спросить у Лёшки». К этому приложил руку сам Леонид Соболев. Это были
первые публикации Валентина Распутина в Москве. «Ещё очень молодой,
весь в поисках, иногда удачных, иногда неудачных... Мы имеем дело с ред-
ким дарованием, он привлекает углублённой психологичностью, смелостью,

с которой берётся за сложные вещи. В языке у него нет бесцветности, бесплотности, фразы иногда сложные, но они сработаны из точного лексического материала. Мы верим, что из него получится хороший писатель...» Да и сам Валентин Григорьевич в дальнейшем так сказал о форме, выступая на юбилейном вечере в Доме национальностей в Москве:

«Думаю, что моему поколению повезло именно потому, что хватили той мурцовки, той общности выживания, которые уже никогда не забудутся. Люди были рады друг другу. На мой взгляд, так ещё жили русские люди в 60-е годы, а вот к концу советского времени стало понемногу всё меняться. Каждый стал стараться жить получше. Каждый хотел схватит кусок пожирнее.

Для меня как писателя самыми счастливыми были 70-е годы. Да и для многих из моего поколения. Вот сейчас начинают молодые писать, суют свои рукописи известным писателям, те когда прочитают, когда не прочитают. А тогда были у нас семинары для молодых писателей. Они проводились постоянно. В 1965 году я приехал в Читу и попал на семинар к Владимиру Чивилихину. Считаю, что мне повезло. Это была большая удача. Я мог попасть и к кому-то другому, не к Чивилихину, может быть, не так повезло бы, но всё равно не пропал бы. Отношение к молодым было другое. Писатель знал, что пришло время талантливых людей, знал, что талантливых людей много. На следующий год после Читы в Кемерово был такой же семинар молодых, потом ещё и ещё.

Мы пришли в литературу с этих семинаров одновременно: Александр Вампилов, Геннадий Машкин, Виктор Лихоносков, Виктор Потанин и я. На самом деле – сильное поколение. И легче было нам выживать, потому что было кому защищать нас...»

На заключительном заседании семинара Владимир Чивилихин точно предсказал: «Мне почему-то кажется, что великий художник, которого мы с нетерпением ждём, придёт из Сибири. В Сибири есть всё: язык нетронутый, есть правда особая, бодрящая, которая зовёт не к созерцанию, а к действию. В Сибири сосредоточены политические, экономические, моральные и другие проблемы. В Сибири характеры крепкие, крупные, которые отражают психический склад сибиряка. Наконец, Сибирь живёт на земле, дорогой для всех народов. И в Сибири сложнее, чем где бы то ни было. Мы уверены, что именно Сибирь даст художника, которым будет гордиться человечество...»

Эти слова Владимира Алексеевича Чивилихина оказались поистине пророческими, потому что таким художником, как показало время, оказался участник Читинского писательского форума, ставший впоследствии Героем Социалистического Труда, лауреатом государственных и многих других премий, писатель-сибиряк Валентин Григорьевич Распутин.

Владимир Алексеевич Чивилихин, которого Валентин Распутин не без основания называл после читинского семинара своим «крёстным литературным отцом», умер 9 июня 1984 года в возрасте 56 лет от обширного кровоизлияния в мозг.

«В семье сохранилось много книг Валентина Григорьевича, сохранились и письма к мужу», – сообщила мне вдова Чивилихина, Елена Владимировна.

Светлую память о своём «крёстном литературном отце» Распутин свято берёт. Он поддерживал добрые отношения с литературно-мемориальным музеем В. А. Чивилихина в городе Мариинске Кемеровской области. В музее сохранились книга Валентина Распутина «Что в слове, что за словом?» и увесистая книга-альбом «Сибирь, Сибирь». На первой вот какой автограф автора: «Мариинскому музею В. А. Чивилихина от одного из благодарных и обязанных ему младших товарищей в литературе – обязанных В. А. Чивилихину, а значит, обязанных и музею. Искренне. Август, 1987. В. Распутин».

На книге-альбоме подпись Валентина Григорьевича: «В Мариинский городской литературно-мемориальный музей писателя В. Чивилихина с великой любовью к Владимиру Чивилихину, к его родине и землякам».

В августе 2011 года Валентин Григорьевич прислал поздравительную телеграмму коллективу сотрудников музея в связи с его 25-летием.

В «Роман-журнале XXI век» № 8 за 2000 год было сообщение о создании Фонда Памяти Владимира Чивилихина. Исполнительным директором Фонда была утверждена член Союза писателей России, прозаик и публицист В. Г. Галактионова.

«Благотворительный фонд памяти Владимира Чивилихина начал вести работу по сохранению наследия романа-эссе «Память». Будущее развитие Народа-Созидателя невозможно без знания истории Родины.

«Память» – это ничем не заменимый хлеб насущный, сегодняшний, без коего дети вырастут слабыми незнайками, не способными достойно, мужественно встретить будущее», – писал Владимир Чивилихин.

«Создал фонд и руководил им родственник Владимира Алексеевича, его троюродный брат, бизнесмен Сергей Иванович Чивилихин, – рассказала мне вдова Чивилихина, Елена Владимировна. – Фонд начал работать, начал издавать книги, наметил большие планы. Однако случилось ужасное: трагически погиб Сергей Иванович, и финансировать фонд оказалось некому».

Со временем Елена Владимировна Чивилихина сообщила мне приятную новость: «В 2013 году, на 85-летие со дня рождения Владимира Алексеевича, в Мариинске, на улице, где работает литературно-мемориальный музей В. А. Чивилихина, посажено 85 саженцев кедра».

Меня могут упрекнуть, что я так подробно рассказываю о том читинском семинаре. Но тот, кто упрекнёт, делает это зря! Надо принимать во внимание то, что значат для молодого писателя подобный семинар и оценка маститых словотворцев. Это таинство обретения своей творческой самобытности – по сути, таинство рождения писателя. В памяти невольно всплывает стихотворение иркутского поэта Марка Сергеева, посвящённое яркой странице отечественной истории литературы, какой стал читинский семинар. Это стихотворение Марк Сергеев посвятил городу Чите:

*Косматое небо и ветер несносен.
На целой земле – мокрота.
Но есть всё равно «Забайкальская осень»
И солнечный город Чита.
Там ясное небо и ясные лица,
И к ним мы спешим неспроста.
У песни и книги отныне столица –
Читательский город Чита.
Невнятное счастье в дорогах мы ищем,
Взрывая, берём высоту.
Но чтоб на себя оглянуться, дружище,
Нам надо собраться в Читу.
Невзгоды встряхнуть, и душой обновиться,
И сверить с мечтою мечту,
Обняться с друзьями и снова влюбиться
В читательский город Читу.
Горняцкий посёлок, степная станция,
Тайга в золотой красоте,
И строгая тишь на Аргунской станции,*

*И праздники книги в Чите.
И девушка та, что непрошено снится,
И дальних дорог маета,
И грустный отъезд, и мечта – возвратиться.
Вот это и значит Чита!*

II

Я отслужил в армии, поработал секретарём комсомольской организации в вагонном депо у себя на родине, в городе Хилок, писал, публиковался. А потом волею судьбы переехал, как выясняется, навсегда, из родного Забайкалья в Поволжье. Но и из Поволжья продолжал пристально следить за творчеством писателей-сибиряков, некогда встреченных мной в Чите – Валентина Распутина, Вячеслава Шугаева, Александра Вампилова, Геннадия Машкина. Как читатель-читинец и как земляк-сибиряк радовался их творческим победам.

Распутин выполнил своё обещание, данное мне на центральной площади Читы: подарил мне книгу... и не одну. В моём «забайкальском» книжном шкафу очень много книг Валентина Григорьевича с дарственными надписями. Книги, изданные в Москве и Иркутске, Калининграде и Китае, много журналов с его произведениями. Среди книг Распутина стоит и моя книга рассказов и повестей «Запрягу судьбу я в санки», предисловие под названием «На добро – добром» написал Валентин Григорьевич. Беру одну из книг. Это первый том изданного двухтомника в одном из лучших отечественных издательств – в городе Калининграде. Директор издательства – Анатолий Фёдорович Махлов. Благодаря ему в 2001 году в издательстве «Янтарный сказ» вышел в свет в серии «Русский путь», в кожаном переплёте, с золотым обложкой, с любовью сделанный двухтомник Валентина Распутина.

Открываю книгу и читаю автограф замечательного прозаика и друга: «Эдуарду Константиновичу Анашкину, писателю и человеку, талантливому самым ценным талантом – добрым сердцем». Искренне. Июль, 2002 год. Конечно, в этой подписи есть и доля преувеличения моих заслуг.

Мне казалось всегда, что достаточно хорошо знаю творчество Валентина Григорьевича. Но вот сейчас, в канун его восьмидесятилетия, перечитываю повести и рассказы, понимаю, что заново открываю творчество этого талантливого, щедрого, самобытного, яркого и многообразного писателя.

Кажется, ещё недавно встречался и разговаривал с Распутиным, и не верится, что его уже нет среди нас. Уже как два года.

15 марта – особый день в нашей истории: это день обретения иконы Божией Матери «Державная» (2 марта по старому стилю), и день рождения и смерти Валентина Григорьевича Распутина.

Каждая встреча с Распутиным для меня была событием, о котором долго помнится, размышляется... Она давала новый простор раздумьям, выводила их на новый уровень и давая новый ракурс обзора. И вот от метро «Парк культуры» иду по Комсомольскому проспекту в правление Союза писателей России. Вчера созвонился с Валентином Григорьевичем, и мы договорились о встрече: сегодня, в 14 часов, в правлении СПР. Перво-наперво, как уж повелось у меня, захожу в храм Святителя Николая Чудотворца в Хамовниках, что недалеко от здания правления СПР. Храм этот особенно дорог мне, в нём я принял первое причастие! Намоленный храм, старинный, он начал своё служение Господу ещё в 1625 году. В этом храме есть икона Божией Матери «Споручница грешных», которая неустанно помогает нам на тернистом земном пути. Как всегда, Распутин точен: ровно в назначенное время мы встречаемся в здании правления СПР. Подавая мне руку, он спросил,

была ли презентация моей новой книги. «Нет, Валентин Григорьевич, – честно ответил я, – не состоялась. Видимо, не надо это никому». «Да как же так? – недоумённо спросил Распутин. – Книга-то хорошая, но тираж маленький. Пятьсот экземпляров? Мало! Очень мало для такой доброй книги». Я ответил, что хорошо, что хоть такой тираж книги – в наше-то время, к доброте не особо доброе. И рассказал Валентину Григорьевичу смешной, только на первый взгляд, случай из жизни поэтессы Дианы Кан, моей поволжской землячки, творчество которой я очень люблю. Лишь единожды Диана, как она сама призналась скрепя сердце, решила обратиться к одному самарскому предпринимателю с просьбой помочь издать ей сборник стихотворений. Цена вопроса была невелика – 10 тысяч рублей. «Сколько-сколько? – презрительно-недоумённо переспросил потенциальный спонсор-олигарх и добавил: – Да я за выходные вдвое больше пропью!» Вердикт олигарха был тем не менее таков: «Лучше я эти деньги пропью...» С тех пор, как признаётся Диана Кан, при слове «спонсор» её начинает подташнивать. Валентин Григорьевич, когда я ему эту историю поведал, улыбнулся: «Молодец Диана! Да и поэт сильный!»

Когда моя книга рассказов и повестей «Запрягу судьбу я в санки» вышла в свет, я был очень рад. Эта небольшая по объёму книга – самая дорогая мне, потому что предисловие к ней написал Валентин Распутин. И назвал он это предисловие «На добро – добром», словно бы напоминая нам, современникам своим, читателям и писателям, о самом главном в русском укладе жизни. Дважды в одном предложении сказал о добре. И с тех пор уверен я, да и раньше был уверен, при всей моей любви к Достоевскому, что не красота, а доброта спасёт мир. Потому что доброта – это и есть истинная красота. Я предложил Валентину Григорьевичу пройти в кабинет приёмной комиссии СПР, к Светлане Васильевне Вьюгиной. Вьюгина – человек, одним из главных качеств которого является именно доброта. Эта доброта не только светится в красивых её глазах, но словно свет разлита по всему, что написано Вьюгиной.

Валентин Григорьевич согласился пройти в кабинет к Светлане Васильевне. Но уединения не получилось. Заглянула в кабинет прозаик Галина Кузнецова-Чапчахова, подарила мне свою книгу повестей «Ничья» с тёплым автографом. А тут подоспел и Александр Бологов, тогдашний председатель Псковской писательской организации. Увидев Бологова, Распутин дружески с ним обнялся. Да уж, тесен писательский мир! Но как порой поддерживает нас такая вот «теснота», помогающая ощутить плечо духовно близких людей! Стали разговаривать, и тут не смог я отказать себе в удовольствии похвастаться редкой книгой. Достал из портфеля, как трофей, распутинскую книгу «Что в слове...», выпущенную ещё в 80-х годах в Иркутске. Приятно удивлённый тем, что у меня такая книга есть (не факт ещё, что и у самого Валентина Григорьевича за давностью выпуска она имеется!), Распутин написал мне её.

Я почему-то решил задать Распутину технический, казалось бы, вопрос: как он пишет свои книги – сразу на машинке или от руки? Как я и думал – всё, написанное Валентином Григорьевичем, написано от руки. Впрочем, вся наша русская классика, начиная с Ломоносова, написана от руки. Распутин признался: «У меня мелкий почерк, и это моя головная боль. Но пишу я только от руки отточенным карандашом. А вот когда отдаёшь написанное на машинку, то машинистке очень неудобно: мелко написано. Но всё равно я пишу от руки! Не хочу, чтобы читатели подумали, что я какой-то ретроград, который против технического прогресса, компьютеризации и прочего. Но всегда вспоминаю Ивана Бунина, настоятельно советовавшего Валентину Катаеву писать от руки. «Само творчество, самый процесс сочине-

ния, по-моему, заключается в некоем взаимодействии, в той таинственной связи, которая возникает между головой, рукой, пером и бумагой», – говорил Бунин. А я бы сюда добавил ещё и сердце, потому что именно сердцем, добрым сердцем написано лучшее, что есть в нашей литературе.

Светлана Вьюгина, хозяйка кабинета, угостила нас яблоком. Яблоко было одно, а нас много. Поэтому, разрезая его на всех, я вспомнил невольно русскую поговорку о том, что незваные гости гложут и кости. Если бы Вьюгина знала заранее о нашем визите... Уж я знаю эту хлебосольную женщину! Но и то правда, что за иными сытыми столами гастрономическая сытость вовсе не утоляет духовного голода. А у нас было именно пиршество общения, когда и одно яблоко на всех – и все довольны. Яблоко вкусно пахло, видимо, его запах заставил заглянуть в кабинет Юрия Лопусова, секретаря Союза писателей России. Поздоровавшись, окинул взглядом наш скромный стол, улыбнулся: «А у меня есть бутылка хорошего коньяка...» Распутин слегка улыбнулся (мне показалось, что его улыбка была несколько философской), и, видимо, вдохновлённые распутинской улыбкой, окружающие оживились. Откуда ни возьмись – явилась на стол вкуснейшая настойка зверобоя. И Бологов начал нам рассказывать о том, что она не только приятна на вкус, но и весьма «пользительна» для здоровья. Валентин Григорьевич повернулся ко мне и с лёгкой досадой произнёс: «Вот и поговорили...» Но все в кабинете были так воодушевлены присутствием классика, что не заметили этой его лёгкой досады... Юрий Лопусов предложил выпить за Союз писателей России. Выпили стоя. Распутин пригубил коньяк, взял дольку яблока. Потом Лопусов предложил выпить за Валентина Григорьевича. Распутин и за себя тоже лишь пригубил коньяк. А когда стали пить чай, он поднялся и извинился – дела, мол. Я вышел следом. Валентин Григорьевич подал мне руку на прощание: «Всего вам доброго! Больше пишите, пишите...» Тут я понял, что другого времени не будет, и решил попросить что-то для самарского журнала. Валентин Григорьевич открыл свой неизменный бордовый портфель, подал мне несколько машинописных листов: «Вот что у меня есть». Это был «Мой манифест». К этой распутинской вещи во времена, когда добро и зло так перемешались, когда зло так часто выдаёт себя за добро, а бессовестность тщится заменить совесть, у меня совершенно особое отношение. В «Моём манифесте» Распутин напоминает нам о том, что бескорыстное и доброе сердце – самое важное. Но без твёрдой и доброй воли доброе сердце беззащитно перед жизнью. И вернуть любовь читателя к себе мы, писатели, сможем тогда, когда в наших книгах появится волевая, но при этом добрая личность, герой, который умеет постоять за Россию, способный собрать ополчение в защиту Родины. Впрочем, зачем пересказывать классика. Кто ещё не знаком с распутинским «Манифестом», пусть откроет самарский журнал «Русское эхо», № 15 за 2003 год. Впрочем, не только этот журнал...

15 марта Валентину Григорьевичу Распутину исполнилось бы 80 лет. Судьба распорядилась так, что день рождения и день памяти нашего классика стали одной датой. И в этом ещё одно подтверждение мистики судьбы Распутина, невольно наводящее на глубокие раздумья.

Казалось, ещё вчера имел я счастье встретиться и беседовать с Валентином Григорьевичем! И по прошествии нескольких лет никак не могу поверить, что его нет среди нас. То, что мне его очень не хватает – встреч с ним, разговоров, писем, просто дружеского общения, – полбеда. Распутина очень не хватает России на её очередных непростых исторических путях.

**Карина
СЕЙДАМЕТОВА**

КОВЫЛЬНЫЕ ЗВЁЗДЫ

По птичьему лёту, по зыбкому льду
Весне первоцветной навстречу иду.
Ветра прилетают,
И лёд подъедают,
И дуют в шальную дуду.

И голуби мнутя у кромки пруда
И смотрят, любуясь, как дремлет вода
До майского срока,
В предчувствии рока –
Могучего таянья льда!

С Господних и горних поющих высот
Нисходит сиянье на тающий лёд.
По лужам весёлым,
Взметая подолом,
Весна мне навстречу идёт.

«Переплыть бы раздольну Волгу
По лихому теченью встреч!» –
Так дерзания юности колко
Будоражили кровь и речь.

Растревожена девья память
Ускользящей вспять реки.
Всё, что было, сокрыли заводь
Да угрюмые рыбаки.

-
- Карина Константиновна Сейдаметова родилась в 1984 году в Самарской области. Автор поэтических сборников «Позимник», «Соборный свет». Стихи публиковались во многих всероссийских бумажных и электронных общественно-патриотических изданиях: журнале «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Дон» (Ростов-на-Дону), «Родная Кубань» (Краснодар), «Подъём» (Воронеж), «Гостиный двор» (Оренбург), «День и ночь» (Красноярск), «Русское эхо» (Самара), «Великороссь» и др. Член Союза писателей России. Лауреат поэтической премии им. Ю. Кузнецова (журнала «Наш современник»). Живёт в Москве.

Было нас, окаянных, трое –
 Ты да я и... река! Река,
 Искупавшая нас собою,
 Искупившая всё лихое
 И сбежавшая в облака...

Нрав мой – клинок стальной. А ты думал – шёлк?
 (Лучше б ты никогда меня не нашёл!)
 Властвуют в нём – не сносить тебе головы! –
 Вспыльчивость вихря, колкость осок-травы,
 Резкость и резвость молнии шаровой...
 Что, говоришь, не боишься норова моего?!

Жжётся привольностью диких горючих степей
 Волжский напев мой, спелых ночей горячей.
 Выходят ковыльные звёзды, пьянят за погляд,
 Песни мои о тебе по-степняцки звучат.
 Солнце казачье светает поить-полонить –
 Зря ты распутывал нежности шёлкову-нить.

Встретил-приветил клинка раскалённую сталь –
 Вздорного нрава мою огневую печаль.
 Зря уверял, не страшишься досужей молвы.
 Ох, повторю: не сносить тебе головы!
 Степь изнутри тебя выжжет, посмевший забыть,
 Как ты однажды распутывал шёлкову-нить.

Многотрудное счастье моё!
 Поднимается солнце с востока,
 И природа себя узнаёт –
 Узнаёт в сыновьях ненароком.

Среди сутолок будничных дней,
 Среди призрачных дум о высококом,
 Кроме сказок, светлей и ясней
 Мы согреты лучами востока.

Ну, а если покажется мне,
 Не жена я, а только невеста –
 Где-то мальчик заплачет во сне,
 И опять не найду себе места.

Жизнь рассветные гимны поёт,
 День взмывает в лучах исполином
 Многотрудное счастье моё,
 Нареченное ласково – сыном.

*Плывёт. Куда ж нам плыть?..***А. С. Пушкин**

«Куда он так быстро? – шептались ракушки.–
В какие такие торопится страны?..»
Диковинный лайнер по имени «Пушкин»
Летит, разрезая моря-океаны.

Летит ниоткуда, как чудо возникший,
Летит в бесконечность, собою рискуя,
Не слыша шуршанья ракушек прилипших,
Сквозь шквалистый ветер и злобу людскую.

...Есть много дорог в неразгаданном мире.
Теряется на горизонте фарватер.
Штурмуй, легендарный, глубины и шири,
Узлом завяжи непокорный экватор!

Века, как виденья, проносятся мимо.
Выносит ракушки на берег сурово..
А в трюмах души, провиденьем хранимы,
Лежат жемчуга самоцветного слова!

Что нам за жизнь разговаривать,
Что нам гадать на-гора?..
Жизнь – толокно или гарево?
Завтра. Сегодня. Вчера.
Сколько похлёбку ни взваривай,
Не избежать заварух.
Зарево, марево, варево –
Из молодых и старух.
Старая? Малая? Что теперь?
Не разгадать напрямик.
Жизнь – долгожданная оттепель,
В будущность рвущийся крик!
Песня к рассвету поспела, и
Зорька, как мать, тяжела –
Зоркою яблоней белою
С новой весной расцвела...
Много под яблоней этою
Спето-сговорено слов.
Что нам на жизнь нашу сетовать,
Муку в муку измоллов?
Дверь притвори в доме стареньком
И, не гадая, молчи!
...Жизнь потихоньку уставится,
Словно заслонка в печи.

Да, не каждому выйдет сегодня по росту
Прочитать на коре письма, берёста,
Что таит белоснежная наша берёста
Или сполох небесного льна.

Не для каждого вьюга круги свои нижеет,
Поднимаясь над вещей землёй,
И, восстав из-под спуда, нетленные Кíжи
Воздымают надмирный конвой.

Проходя русский путь от печи до погоста,
Будь святой ты, бандит или тать,
Это просто, поверь мне, чудовищно просто –
По обугленным письмам гадать.

Современность стирает времён позолоту,
Расплетается темень-тесма...
Нет надёжнее и сокровенней оплота,
Чем берёстовый росчерк письма.

Битва гремит нескончаемо, дружё!
Воина путь – это путь русака.
Каждому свыше дарует оружие
Тот, чья любовь нас хранила века.

Вихри вселенские, вихри мятежные...
Воздух полынный впервой ли вдыхать?
А за окном смотрит с тихой надеждою
Родина-Русь, синеокая мать.

Ох, и намаялась милая с чадами,
Что, презирая житейский правёж,
В тысячный раз засевают снарядами
Поле, когда-то родившее рожь.

В пули отлитая вольная волюшка –
Прожекторами сгорающих звёзд.
Это сражение – русская долюшка.
Бранное поле. Победный форпост.

**Александр
Бойников**

ЗРЕНИЕМ ИСТИННОЙ ВЕРЫ

*О романе Геннадия Рязанцева-Седогина
«Земля живых»*

Дай Бог, чтобы появлялись такие произведения, чтобы появлялись такие герои, которые своей святостью будут впечатлять современного читателя, чтобы святость стала не чем-то канонически изображённым на фресках и не всегда понятным современному человеку, но чтобы святость стала желанной, чтобы она становилась целью, чтобы к достижению святости устремлялись люди. А для этого нужно научиться изображать святость в художественной литературе.

**Из выступления
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Кирилла на церемонии вручения Патриаршей
литературной премии имени святых
Кирилла и Мефодия 28 мая 2015 года**

Читать этот роман непросто. И дело вовсе не в тяжеловесности его языка и стиля, как сразу подумают многие. Напротив, язык – выразителен и прост, стиль – динамичен, лишён сюжетных провисаний, а внезапная смена событийных планов, подчинённая своеобразному ритму, придаёт повествованию известную кинематографичность. Уже сам заголовок «Земля живых» нацеливает на глубокое, вдумчивое постижение описываемой действительности и затем – по мере движения вперёд – на драматичное осознание множества религиозных, философских, этических, нравственных, бытовых проблем, которые в обычной на первый взгляд судьбе отдельного человека нередко

завязываются в тугой коварный узел, оглушают и загоняют в тупик трагических утрат и лишений, угнетают тягостными сомнениями с последующими лихорадочно-безрассудными метаниями в поисках выхода, а в историческом бытии русского народа оборачиваются всплесками хаоса и социальными катастрофами. И лишь в лоне православной веры, в Христовой Церкви обретается гармония осмысления явленных в земной юдоли кричаще-противоречивых начал, потрясающих безнадежностью ситуаций, вызывающих ропот у тех, кто не знает или не взыскует Божественной истины. Так можно очертить концептуальную основу романа. «Разум – это свет, это Истина Христова», – утверждает писатель, и с первых же страниц ведёт к ней читатель. Кто захочет следовать за ним, кто отступит, кто дойдёт до конца.

Фабула романа вращается вокруг строительства храма Михаила Архангела в Липецке, его главный герой – сам автор, выведенный под именем священника отца Евгения. Оставив мирские занятия, он немало лет служит Богу искренне и самозабвенно. Характер, убеждения, чувственная сфера отца Евгения раскрываются в общении с множеством людей, разных по социальному и имущественному положению, но ведущая и лучшая черта его личности видится сразу. Это – сострадание ближнему, которое для отца Евгения и потребность, и благо, и долг; он готов помогать всем, кто к нему обращается, в любое время дня и ночи. Служение его связано в первую очередь с печальной стороной жизни прихожан: старостью, одиночеством, болезнями, страданиями, смертями, отпеваниями и похоронами. Отцу Евгению приходится исповедовать наркомана, маньяка, преуспевающих бизнесменов, эмигрантку, уехавшую за ловлей счастья в США, совершать церковные таинства над умирающими детьми... Писатель достигает подлинного мастерства в обрисовке характеров даже второстепенных и эпизодических персонажей, используя целый спектр приёмов психологического анализа: внутренний монолог, внимание к оттенкам душевных состояний, эмоционально насыщенные детали, интерпретацию поведения и мимики. Не кончается поток исповедующихся, и каждого надо понять, каждому сказать целительные и убедительные только для него слова. Однако не всегда священник достигает того, чтобы рассказывающий о совершённых грехах человек взаправду раскаялся и попытался изменить и себя, и жизнь или хотя бы повернулся к добру. Из-за слепой ревности, «деспотизма любви» после исповеди совершит самоубийство ещё совсем молодой Рустик. А отец Евгений, остро переживая случившееся, винит себя в самонадеянности: забыл, что «человек может быть обольщён собой». Итог его раздумий выстрадан и честен:

«Мы, священники, думаем, что имеем власть над современными людьми. Что мы сакральные существа, слова и наставления которых воспринимаются как руководство к жизни. И вот это обольщение властью порой ослепляет нас, делает близорукими. Мы склонны думать, что поставлены быть отцами по статусу своего положения. Но отцовство следует заслужить аскетическим подвигом и страданием. Послушание отцовству не по статусу положения, а по существу складывается из доверия людей к человеку, посвятившему свою жизнь служению. Тогда возникает желание подчиниться, как подчиняются любви, красоте, добру».

Многим священнослужителям стоит взять это за незыблемый закон духовного делания.

Дорога по «Земле живых» начинается с понимания того, что писатель определил как «царское церковное сознание», от века заложенное и неуничтожимое в нашей ментальности; именно оно формирует принципиально иное мировидение. Так закладывается православно-философский фундамент романа:

«Представь себе картину, мой мальчик: твёрдый камень – это Святейший Патриарх, на нём всё стоит, всё держится, а круги, расходящиеся от этого главного камня при соприкосновении с водой, – это все мы, кто на каком круге. Кто ближе, кто дальше. Так вот, этот мальчишка в наушниках может быть на самом последнем круге. Он ничего не знает, кроме своего рэпа. Но и он включён в это царское церковное сознание, в эту полноту жизни. Потому что там, на камне, где стоит Святейший, и проходит ось мироздания, и вокруг этой оси всё вращается».

Если трансформировать предложенную метафору, то для всех приходящих к отцу Евгению он – тоже ось одного из небольших кругов мироздания, и её устойчивость и устремлённость к Небесному упрочивают веру окружающих. Автобиографическая исповедь главного героя – мировоззренческая доминанта и стержневая сюжетная линия романа.

Содержательно-композиционное ядро его заключено в письмах отца Евгения к сыну Ивану, которые периодически, но органично останавливают общий ход событий. Эти откровения, поразительные по интеллектуальной весомости и мощи нравственного воздействия, то лирические, то философские, но всегда по-доброму поучительные и подчёркнуто доверительные, дают возможность читателю остановиться и подумать уже с иных – надмирных – высот разума о болевых точках и дисгармонии текущей жизни, оценить свои поступки, пересмотреть мнения, а писателю – донести до читателя размышления о сущности христианского вероучения, о национальной истории, о русском народе, в менталитете которого смешаны созидательная энергия и стихия разрушения, изначальная святость и порывы безверия, о подоплёке дьявольских деяний – и о многом другом, ведущем к осознанию конечного смысла мира как Церкви. Автор последователен в данном стремлении, а поскольку всё им изображённое – от закладки храма до прозрения отцом Евгением реальности бессмертия души в финале романа – воссоздано в пределах христианской картины мира, утверждающей всеобщий онтологический статус Бога и спасение души в вечности, то будет справедливым отнести «Землю живых» к произведениям духовного реализма, основа которого – «духовная вертикаль», «художественное восприятие и отображение реального присутствия Творца в мире». (А. Любомудров.)

Сплав душеполезной прозы и интимного дневника – это отцовские письма: целый кладёзь благодатных проповедей, чистосердечных практических советов, которые принимаются и усваиваются не под нажимом назидательности, а по причине бескорыстной убедительности, доброжелательной и верной аргументации, чей вечный источник – евангельская мудрость. Спокойные, заветные и, я бы даже сказал, нежные разговоры «по душам» отца с сыном, наполненные особенной чувственной логикой, подвигают к созиданию «становящегося смысла – Церкви Христовой» в себе самом. «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» (1 Кор 6:19). И в этих письмах, и в исповедальных диалогах обретают явь и словно освещаются суть благочестия («таинственного ресурса»), совести, любви, («надо любить человека не для себя, а для него»), мера ответственности за свободу личного выбора, необходи-

мость получения знаний и самосовершенствования, подводные камни во взаимоотношениях детей и родителей, истина веры и истина разума («ум Христов»), дополняющие друг друга. Предостережением и пророчеством звучат слова о жгучих и страшных проблемах дня сегодняшнего – о «бесчувственности к силам зла», о «религии золотого тельца», которая, завладев на рубеже тысячелетий миллионами людей, уводит их всё дальше от религиозного сознания к небытию и смерти:

«Я знал, что всё потеряно, что процесс деградации современного человечества настолько велик, что исправить его, остановить падение человека сможет, пожалуй, только глобальная катастрофа. Потому что современное человечество находится уже в сновидениях ада. Только перед лицом реальных страданий может опомниться человек».

Жутко представить, что есть «духовная смерть личности»...

Помимо Библии, святоотеческих трудов и житий святых, писатель апеллирует к классикам русской и зарубежной литературы – А. Пушкину, Ф. Достоевскому, Л. Толстому, Ф. Тютчеву, Шекспиру, Н. Гоголю, С. Есенину, упоминает по конкретным поводам З. Фрейда, М. Пруста, Г. Гессе, религиозного философа Вл. Соловьёва, иллюстрирует свои рассуждения фактами из истории (я с радостью обнаружил в книге тверскую ниточку: одна из героинь романа была прямым потомком знаменитого анархиста Михаила Бакунина, чья родовая усадьба Прямухино находилась в Тверской губернии), культурными и политическими параллелями между прошлым и настоящим, и даже медицинскими реалиями, что позволяет выделить в содержании романа культурологический аспект.

Надо обладать очень большим мужеством, чтобы публично снять покров с участи священства: принести в «воцарившийся мрак страдания присутствия Божие через свой облик, через слово, через любовь и заботу, принести надежду». А если надежда не сбывается, как в случае с Наталией, матерью измученного болезнью маленького Илюши, чья короткая жизнь на Земле вся превратилась в сплошное страдание? Его история – самая щемящая и надрывная в романе. Или если кто-то сомневается, а то и просто отвергает возможность допущения Божиего присутствия внутри себя, желая оставаться во власти прежних соблазнов и новых грехов? Отец Евгений не снимает с себя личной ответственности за всякое действие, за всякое слово, за всякую мысль. Он – живой человек, без позы и ханжества. Ни грана самолюбования, лишь сострадательность, смирение и кротость, но иногда и отчаяние, нервная саморефлексия, боль в сердце из-за необходимости едва ли не каждодневно пропускать через себя чужое горе:

«Но когда настоящая беда хватается человека, несёт его в темноту и держит, превращая всё его существо в одну сплошную оголённую боль, тогда не работают никакие теоретические рассуждения на тему промысла Божиего, вины родителей, жизни будущего века и так далее. Тогда нужно что-то другое. И это другое подобно сошествию в ад. Надо идти вместе с ними, со всей своей любовью, со всем своим состраданием, на которые ты только способен, идти в их жизнь как друг, как отец, как священник. Надо этих людей выделить, как единственных сейчас в твоей жизни, как самых родных, самых дорогих и близких. Взять на себя их боль».

Поэтому отец Евгений, «находясь на границе жизни и смерти, света и тьмы, времени и вечности», достойно исполняет пастырский долг – направ-

ляет человека на путь спасения души. Неизбежное горе – смерть горячо любимой и почитаемой матери – падает на него великой скорбью, переданной с удивительной тонкостью и эмоциональной глубиной. Главному герою тоже постоянно нужны понимание и поддержка. Конечно, духовные силы отец Евгений черпает прежде всего в Священном Писании, но он не один: в романе мы встречаем целую галерею подвижников веры, ярких образцов святости в женской и мужской ипостаси: монахиня Тавифа, инокиня Неонила, игуменья Любовь, схиигуменья Доротея, архимандрит Кирилл, отец Владислав, отец Серапион. Подробно, с проникновенной любовью прорисован образ девушки Веры (имя, конечно, не случайное), показано, как меняется её богатый внутренний мир. Вера постепенно приблизилась к Церкви, прониклась истиной и красотой православия в общении с отцом Евгением; он же в свою очередь духовно обогащается, видя, как всесторонне преобразует человека обретение им «становящегося смысла».

Аналоги образа отца Евгения (он не автопортрет) в современной российской прозе едва ли отыщутся, поэтому я с полным правом считаю его художественным открытием писателя, плодотворно развивающего литературную традицию «диалектики души».

Важное качество романа – полемичность. На всём его протяжении отец Евгений познаёт и себя, размышляет о священническом труде, критически оценивает собственную деятельность. Прежде чем наставлять людей, писатель-священник должен доказать истинность всего того, что он стремится посеять в людских умах и сердцах как служитель Бога, самому себе. Ему приходится спорить как с сыном, наталкиваясь на стену непонимания с его стороны, так и с самим собой, со своим alter ego. Споры эти порою напряжённые и тяжкие, но и полезны, ибо укрепляют веру опровержением того, что её умаляет и искажает, поддерживают необходимое «бодрствование в духе». Совершенное, неопровержимое доказательство – воспитание и убеждение сына личным примером (вера без дел мертва есть) приносит благодатные плоды.

«Непризнание авторитетов, отказ от всего священного, пофрание преданий, неуважение к духовному опыту отцов и великих учителей, забвение уроков истории – вот характерные черты современности» – роковая оценка нашего века. Её, безусловно, примут в штыки апологеты идеологии потребления. Поэтому писатель ведёт в романе одновременно и мировоззренческую полемику, вступив в духовную битву с яркими и агрессивными отрицателями православных ценностей, что крайне важно на фоне сложной социально-нравственной обстановки в российском обществе. Насильственное внедрение западных и американских аксиологических стандартов в нашу культуру, в массовое сознание нарастает по всем информационным каналам, а в отношении молодёжи – с утроенным натиском. Последний фактор губителен ещё и потому, что восьмой смертный грех – «грех неведения», когда «русские не понимают самих себя», – приведёт к плачевному результату: уничтожению христианской цивилизации и «смерти души для вечной жизни». Писатель, рискуя навлечь на себя шквал окриков и упреков, смело и прямо бьёт по «русским псевдопатриотам», которыми «культивируется миф, фантом о предопределении русской судьбы»:

«Умом Россию не понять!» – восклицают они во все времена, не осознавая, что в словах этих выразилось отчаяние поэта, а не убеждённость в том, что Бог спасёт Россию, что бы ни происходило».

Альтернатива – «утверждать понимание России как национальной добродетели», осуществить на практике «гармонию закона совести и юридического закона».

Роман адресован широкой аудитории, но на освоение его идейного спектра существенно повлияет степень близости конкретного читателя к Церкви, его осведомлённость в православной антропологии и христианских догматах, которые должны подпитываться жизненной конкретикой. Иначе существует опасность их восприятия как чего-то схоластического, абстрактного, оторванного от повседневности. Автор в значительной мере преодолел эту опасность, хотя прочтение и понимание отдельных мест может вызвать трудности, например, разъяснения о Крови Христовой и о крови нашего народа, в которой «продолжают сохраняться программы и коды идеологии бессмертия». Или обширный фрагмент о Писании, Предании и деле, взятый из работы «Церковь одна» А. Хомякова, ведущей фигуры раннего славянофильства. Последующее его толкование явно не помешало бы, тем более если учесть, что мышление нынешней молодёжи изрядно деградировало вследствие достижений технического прогресса.

...Сияют золотом купола вновь возведённого храма, начинавшегося с брезентовой палатки; праздничное торжество от нового воплощения Божественной гармонии, средоточия духовности и красоты разлито вокруг. Сколько людей обрели и ещё обретут «становящийся смысл» в самих себе и продолжат достойный путь по Земле живых!

Роман-исповедь завершается жизнеутверждающим аккордом, содержащим и предупреждение, ибо зло в этом мире остаётся:

«И тот, кто выбирает зло, выбирает смерть, находится вне Бога, вне творения, вне жизни! А кто пребывает в любви, тот пребывает в Боге и принадлежит бессмертию!»

Проницательный и тёплый роман вселяет твёрдую, светлую веру в то, что не всё потеряно, если избрать жизненными принципами и нравственными императивами вечные, несокрушимые христианские ценности. Дальнейшее зависит исключительно от личного выбора каждого из нас.

**Геннадий
РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН**

ЗЕМЛЯ ЖИВЫХ

РОМАН

(журнальный вариант)

Нет смысла, который бы не стал.

А. Ф. Лосев

*Есть земля живых и земля
мёртвых, и мост между ними –
любовь, единственный смысл,
единственное спасение.*

Т. Уайлдер

Здание архива располагалось за рынком, между пожаркой и храмом Преображения Господня. Оно напоминало большой сундук с нарисованными на нём в два ряда окнами и дверью посередине. Типичное здание советского периода: безликое, лишённое каких-либо архитектурных изысков. Каким-то образом оно соотносилось с пожаркой – такое же прямоугольное и удлинённое. Но пожарке придавали смысл стоящие рядом красные машины с лестницами наверху. А здание архива было просто сундуком, владельцем которого мог быть кто угодно: представитель любого класса или сословия, от местного жэка до комитета профсоюзов.

-
- Геннадий Николаевич Рязанцев-Седогин родился в 1954 году в с. Карамышево Липецкого района в семье учителей. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького и Московскую духовную семинарию. В настоящее время протоиерей отец Геннадий – настоятель храма Михаила Архангела в посёлке Тракторостроителей г. Липецка. В 2016 году Общероссийским общественным движением «Россия православная» награждён двумя медалями святых Бориса и Глеба «За жертвенное служение». Стихи, проза и публицистика печатаются в литературном журнале «Родная Ладога», журналах «Берега», «Поэзия 21 век от Рождества Христова», «Экоград», «Поэзия», «Север», «Подъём». Автор романа «Становящийся смысл» (2014), книги стихов «Невидимое присутствие» (2015), сборника рассказов «Трудности перевода» (2015). Является членом Союза писателей России, сопредседателем правления регионального отделения Союза писателей России, членом правления регионального отделения Международного содружества писательских союзов. Лауреат многих литературных премий.

Церковь Преображения, некогда вдумчиво вписанная архитектором в пространство небольшого купеческого провинциального города, теперь смотрелась игрушечно-сказочно на фоне городской промышленной зоны. С грубым пейзажем её роднили, пожалуй, купола, безвкусно покрашенные реставраторами ярко-синей краской.

Я подошёл к зданию, открыл незапертую дверь и оказался в полутёмном коридоре областного архива. Меня встретил человек, который точно соответствовал моим представлениям об архивариусе. Он был невысокого роста, в тяжёлых ботинках, на которые спадали складками невыглаженные брюки. На нём были надеты драповый коричневый пиджак и тёмный джемпер, из-под которого белела рубашка и торчал узел бордового галстука. Плечи архивариуса свисали вперёд, он сутулился. Лицо было невыразительно. Толстые роговые очки привлекали внимание своей тяжеловесностью, сквозь их стёкла были видны по-китайски маленькие, узкие глазки.

– Что вы хотите? – спросил меня архивариус.

– Меня интересует история строительства главного храма нашего города – кафедрального собора Рождества Христова.

– Это любопытно, – пропел высоким голосом архивариус, – хотя и не удивительно. Пришло время открывать то, что долго лежало под спудом. А кто вы по профессии?

Мне почему-то не хотелось говорить ему о своей профессии, но и сказать неправду я тоже не хотел. Но что-то надо было ответить. Я мог бы назваться журналистом, потому что был членом этого Союза; мог бы представиться писателем, потому что также состоял в Союзе писателей, или директором гимназии, но подлинная моя профессия, которая была моей повседневной работой...

– Впрочем, – прервал мои размышления архивариус, – я вижу, вы исследователь. Пойдёмте, я предоставлю вам некоторые интересующие вас документы. У вас паспорт с собой?

– Да, конечно.

Пригласив меня в небольшую комнату, похожую на маленький читальный зал, он попросил подождать.

С самого детства я не переносил запаха старых книжек, запах сухих пожелтевших страниц. Его ни с каким другим невозможно спутать. Запахи – это невидимая пыль, самая мелкая пыль на свете. Такая же лёгкая, как воздух. Она бьёт прямо в слизистую носа, проникает в сосуды бронхов и закупоривает их. Я это знал не понаслышке, так как всё детство проболел астмой.

Говорят, что астматики наделены особым восприятием. Их чувства утончены, видимо, потому, что они во время приступов удушья переживают страх близости смерти, когда восприятие становится настолько активным, что обостряются все пять физических чувств, которые, как щупальца, вцепляются в жизнь. При этом активизируется шестое чувство, видящее тонкий мир, мир фантомов и привидений. Я помню, что ночью – а приступы почему-то всегда обострялись к ночи (как, впрочем, и все болезни) – я мог созерцать предметы, увеличенные во множество раз. Это могли быть стулья, шкафы, горшок с геранью. Я мог видеть числа (числа представлялись особенно часто!). Они принимали гигантские размеры и пугающе двигались на меня. Я помню, как изменялось само пространство. В третьем классе я ходил в школу во вторую смену, и на последнем уроке, когда за большими окнами становилось темно, включали свет. Тускло загорались круглые шары плафонов на потолке. Свет был слабым, и я видел, как учительница со столом отодвигалась в глубину класса и превращалась в маленькое, игрушечное существо. Комната удлинялась, и в ней становилось сумеречно, зыбко.

Я предчувствовал, что сегодня вечером случится приступ удушья, я знал, что, когда пойду домой, земля под ногами будет проваливаться и я часто буду спотыкаться и, спотыкаясь, буду испытывать страх. Позже я нашёл причины происхождения детской астмы. Она кроется в сильной впечатлительности, и, если ребёнок не умеет контролировать своё эмоциональное состояние (а он не умеет этого делать, потому что сознание ещё не пробудилось), его окружают страхи. Что-то подобное выражено в офорте Франциска Гойи «Сон разума рождает чудищ». От страхов перевозбуждается дыхательный центр, который находится в глубине мозга, ослабевает, и контроль над сосудами бронхов теряется. Вот тут-то и начинается приступ.

Кстати, Марсель Пруст был астматиком. Его вывозили на природу в законопаченном автомобиле, чтобы туда не могли проникнуть никакие запахи. Он был настолько утончён, что, видимо, оказывался «человеком без кожи», и живая природа стремилась соединиться с ним настолько, что жаждала его поглотить. Его телесность не справлялась с этим своевольным призывом творчества. Он всю свою жизнь просидел в замкнутом пространстве, не живя, а созерцая окружающий мир и описывая его в удивительных подробностях, недоступных толстокожим людям.

Я не любил этот запах старины ещё и потому, что он напоминал мне о прошедшем, умершем времени. А оно всегда жаждет ожить и требует человеческой энергии. Я часто наблюдаю, как люди живут прошлым. Вспоминают события, обстоятельства давно ушедшей жизни, а вспоминая, возвращаются к ним вновь и вновь, часто повторяясь в своих рассказах, тоскуют об ушедшем времени и плачут. О, это самое ужасное! Люди, живущие прошлым, уходят из реальной жизни и, кажется, постепенно умирают вместе с ним.

– Дайте мне ваш паспорт, – прервал мои размышления архивариус, – а я вам подам эту папку. Она прошита, все листочки пронумерованы. Работайте. Материал по собору Рождества Христова небогатый. Может быть, что-то и было утрачено: сами понимаете, какое время пережила Церковь. Но это всё, чем мы располагаем.

Я отдал в руки архивариуса паспорт и взял папку. От неё на меня сразу пахнуло этим запахом пресной, но уже высохшей сырости. Я даже на мгновение отстранился от документа. Слава Богу, болезнь моя прошла вместе с переходным возрастом, с этой «роковой порой», по остроумному замечанию Владимира Сергеевича Соловьёва. Но опасения всё же никогда не оставляют меня. Хорошо, что сейчас переиздают все старые церковные книги, а как я мучился многие годы..

Развязав папку, я извлёк пожелтевшие сшитые листы и вот что прочитал. «Христорождественский кафедральный собор – православный храм, расположенный на центральной площади города Липецка, Соборной. Архитектор – Томазо Адolini.

Строительство храма было завершено в 1842 году. Собор построен по указу императрицы Екатерины Алексеевны, благословиению Святейшего Синода и Преосвященного Иннокентия, епископа Воронежского. Согласно традиционной точке зрения, строительство каменной соборной церкви Рождества Христова началось в 1791 году. Возведение храмовой части Христорождественского собора в основном было завершено к 1803 году, но освятить построенный храм удалось не сразу: произошёл пожар, во время которого сгорели все деревянные части собора, сильно пострадал и основной объём здания. К 1805 году соборная церковь была вновь открыта усердием многих благотворителей, а 20 июня 1805 года освящён первый престол нового храма во имя святого Николая Чудотворца. Главный соборный престол в честь Рождества Христова освятили 25 мая 1807 года. Именно с этого вре-

мени к Христорождественскому храму от Вознесенской церкви, которая стояла на нынешней Театральной площади, переходит функция соборного храма Липецка. Третий престол в храмовой части (правый в южном пределе) был освящён в 1816 году.

В 1822 году было принято решение о возведении церковной колокольни, спроектированной в строгом классическом стиле. Строительство её начато в 1825 году. В начале XX века на колокольне Христорождественского собора насчитывалось восемь колоколов. Самый крупный, весивший 489 пудов и отлитый в 1859 году, был перелит в 1900 году.

После сооружения колокольни наступил довольно длительный перерыв в строительстве собора. И только когда разные по высоте и массе объёмы колокольни и храмовой части стали соответствовать друг другу, была начата постройка трапезной. Каменная трапезная была пристроена в 1840–1842 годах, руководил работами протоиерей Андрей Иванович Калугин. Два престола в трапезной церкви были освящены в 1842 году в честь Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия» (левый) и Воздвижения Животворящего Креста Господня (правый). Строительством трапезной и освящением престолов завершилось возведение главного соборного храма Липецка.

В примечании было сказано, что «авторство Адолини оспаривается, так как не сохранились проект и другие оригинальные документы по храму».

Это была вся информация по истории создания собора. Не было указа Императрицы и «благословения» Священного Синода в лице Пресвященного Иннокентия. Ничего не было известно и о протоиерее Андрее Ивановиче Калугине, имя которого упоминается в последние годы строительства, и ни одного из имён «усердных благотворителей». А собор строился пятьдесят один год! И самое печальное состояло в том, что не было известно ни одного имени из тех людей, которые ходили в собор во всё время его строительства, делом и молитвою участвуя в создании Дома Божиего. А храмы строятся, как известно, «тщанием прихожан». Но история не помнит маленьких людей. Они приходят в жизнь из неизвестности и уходят в безвестность, как будто и не жили на свете. Так весной всходит трава, а к осени высыхает от палящих лучей солнца, истощается и умирает, чтобы после холодной зимы пробудиться для новой жизни. Так приходят маленькие люди в этот мир, рождаются и умирают. Одно поколение сменяется другим, и это течение жизни подчиняется непреложному закону, властвующему над всем в этом временном мире: день сменяет ночь, одно время года следует за другим, за жизнью идёт последний враг человека – смерть.

Но бывают времена, когда маленькие люди становятся определяющей силой в истории. Движимые первобытной энергией, этой живой плазмой земли, объединённые иногда в созидательную силу, но чаще в разрушительную стихию, подобную катастрофическим явлениям самой природы, которые никто не может ни спрогнозировать, ни предупредить, они проливаются горячей лавой, медленно пожирающей все формы, все условности жизни. И мы видим на историческом ландшафте остывшие бесформенные образования, которые напоминают нам о выплеснувшемся первобытном хаосе. Для меня подлинная история – это история жизни маленьких людей.

Я закрыл папку, отодвинул её на край стола. Дышать стало легче.

По существу, неизвестно ничего о людях, которые придумали этот проект (как теперь говорят) и осуществили его.

Собор стоит двести двадцать лет, из которых пятьдесят один год он только строился.

Я встал из-за стола, шумно отодвинув стул. У меня не было разочарования. Я предполагал, что найду скудную информацию, и был готов к этому.

Я даже знал, что так и будет, и решил проверить свою догадку. Люди забывают всё. «Нет памяти о прошлом», – так, кажется, говорил Экклезиаст.

В дверях появился архивариус. В его руках была ещё пара таких же тоненьких перевязанных папок.

– Вы уже просмотрели материал? Да, это ничтожно мало. И вы так быстро.

Он, видимо, нечасто встречал посетителей и редкому гостю хотел как-то угодить.

– У меня есть ещё документы о двух церковных сооружениях. Это вот... – Он постучал толстым ногтем по одной из папок. – Вознесенский собор. Разрушен, конечно. Но был знаменит тем, что в нём венчалась бабушка Пушкина Мария Алексеевна с Осипом Ганнибалом. И ещё у стен этого сооружения находился фамильный некрополь Пушкиных, и тут покоится прах капитана Пушкина, отца Марии Алексеевны. Вот, извольте, я вам покажу.

Я вернулся к столу и присел. Он наклонился и достал прошитые листочки. Здесь информации было ещё меньше. Ни имени архитектора, ни благодетелей, ни строителей, ни священства: «...был построен в 1751 году при Липецких заводах... Колокольня сооружена в 1812 году. В 1850 году собор расширили, и он приобрёл окончательный вид».

Сто лет строительства! Если бы не имя Пушкина, об этом храме вообще, может быть, не было бы никакой информации. Возможно, и Пушкина скоро забудут, а будут помнить основателя компании «Apple» Стива Джобса и Билла Гейтса, осуществивших американскую мечту, ставших успешными, богатыми и знаменитыми.

Я поблагодарил архивариуса, вышел на улицу и не мог надышаться. К счастью, прошла гроза, пахнуло озоном. Набегал ветер, и я глотал этот свежий влажный воздух, вспоминая, что так было в детстве, когда я выбежал на улицу из школы с дополнительных уроков по математике. Свобода и какой-то необъяснимый восторг вселялись во всё моё существо. Я чувствовал прилив сил и готовность совершить что-нибудь хорошее, доброе.

– Идея была правильная, – твердил я, вдыхая прохладу, – оставить документ эпохи, а не только холодное здание, которое молчит.

Молчат в истории камни, иногда холмы, а иногда и отхожее место, поставленное на месте венчания Пушкиных: большевики не только снесли в 60-х годах двадцатого века храм Вознесения, но на месте захоронения поставили общественный туалет, который просуществовал не один десяток лет. А сейчас здесь ловким предпринимателем поставлен стеклянный павильон, где разливают пиво – напиток бурgeois и пролетариата.

Надо описать жизнь маленького человека в важнейший для России исторический период крушения большевистской империи, построенной на лжи.

Идея правильная, верная. Кому я могу оставить этот документ? Своим сыновьям. Да, своим сыновьям. А они передадут это своим сыновьям, и непрерывная историческая память будет унаследована будущими поколениями и никогда не исчезнет.

Отец истории Геродот упоминает в своих текстах о том, что, когда народ собирается строить город, чтобы жить в нём, он начинает строительство города с жертвенника. Народ отводил место, где, владея, будет жить Бог, и уже вокруг сооружённого жертвенника по благословию жрецов строился город.

Вся жизнь во все времена вращалась вокруг культа. Вся деятельность человеческая была освящена культом. И само слово «культура» имеет своим корнем «культ», то есть религиозное сознание. Позже, когда появились «титаны», или отчаянные люди, преодолевшие центробежную силу культа, они выделили некоторые виды деятельности в отдельные науки, такие, как

философия, искусство, медицина, которые были беглыми дочерьми своей матери – религии, потому что пользовались той же терминологией, которая родилась в лоне культа.

На первых этапах они, эти виды человеческой деятельности, были пустыми, не имеющими жизненного содержания, люди не придавали им серьёзного значения. Но позже в истории они утвердились, как утверждается человеческая гордыня, попирая все авторитеты, включая авторитет Бога.

Опять пошёл дождь, зашумел по листьям, и мне пришлось забежать в ближайшее кафе. Рубашка успела вымокнуть. Я подошёл к барной стойке и попросил чай, чтобы согреться. Оказаться в помещении, пахнущем кофе и духами молодых женщин, после архива было даже приятно. Я нечастый посетитель подобных заведений, появившихся в городе в огромном количестве. Но внешняя обстановка мало занимала меня. Я присел за ближайший столик.

«Храм строился десятилетия, – думал я, – он строился людьми, в него ходили прихожане со своими радостями, когда был праздник, а чаще – с бедами, страданиями. Какие усилия предпринимались, чтобы построить храм, какие жертвы «сокрушенного и смиренного духа» приносились через священников к Святому Алтарю?!

Строительство храма подобно странствию евреев в пустыне после Вавилонского пленения. Это собиранье жизни. Вместе с ростом стен храма должна расти Церковь (собрание народа) как тело Христово.

2001 год, новый век. Сейчас начинаются роды, фамилии, и жизнь уже не будет случайной, и любовь не будет случайной, рождение детей не будет делом случайным. Мы, священники (и вот, кажется, я проговорился), видим жизнь с такой её стороны, которая закрыта от других людей. Человек поворачивается к священнику и к Богу самой сокровенной стороной своей души. И вот эту обнажённую жизнь людей надо описать. Надо пройти с Христом через время, через новую эпоху рождения Церкви. Описать время, не забыть маленького человека.

– Здравствуйте, батюшка, – услышал я робкий женский голос у себя за спиной.

– Здравствуйте.

Я приподнял голову, повернулся и увидел стоящую перед столиком женщину средних лет, одетую старомодно, со сбившейся причёской и мокрыми плечами потемневшей от дождя голубой кофты.

– Позвольте, я присяду на стул.

– Да-да, садитесь.

– Вы простите. Какой знак, что я увидела вас! – Она говорила взволнованно и растерянно. – Я увидела вас у пожарки, всё время шла за вами, но боялась подойти. А когда вы вошли сюда, всё время стояла там, у двери. На улице дождь. Как хорошо, что дождь, вы ведь не пойдёте в дождь, я должна подойти к вам.

– Что случилось?

– Может быть, вы меня не помните, к вам столько приходит людей... – Она зашуршала целлофановым пакетом и достала что-то завёрнутое в простой крестьянский платок. – Ну, помните, когда вы служили в Христорожественском храме, на Соколе, я приходила к вам и рассказывала о моём сыне.

Я глядялся в эту растерянную женщину и припоминал обстоятельства встречи. Простое лицо её показалось мне знакомым.

– Я рассказывала о сыне, ну, что он замкнут, что он всё время сидит дома, никуда не ходит, с девушками не дружит, а ведь ему уже 31 год, и я переживаю. Это моя единственная боль и страдание. Я всю жизнь его воспитывала одна, муж нас бросил. Сын хорошо учился в школе, и образо-

вание у него есть, строительный техникум. Но он одинок, я боюсь, что он не женится никогда. Всё читает книжки и задумывается. Я уже шпионила за ним, подозревая, что он к сектантам ходит. Но вышло ещё хуже... – предположила она, руки её дрожали от волнения.

– Вот здесь, – она указала на платок, – вот здесь то, что я нашла сегодня утром под его подушкой, когда он ушёл на работу. По-моему, он стал сатанистом.

– Да что там у вас, дайте посмотреть! – с нетерпением сказал я.

Она развернула платок и протянула мне книгу.

Книга была не очень хорошо издана. Чёрная глянцевая обложка. На лицевой стороне молниевидная надпись красным: «Бесы», наверху мелко стояло имя автора: «Ф. М. Достоевский».

– Что мне сделать с этой книгой, сжечь? И как мне с ним вести себя?

Я смотрел на эту русскую женщину, на её взволнованную растерянность и понимал, что те слова, которые я скажу ей сейчас, могут превратить меня из священника во врага.

– Это хорошая книга, пророческая, – спокойно сказал я, раскрывая страницы, – это книга о том, что мы, русские, уже пережили в XX веке.

– Может ли хорошая книга иметь такое название, батюшка? – Она строго и недоверчиво посмотрела на меня.

– Понимаете, это обличающая книга... – Я подбирал слова.

Она с большим недоумением смотрела на меня. Её слепая любовь к единственному смыслу её жизни застила ей глаза. Торопливо взяв книгу и завернув её в платок, она встала передо мной.

– Ваш сын неглупый человек, – вставая со стула, сказал я, – если он читает Достоевского.

Я хотел как-то поддержать её.

– В наше время, советское, подобные книги были запрещены.

– Но это было советское, безбожное время. А Фёдор Михайлович был богоискательским писателем, поэтому его запрещали.

Она не слышала меня, повернулась и пошла к выходу.

Больше она ко мне не придёт. Как надо быть осторожным с русским народом!

Я вновь погрузился в занимающие меня мысли. Писать документ эпохи надо с того, как всё начиналось. Как мы копали котлован, огромный, в шестьсот квадратных метров, а в глубину на два метра. Как украшали его внутри цветами, деревьями и дорожками из дёрна. Как подготовили яму для закладки камня и гранитную плиту с надписью, что в лето такое-то от Рождества Христова, в такой-то день, при «правлении Императора Тиберия» (как писалось в Священных книгах), ну, то есть при управлении епархией митрополита Серапиона, началось строительство храма, святылища, жертвенника, престола. Чтобы эту плиту поместить потом в бетон и закрыть фундаментом, стенами, главками, куполами и крестами храма. И когда-нибудь, через несколько длинных столетий или тысячелетий, распадутся камни и найдут потомки плиту, прочитают и вспомнят нас. Вспомнят, что и мы жили, и мы любили и страдали и хотели эту жизнь сделать лучше. Писать, как приехал со свитой митрополит и прибыли на дорогах машинах с тонированными чёрными стёклами глава области и мэр города и как стояли смиренно и торжественно на нашем дёрне, который мы привезли с заливного луга у реки. А потом были молитва, речь митрополита, и блестящий хромированный мастерок, и эмалированное ведёрко с раствором, поданные владыке, и он, подбирая пухлой ладошкой свои облачения, наклонившись, внёс свою лепту в строительство. И опять,

распалившись, говорил речь о возрождении народа, его нравственности. И как поочерёдно вторили ему глава и мэр, тогдашние правители области и города, обещая выстроить храм за два года. И, объединённые пафосом своих речей, медленно тронулись кортежем на трапезу, чтобы от духовного восторга перейти в восторг физический. А собравшиеся люди, несколько тысяч человек, глядели в амфитеатр нашего котлована сверху на это захватывающее зрелище и не думали, что это уже было и в Римской, и в Греческой и в любой другой империи и так будет всегда. Потому что народы будут продолжать существовать, заботливо объединяемые принципом дозированной лжи.

СЫНУ

«Мой дорогой мальчик!

Тебе может показаться, что мне важно, чтобы запомнили меня в истории. Нет, это не так. Я не тщеславен. Моя задача – составить документ эпохи. Мы все проходим через время путь от рождения до смерти. Каждый должен что-то понять, осмыслить и оставить после себя самое важное.

Царское церковное сознание. Я никогда не мог рассказать тебе, что это такое. Ты не слышал меня. Понимаю, ведь ты пришёл жить свою судьбу.

Царское церковное сознание всегда было у русских. Оно закодировано в ментальности. Это невозможно убрать из сознания. Пример этому явлению то, что все принимают крещение. Никто ничего не понимает в этом, но народившегося младенца несут в церковь и крестят. Это спрятано в сознании, где-то в глубинах, в самых корнях его. Оно словно напоминает, «что надо поставить свечку», «надо сходить в церковь в следующее воскресенье», «надо помянуть», «надо съездить в Лавру к преподобному». Все одним миром мазаны. Этого не смогли выбить даже большевики, которые отстреливали попов и им сочувствующих, гноили их в лагерях, а из мест поклонения сделали психушки, отхожие места и оставили одни камни.

Царское церковное сознание – это полнота жизни Церкви. Если мир сотворён ради Церкви, по слову святых отцов, то из этого следует, что это понятие является полнотой самой жизни, абсолютное осмысление её. Оно открывает особое видение жизни. Оказывается, у неё есть не только горизонталь – плоскость, на которой копошится всё живое, но и вертикаль – структура, призванная организовать это движение текучей, меняющейся, ускользающей жизни. Святейший Патриарх, Предстоятель, глава Церкви – на самом верху. Далее – чиновники, священство. За ними – мальчик в белых одеждах с льняным полотенцем на плечах и с кувшином воды в руках, чтобы умывать Святейшему Патриарху руки во время богослужения; пониже – народ, стоящий в храме, и какой-то мальчишка, в рваных джинсах, бегущий по улице с залепленными наушниками ушами. А в наушниках речитативом рэп, бессвязная свалка слов и нелепых понятий. И всё это и есть царское церковное сознание. Полнота всей многообразной жизни. Это – как круги на воде. Помнишь, мы с тобой были на море вечером, когда садилось солнце, тонуло в спокойной, уже холодной глади воды. Я ещё снимал тебя, твоё лицо внутри солнца, и оно светилось аурой, как на иконах сияют святые лица. Солнце покоилось на твоём худеньком загорелом плече, а ты укладывал на него свою взлохмаченную голову и закрывал глаза, понарошку засыпая. Потом всё больше остывающее солнце в пригоршне твоей ладони. А когда опускалась прохлада, вода становилась тяжёлой и по цвету сизой, и мы бросали в неё гольши. Представь себе картину, мой мальчик: твёрдый камень – это святейший Патриарх, на нём всё стоит, всё держится, а круги, расходящиеся от этого главного камня при

соприкосновении с водой, – это все мы, кто на каком круге. Кто ближе, кто дальше. Так вот, этот мальчишка в наушниках может быть на самом последнем круге. Он ничего не знает, кроме своего рэпа. Но и он включён в это царское церковное сознание, в эту полноту жизни. Потому что там, на камне, где стоит Святейший, и проходит ось мироздания, и вокруг этой оси всё вращается.

Мне надо написать об этих кругах. Они всегда разные, как бывают разные времена. Они всегда расходятся по воде. Но сейчас круги расходятся особенно далеко, и последние почти незаметны, это означает, что они теряют связь с местом падения камня. Потеря связи – это уход в небытие, это смерть. Мне кажется, что сейчас самое главное время для русского народа, для всех нас. Сходятся все пророчества. Чтобы это видеть, нужно иметь особое духовное зрение. В современном мире получает всё большее развитие новая религия – религия золотого тельца. Деньги являются символом власти и земного благополучия. Они олицетворяют привязанность человека к земле и силам материальной природы. Новое Пятикнижие из стекла и бетона, демонстрирующее комфорт жизни, достигает своего кульминационного развития. И мысль русского классика XIX века о том, что «деньги не Бог, но полбога», в XXI веке звучит уже по-иному: деньги не полбога, а Бог.

Мне надо пройти по этим кругам, понимаешь, мой дорогой мальчик. Мы все смертны, мы все когда-нибудь умрём. Но тот дом, который достраиваю я, будет местом, где заговаривают смерть. Где заговаривают последнего врага человека. Все люди внутри себя испытывают страх. Но все они помнят, или догадываются, или, может быть, знают наверняка, что это место где-то на свете есть. И они придут в этот дом, чтобы уничтожить животный страх, который унижает человека.

Даже власти предрезающие, богатые и сытые, любят встретиться со Святейшим или нашим владыкой, попить водки под грибочки, послушать рассказы о чудесном, о бессмертии, по привычке перемежая эти рассказы анекдотами. Но и этим, и всем простым людям некогда. Их убаюкивает жизнь, как младенцев в колыбели. Они откладывают и откладывают последнее сражение. Когда же кости станут хрупкими, а кожа начнёт свисать и морщиться, когда глаза, увидев медсестру со шприцем, в котором морфий, будут выражать страх, когда физическая боль составит главную мысль в сознании, тогда поздно искать это сакральное место, где заговаривают смерть.

Все стоят на этих кругах – кто-то ближе, кто-то дальше. Даже в реальной жизни ходят вокруг храма. Он поднимается на тридцатисемиметровую высоту в нашем городке. Самую высокую точку венчает крест. И всё кружится вокруг этой точки, то приближаясь, то отдаляясь от неё, а то исчезая в стране далёкой».

ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВИЧ

Он любил всё русское. А самогон, который получался у него чистым и крепким, называл «саке». Он жил в деревеньке, в доме, построенном своими руками. Всё в доме было ладно. Но особой гордостью были срубленная баня и сарай с инструментом. Это была территория, куда не ступала нога жены.

Василий Фёдорович жил на пенсию. Но дома не сидел. Человек он был мастеровой, все в деревне об этом знали и приглашали – где поставить забор, где подладить крышу, а когда и просто поговорить. Был он человек лёгкий и словоохотливый.

Меня он пожалел. Увидел молодого священника, худого и длинного, с гуманитарным образованием, ничего не понимающего в строительстве,

и взял меня под свою опеку. Я не сопротивлялся. Василий Фёдорович учил, подсказывал и сам хотел строить храм. Это было для него символом свободы, о которой мечтал самостоятельный русский человек, загнанный в жёсткие рамки коммунистической идеологии. «Слава советскому народу – строителю коммунизма!», «Слава родной Коммунистической партии!» – эти лозунги, которыми была проникнута вся общественная жизнь, куда и он был втянут, сильно раздражали его. Он читал книжки и знал славную историю России в лицах до большевистского переворота. И тосковал о той жизни, которая была уничтожена Советами.

Он хотел строить другую жизнь на тех основах, которые были особенно враждебны Советской власти. А это была религия и её воплощение – храм. Необязательно, что он будет членом Церкви, который обязан посещать её, молиться, каяться и подходить к Причастию (получая свою часть в Теле Христовом, как называют Церковь), но он хотел поучаствовать в святом деле, считая это долгом перед пострадавшим отечеством, – это были слова Василия Фёдоровича.

На пенсию Василий Фёдорович уходил с завода РАПС, который к тому времени приватизировали. Ему достался легендарный немецкий кран РДК-25, на котором он работал. Документы на машину лежали дома, а кран, которому было тридцать лет от роду, стоял на территории завода. Он был в полуразобранном состоянии, с испорченной электрикой. Кран стоял, а Василий Фёдорович наслаждался свободой человека, который решил пожить в своё удовольствие. Дети выросли, жена была покладистая, «саке» он выгонял в неограниченном количестве и, приглашая меня в свой дом, подливал суровый напиток, от которого молодой священник быстро пьянел. Довольный силой своего продукта, Василий Фёдорович вспомнил о кране.

– Я его сделаю, поставлю тебе на стройплощадку, – говорил Василий Фёдорович, обнимая меня за плечи, – он нам построит храм.

Я соглашался. Василий Фёдорович ещё подливал «саке» и требовал к себе уважения. Я же, когда он отворачивал лицо, сливал горький напиток в пустую кружку, стоявшую тут же, на столе.

Удивительно, но Василий Фёдорович отремонтировал РДК-25 и на грузовой платформе «КРАЗа» пригнал машину и поставил на стройплощадке.

Этим немецким краном я и построил храм. Он простоял, двигая свою башню семь лет. Было, было искушение у Василия Фёдоровича забрать кран и отдать в аренду. Он приезжал, торопил стройку. Даже обижался на меня. Ему хотелось заработать денег. Но он, стиснув зубы, терпел.

Весной он запланировал первую поездку за границу. Купил путёвку в турагентстве и начал готовиться к отдыху в Турции, но неожиданно заболел. Он угасал на моих глазах. Похудел, осунулся.

– Приезжай, полечи меня... – звонил мне Василий Фёдорович.

Я приехал и нашёл его в постели. Он притих, был слаб и бледен. Смирено подчинился моим требованиям собороваться, покаяться и причаститься. Потом сказал:

– Пойдём на двор, я покажу тебе свой инструмент.

Он поднялся с кровати и пошёл впереди меня. Голова его стала большой, а сам он как-то усох, уменьшился. Шёл он медленно, осторожно.

Выйдя на улицу и пройдя вдоль дома несколько шагов, Василий Фёдорович остановился, глубоко вздохнул и крикнул шёпотом, позвав жену:

– Тамара!

Я вторил ему:

– Тамара Ивановна!

Она прибежала из дома.

– Что, плохо?
– Давай, батюшка, в другой раз покажу тебе инструменты, – сказал он мне, посмотрев на меня.
Он понимал, что ему совсем плохо, но не хотел в этом признаваться самому себе.
– Поправишься и полетишь в свою басурманию, – ободряюще сказала Тамара Ивановна.
Василий Фёдорович протянул мне слабую руку и молча, не оглянувшись, пошёл в дом, поддерживаемый своей верной женой.
Через два дня он умер.

На стройке меня ждали Тихон Антонович, прораб, назначенный мною старшим в спонтанно возникшей бригаде, Сергей Шустов, весельчак Вячеслав, Виктор Васильевич, крановщик, и два подсобника.

– Отец Евгений, – обратился ко мне Вячеслав, – дайте пятьдесят рублей, надо выпить, наверх лезть страшно.

– Ему не страшно, ему похмельиться надо после вчерашнего, – прокомментировал Шустов.

Все смеялись. Подсобники, невыспавшиеся молодые ребята, переглядывались.

Тихон Антонович был серьёзен. Он шёл мне навстречу с планом по поводу предстоящего рабочего дня. Это был человек лет шестидесяти, худощавый, с кепкой на голове. Он перенёс рак горла и, разговаривая, свистел из-за дырки в гортани. Воздух ходил и ртом, и горлом. Речь получалась с частыми придыханиями, но была разборчива. К счастью, он много не говорил. А если и говорил, то всегда по делу. Специалист он был настоящий и безоговорочный, чем сыскал искреннее уважение к себе и даже почтение. Его смелость меня поражала. Проект строительства храма, с множеством сложных монументальных частей (высоких стен с проёмами для окон, сводов, главок, колонн, вычерченных в геометрических пропорциях), лежал у его ног, и Тихон строил его кирпич за кирпичом. Нанимать строительную компанию для меня было накладно. Этот опыт я проходил при строительстве цокольного этажа. Но мне повезло: я встретил человека, возглавлявшего организацию – Шамардина Игоря Николаевича. Фамилия была знаковой. Похожим образом именуется монастырь, построенный преподобным Амвросием Оптинским. В нём, кстати, спасалась сестра Льва Николаевича Толстого монахиня Мария. При каждой встрече с Игорем Николаевичем я вспоминал монастырь, его знатную фамилию и говорил, что ничего случайного не бывает. И он, как говорится, по-божески брал с нас плату. Фундамент получился отличный, причём с сопутствующими документами актов работ.

– Антоныч! – кричал багровый крановщик Виктор Васильевич. – Куда стрелу подавать?

Тихон Антонович, не оборачиваясь, отмахнулся рукой. Он шёл ко мне.

– Как самочувствие? – спросил я его. – Как настроение?

Мы поздоровались. Ладонь его была длинная, сухая и мягкая.

– Самочувствие рабочее. Когда ожидать кирпич? – прохрипел Тихон Антонович.

– Выработаешь этот, – я указал на оставшиеся две клетки, – и я привезу.

– Чтобы мы не простаивали, а то сейчас им дай волю – они побегут в магазин.

Я согласился.

– Антонович, следи за молодыми ребятами, чтобы никто не травмировался.

– Они внизу будут замешивать. Кирпич, кирпич! – настаивал Тихон.

Переговариваясь, строители пошли на леса.

А я отправился в приёмную тракторного завода, чтобы просить транспорт.

Пятнадцать лет назад это был завод всесоюзного стратегического значения. Градообразующее предприятие. Он работал наравне с Минским тракторным заводом, Челябинским тракторным. Конвейер не останавливался круглые сутки. Люди работали в три смены. Площадки завода сплошь были заставлены новенькими тракторами, спрос на которые в аграрной стране, стране бездорожья был огромен. На заводе работало около тридцати тысяч человек. Были заводской Дом отдыха, профилакторий, своя поликлиника и больница, детские сады, огромный Дворец культуры, стадион с футбольным полем и хоккейной коробкой, бассейном и городошной площадкой. Легендарный директор завода Василий Яковлевич Клеменков любил городки. Наш посёлок Тракторостроителей был чистым, дороги и дома отремонтированы, возводилось новое жильё. Строились общежития и «молодожёнки» для молодых специалистов, приезжавших на работу со всей страны. Люди работали с огоньком.

В горбачёвскую перестройку всё рухнуло. А при Ельцине всё разворовывалось. И не только в нашем городе. В последние годы сменилось шесть директоров. То, что создавалось соборным усилием только что отвоёванного с фашистами русского народа, ушло в руки частного капитала, который уже не думал о людях. Он думал о чистой прибыли, распродавая и вывозя по ночам материальные ценности, принадлежавшие народу. Не было уже детских садов, бесплатных больниц, профилакториев и домов отдыха. Жалкие полторы тысячи человек в рабстве трудились на нового хозяина частного завода, на территории которого зияли выбитыми окнами пустые цеха, некогда наполненные жизнью. И, казалось, были слышны голоса и смех самоотверженных строителей коммунизма – уникальной цивилизации рабочих людей, веривших в социальную справедливость и светлое будущее.

Меня приняли радушно. Денег не дали, ссылаясь на огромные кредиты. Предоставили два «КАМАЗа» для вывоза кирпича. Я был доволен и этим. Работа закипела.

ИЛЮША

Это был мальчик двух-двух с половиной лет. Родители его жили в старинном районном городке, которому удалось сохранить свой первоначальный облик.

Главной достопримечательностью городка был монастырь с мощами святителя Тихона Задонского. В девяностые годы начали его реставрацию и вскоре обрели мощи святителя, и жизнь в монастыре была восстановлена.

К двухтысячному году в монастыре насчитывалось около ста монахов. Было много послушников и бесчисленное число трудников, которые то приезжали, то уезжали, хлебнув трудностей от различных послушаний.

Каким образом Наталия и Александр, родители Илюши, приехали ко мне в храм, я до сих пор не знаю. Помню только, как они подошли ко мне в нижнем храме во время службы. Наталия стала плакать, а взволнованный муж держал её за руку и успокаивал. Я попросил его оставить нас одних для разговора. Наталия взяла себя в руки и рассказала, с чем они приехали.

Оказалось, что их маленький сын Илюша тяжело заболел. Врачи поставили ему диагноз – острый лейкоз, и он находился в областной больнице вместе с матерью. Сейчас с ним бабушка, и они смогли добраться до меня.

Наташе нужно было выговориться. В такие минуты не надо подталкивать человека к откровенным разговорам. Он сам ищет выхода из трагической ситуации. Он анализирует события недавней жизни, пытается найти ответ:

– За что Бог наказывает нас, за что Бог даёт такой крест?

– Господь не наказывает, Господь милосерден, мы сами себя наказываем, потому что не слышим советов Бога.

– Но почему болезнь дана ребёнку, который ни в чём не виноват, а не мне или его отцу? Почему должен страдать наш мальчик? – Она заплакала. – Господи, почему такая несправедливость? Подскажите нам, что делать?

У священника есть много ответов на подобные недоуменные вопросы. И все мы говорим одно и то же. Нам кажется, что мы высказываем мнение Церкви, сложившееся из её предания и многовековой мудрости. И когда мы это высказываем, мы исключаем личное, живое участие в только что открывшейся нам жизни. И подобные рассуждения работают тогда, когда мы дискутируем с людьми, далеко отстоящими от реальных трагических событий действительной жизни, событий, которые их ещё не коснулись. Но когда настоящая беда хватается человека, несёт его в темноту и держит, превращая всё его существо в одну сплошную оголённую боль, тогда не работают никакие теоретические рассуждения на тему промысла Божиего, вины родителей, жизни будущего века и так далее. Тогда нужно что-то другое. И это другое подобно сошествию в ад. Надо идти вместе с ними, со всей своей любовью, со всем своим состраданием, на которые ты только способен, идти в их жизнь как друг, как отец, как священник. Надо этих людей выделить, как единственных сейчас в твоей жизни, как самых родных, самых дорогих и близких. Взять на себя их боль.

– Наталия, я вам помогу, обещаю: всё, что будет в моих силах, я сделаю. Мы вытащим вашего мальчика. Будем молиться вместе, Бог наш милостив, он не оставит нас, Богородица нас защитит.

– Я совсем не умею молиться. Я не знаю даже «Отче наш».

– Молитвы не надо учить, их надо читать по «Молитвослову». Они сами остаются в сердце. И тогда нет ничего сладостней молитвы.

– Но что нам делать сейчас? – Наташа обернулась и жестом пригласила подойти мужа.

– Ваш брак освящён Церковью?

– Как это? – спросила Наталия.

– Вы венчались?

– Нет, мы невенчаные живём. И сейчас мы на грани развода.

Её муж опустил голову.

– Он нам изменил. Он, батюшка, предатель.

– Это правда? – тихо спросил я.

– Бес попутал, – признался муж Наталии, – но я повинился и у неё просил прощения на коленках. Она не прощает.

– Я тебе верила, я за тебя пошла. Я родила тебе... – Наталия снова расплакалась.

Я помолчал, ожидая, когда она успокоится.

– Всё это должно уйти на второй план! – твёрдо сказал я. – Сейчас главное – здоровье Илюши. Он между вами, и вы должны вновь войти в поле любви между собой, и ваш мальчик станет поправляться. Наклони голову, – попросил я Александра, – прочту над тобой молитву.

Саша смиренно повиновался. Я накрыл голову епитрахилью и громко, чтобы слышала его жена, спросил:

– Раскаиваешься в содеянном грехе?

- Каюсь.
- Не будешь повторять грех?
- Нет, не буду, батюшка.

Я прочитал над ним молитву. Наталия, кажется, успокоилась.

На следующий день я обещал приехать в больницу и пособоровать Наталию и Илюшу.

ПИСЬМО

«Дорогой мой мальчик! Самое сильное разочарование, которое я пережил в своей деятельности, связано с одним случаем, после которого мне надо было бы оставить своё священство и уйти в монастырь, в глубокое одиночество, чтобы замаливать свои грехи. Но я не ушёл, остался.

Ко всему привыкаешь. Привыкаешь к предательству, привыкаешь ко лжи, привыкаешь к горю людей, к смерти. Привыкаешь к крушению иллюзий, к утрате убеждений и принципов, к потере веры, привыкаешь к жизни. И идёшь как ослик, нагруженный поклажей, идёшь, потому что надо идти, надо жить. Другой жизни нет и не будет.

Почему взрослые переживают за жизнь подрастающих мальчиков и девочек? Потому что юность – это красивый остров в океане и с этим островом предстоит расстаться, чтобы плыть к своему причалу по морю житейскому. И каким будет первый шаг, такими и будут всё плавание и твоя пристань. Правда и даже Истина в юности уже присутствуют в человеке. Бог действует внутри человека неким своим содержанием. Его можно назвать благочестием. Это таинственное слово. Я тебе когда-нибудь расскажу о нём подробнее. И вот ЭТО присутствие благочестия мешает молодому человеку преступать за пределы Правды и Истины. И если он начинает совершать поступки против этих священных понятий, которые неосознанно живут в нём (они просто есть в нём как данность), он очень мучается и страдает. Как трудно бывает в детстве совершать первые преступления против совести, которая является как раз проявлением этих понятий. Страшно бывает первый раз солгать, первый раз украсть, первый раз предать. После каждого события, связанного с преступлением против совести, юноша оказывается побеждённым. А потом эти падения делают человека бесчувственным. Голос совести слышен всё тише, и наконец он умолкает совсем.

Ты помнишь, что у меня спортивное прошлое. Когда я закончил свою профессиональную карьеру после травмы (а это произошло, когда мне было двадцать лет), я всё же решил остаться в спорте. У меня не было специального образования, но имелся богатый опыт, и мне предложили стать тренером. Я начал работать и за пять лет достиг хороших результатов.

Я тебе никогда не рассказывал, как я оставил тренерскую работу. Вот именно тогда у меня сработал принцип личного достоинства из-за понимания своего нравственного падения.

У меня тренировалась группа старшеклассников. Это были ребята из близлежащих школ. Все активные, шустрые, крепкие, как молодые львы. Многие из них были из неблагополучных семей. На одной из тренировок, утром, ребята совершали обычную перед специальной работой разминку. Я, как тренер, давал команды и занимался развешиванием тренировочных мешков. Зал был большой, гулкий. Стоял топот тридцати ног по деревянному покрытию, и резкий, пронзительный голос свистка залетал во все углы зала

и отражался от них. Я пытался перекричать: «Приставным шагом, вращение головы, разминаем плечевой пояс...» И так далее.

После разминки специальные упражнения и три раунда боя с тенью. Всё было как обычно, без сбоев. Но вдруг я начал раздражаться на то, что они небрежно, рассеянно, а то и просто дурашливо выполняли задания, пока я был занят подготовкой снарядов. На мои замечания они просто не реагировали. Их охватил детский психоз. Попала смешинка в стаю.

Я остановил тренировку, спустился со стремянки и спросил их:

– Вы что, уже всё знаете, всё постигли в боксе?

Все молчали, и вдруг один из них сказал:

– Кое-что постигли... при вашем руководстве.

– Хорошо, – сказал я, – надевай перчатки. – Окинув взглядом других ребят, добавил: – И вы все тоже. Сейчас вы мне покажете, на что способны.

А сам стал бинтовать руки и натягивать перчатки.

Я увидел, что многие из них заволновались. Разница в возрасте была у нас незначительная. Мне было тогда двадцать пять лет, а каждому из них по шестнадцать-семнадцать. Но я был тренером, имел звание мастера спорта.

Они в ожидании сидели на лавочках.

– Иди сюда!

Я пригласил самого разговорчивого. Я знал, что он начитанный мальчик, хорошо учится, но в спорте не останется. Тут нужен характер бойца. Минуту спустя он опустил руки и попросил закончить бой.

– Кто следующий? Саша, иди сюда.

Я пригласил Сашу Меркулова, и это был совсем другой мальчик. Атлетично сложенный, настроенный на достижения в спорте, занимающийся фанатично. Лучший спортсмен в команде. Я начал двигаться, прощупывать его и, играя с ним, давал ему возможность проявить себя. Через минуту я почувствовал, что он настроен решительно и серьёзно. Он несколько раз по-настоящему пытался достать меня. Мне показалось, что он нарушал субординацию. Я внутренне вспыхнул и решил проучить его.

Через секунду он был на полу. Я сбросил перчатки и попросил ребят помочь мне. Мы отвели его в душ, он умылся и, кажется, пришёл в себя. Я шёл с тренировки и твердил одну и ту же фразу: «Какой же ты педагог, какой же ты тренер, если ты можешь так вести себя со своими воспитанниками?»

Ночью спал плохо. Утром пришёл в школу, вызвал его с урока.

– Как ты себя чувствуешь, голова не болит?

– Да всё нормально, Евгений Владиславович, не волнуйтесь вы.

После этого я написал заявление об уходе. Так закончилась моя карьера тренера. Я не мог простить себе этого поступка.

Правда, много позже мои воспитанники, которые выбрали разные дороги в жизни, встречая, говорили мне.

– Евгений Владиславович, зачем вы нас тогда бросили, вы были для нас больше чем тренер.

Но это уже другая история...

А теперь я остался, не ушёл.

В храм приходили две сестры. Очень дружные. Вместе занимались бизнесом, на рынке держали павильон женской одежды. Помогали мне на первом этапе строительства храма. Они пожертвовали храму большое Распятие с Голгофой. Очень красивое Распятие. Богочеловек красив и совершенен. Не только внутренним присутствием Божества. Как Бог может быть некрасив? Он само совершенство. Но и человек в Нём тоже совершенен. Есть описание внешней красоты Спасителя. Это свидетельство проконсула Иудейского Лентула. При-

вою тебе его полностью: «В настоящее время, – так писал Публий Лентул, – явился у нас и ныне ещё жив Человек с высокими качествами души и добродетельнейший; имя Ему Иисус Христос. Народ почитает Его могущественным и великим пророком, а Его ученики называют Его Сыном Божиим. Он воскрешает мёртвых и исцеляет всякого рода болезни и недуги одним словом Своим. Этот Человек имеет высокий и чрезвычайно стройный стан. Волосы Его имеют цвет созрелого ореха, без блеска и гладкие до ушей, а от ушей – до плеч и ниже – кудрявы и блестящи; посреди головы разделяются они на две стороны, по обычаю назореев. Чело гладкое и чистое; на всём лице нет никакого пятна, и оно украшено лёгким темноватым румянцем; нос и уста правильные; бороду имеет такого же цвета, как и волосы на голове, густую, но не длинную, раздвоившуюся на конце. Взгляд Его тих, скромн, величествен и необыкновенно приятен; глаза Его небесного цвета, проникающие в душу и блестящие. Он весьма ласков и любезен, когда учит и увещевает; строг, грозен и страшен, когда судит и обличает. В чертах Его лица выражается удивительная привлекательность, соединённая с величием. Никто не видел Его смеющимся, но часто видят Его плачущим. Говорит немного, но с важностью, и каждое слово Его глубоко обдуманно и исполнено силы и мудрости. Истинно можно сказать, что этот Человек – прекраснейший из всех людей, и в Нём Самом, и во всех поступках Его видна чистая истина, в которой нет лести».

Какое прекрасное описание личности Христа! Это пишет человек, который был Его современником. Так сказать, свидетель событий.

Так вот, эти сёстры подарили храму большое Распятие. У каждой из них была семья и по одному ребёнку. Мальчику.

Рустик, сын младшей сестры, был мальчиком крепким, слегка застенчивым, даже скромным. Светлые волосы немножечко курчавились, щёки поминутно покрывались пурпурными пятнышками, подчёркивая синеву глаз. Типичная славянская внешность. Ходил в храм из уважения, даже почтения к матери. Татьяна подталкивала его из толпы на исповедь к священнику и, закрыв глаза, во время исповеди мальчика усердно молилась.

Когда он встретил девочку, я стал видеть его в храме всё реже и реже. К тому времени ему исполнилось уже девятнадцать лет, а Маша была на два года старше.

– Он меня уже не слушает, отец Евгений, – обеспокоенно говорила мне Татьяна, – я отошла на второй план.

– Пусть они вместе приходят молиться.

– Нет, батюшка, там неблагополучная семья. Маша живёт с матерью и отчимом. Они очень приземлённые. Для них церковь что есть, что нет, по-моему, всё равно.

– Жаль, ах, как жаль! – сетовал я в такие минуты разговора.

Однажды вечером зазвонил на моём столе телефон. Я посмотрел на часы. Десять тридцать вечера.

– Алло.

Я узнал голос Татьяны.

– Батюшка, у нас беда! – взволнованно и торопливо говорила она в трубку. – Простите, простите, что в такой поздний час. Наш Рустик в больнице, наглотался таблеток. Слава Богу, его спасли. Ему нужна ваша помощь. Срочная ваша помощь! Понимаете? Батюшка, поговорите с ним.

«Для чего я поеду в такое позднее время в больницу? – думал я. – Может быть, он уже спит после процедур?»

– Батюшка, не откажите, – взволнованно говорила в трубку Татьяна. – Приезжайте, пожалуйста. Вы его просто исповедуйте. И больше ничего. Пусть он раскается и так больше не поступает.

Она искренне верила, что одного слова священника будет достаточно для того, чтобы всё стало как прежде. Эта её вера и подвигнула меня.

– Хорошо, – согласился я, – сейчас приеду.

Когда я подъехал к приёмному покою, больница почти вся спала, горело ярким неоновым светом несколько окон операционной, процедурных и туалетов, из которых вырывался дым полуночных курильщиков.

Меня встретили обе сестры, Татьяна и Зоя, и наперебой стали рассказывать о том, что случилось.

– А меня пропустят?

– Пропустят, батюшка, мы договорились.

Я вошёл в узкую комнату приёмного покоя, с кафельным потрескавшимся и щёлкающим под ногами полом, и увидел одиноко сидящую девушку. Это была она, Маша. Некрасивая, круглолицая, с широко расставленными глазами, вздёрнутым коротким носом и растянутым, невыразительным ртом, она поражала своим унылым и мрачным видом.

– Это Маша, – сказала Татьяна и добавила, обращаясь к ней: – Встань, возьми у батюшки благословение.

Девушка робко встала. Но она не знала, что это значит «взять благословение». Татьяна торопливо складывала её непослушные ладони. Я перекрестил её и положил руку на голову со словами:

– Бог благословит. – И добавил, обернувшись к сёстрам: – Можно я поговорю с ней?

Женщины оставили нас одних. Она совсем перепугалась и вся сжалась.

– Что случилось? – спросил я Машу.

– А я не знаю... – Она совсем потерялась, смотрела в пол и теребила края юбки.

– Вы что, поссорились?

– Да вроде бы нет.

Я видел, что теряю время. Она ничего мне не расскажет. Тогда я задал вопрос:

– Вы дошли в ваших отношениях с Димой до конца?

– Как это?

– Вы спите друг с другом? – прямо спросил я её.

– Нет, – смутилась она и густо покраснела.

Потом я узнал, что она сказала мне неправду.

Несмотря на поздний час, мне разрешили пройти в палату интенсивной терапии. Рустик лежал один. Он был удивительно спокоен и даже как-то безразличен. Я взял стул и присел к его больничной кровати. Минуту я сидел молча, разглядывая его.

– Зачем ты это сделал, Рустик? – спросил я его как давнего знакомого.

Он безучастно молчал.

– Ты хотел убить мать, свою девушку? – пытал я.

Он молча закрыл глаза, с видом человека, который не желает разговаривать, и погрузился в безразличный покой. Я стал говорить ему общепринятые слова о том, что нет большего греха, чем самоубийство, что жизнь человека даётся Богом и Им забирается, что самоубийца умирает дважды – сначала телом, а потом он умирает душой, и так далее.

Мне казалось, что он слышит и всё понимает и уже раскаивается в своём поступке.

Как я ошибался! Моя самонадеянность была причиной последующих событий. Человек может быть обольщён собой. Он, как правило, всегда обольщён собой, потому что думает только о себе, о своём состоянии, о своём самочувствии, о своих словах, о своих делах и свершениях.

Но никогда не задумывается о том, что в этот момент думает, переживает, хочет доверительно сказать что-то тот, другой.

– Я сейчас почитаю чинопоследование Таинства исповеди, хорошо? А ты попроси Бога простить тебе этот грех.

Я сказал это с уверенностью, будто мы уже оба признали его ошибку, теперь только надо это засвидетельствовать перед Богом.

– Да, хорошо, – спокойно произнёс Рустик.

Я облачился в епитрахиль и поручи и начал молиться, постоянно поглядывая на него, потому что все эти молитвы выучил наизусть. Но у него не было искреннего, слёзного раскаяния в совершённом поступке, он продолжал оставаться спокойным. Видимо, его не отпускали эмоции, которые и привели к трагическому поступку. Я же по своей неопытности думал по-другому. «Значит, – размышлял критически я, – это состояние уже позади, он успокоился тем, что всё хорошо закончилось». Я накрыл его лицо епитрахилью и попросил каяться. Он молчал.

– Рустик, надо раскаяться, – настаивал я.

Он продолжал упорно молчать.

– Повторяй за мной, – вздохнул я и добавил: – Я помогу тебе.

Время было позднее, и мне хотелось домой.

– Господи, прости меня за этот грех попытки самоубийства.

– Господи, прости меня за этот грех попытки самоубийства.

– Господи, прости, что я мог убить свою маму.

– Господи, прости, что я мог убить свою маму.

Его голос едва был слышен под епитрахилью.

– Господи, прости, что я чуть не убил своим поступком свою девушку.

– Господи, прости, что я чуть не убил своим поступком свою девушку.

– Раскаиваюсь в этом страшном поступке.

– Раскаиваюсь в этом страшном поступке.

– И обещаю никогда подобного не повторять.

– И обещаю никогда подобного не повторять.

Я с сознанием выполненного долга прочитал над ним молитву.

– Рустик, когда тебя отпустят из больницы, ты должен сразу прийти в храм на полноценную исповедь. Приходите вместе с Машей. Хорошо?

– Хорошо.

– Она, кстати, сидит там, внизу, и переживает за тебя.

– Я знаю, – так же безразлично ответил он.

– Ну что, до встречи.

– До свидания.

Я вышел из палаты. Время было позднее. Чувствовал усталость и какую-то необъяснимую тревогу. Хотелось спать.

Через три дня они пришли на исповедь. Я вглядывался в него. Румянец не проявлялся на его лице. Казалось, он не испытывал никаких чувств, по-прежнему был безразлично спокоен.

– Вы живёте с Машей как муж и жена? – спросил я Рустика, накрыв епитрахилью.

– Да, живём, – глухо ответил он.

– Она мне сказала обратное.

– Она вас застеснялась.

– Но она не могла соврать священнику!

– Она этого не понимает.

– Мама знает об этом?

– О чём?

– Ну, что вы близки.

- Знает.
- Так надо жениться! – воскликнул я и начал искать глазами его маму.
- Мама хочет, чтобы я закончил учёбу.
- Разве нельзя быть женатым и учиться?
- Не знаю.
- Это что было – ревность?
- Да, ревность.
- Ты не первый у неё?
- Нет.

Я помолчал. Сидит это в ментальности русского мужика – быть первым и единственным, в противном случае он будет всю жизнь презирать жену и издеваться над ней.

- Любишь Машу?
- Да, люблю.

– Знаешь, – сказал я Рустик, но сразу почувствовал, что вряд ли буду услышан, – надо любить человека не для себя, а для него. Когда любишь для себя – это деспотизм любви. Тебе кажется, что ты любишь другого, а всего требуешь для себя. Потому что хочешь, чтобы другой тебя любил, тебе давал ласку, тебя слушался, тебе во всём подчинялся. Это значит любить для себя, понимаешь?

- Как это? – оторопело спросил он.

– Ну как?! Любить по-настоящему – это когда в ответ на сказанные тебе слова: «Знаешь, я ухожу к другому» – ты спросишь: «Уходишь, потому что любишь по-настоящему? А тебе с ним будет хорошо, ты будешь счастлива?» Она ответит: «Да, будет хорошо, я буду счастлива». – «Если тебе там будет хорошо и ты будешь счастлива, я отпускаю тебя, потому что я люблю тебя». Любить надо в свободе человека. Понимаешь, Рустик?

Он молчал, соображая.

– Ты сможешь так любить, чтобы ничего не требовать от Маши, а доверять ей и не нарушать её свободу?

– Я не знаю. Я не понимаю всего этого. Я просто хочу, чтобы она была рядом со мной. Чтобы никто не стоял между нами.

– Мы живём среди людей. Кто-то может посмотреть на неё, быть рядом с ней на работе, разговаривать. Ты же не сможешь изолировать её от мира, от людей? Но самое главное заключается в том, что человек свободен. Каждый человек. Твоя Мария тоже. Сейчас она выбрала тебя. Но ты должен быть готов к тому, что она может выбрать и другого. И это касается любых отношений между людьми. Не только любви, но и дружбы.

Я увидел, как он побледнел. Казалось, что он теряет сознание. Я оглянулся, ища глазами мальчишку-алтарника. Увидев его, показал жестом, что нужна святая вода.

– А куда же Бог смотрит, когда даёт любовь? – болезненно, взволнованно спросил Рустик.

- На вас и смотрит.

Я протянул ему воду.

- Рустик, попей воды.

Он механически сделал глоток, потом другой.

- Посмотри на меня.

Я налил воду в свою ладонь и плеснул ему в его побледневшее лицо. Он вздрогнул.

- Бог смотрит и ждёт, как человек его любовью распорядится.

– Повенчайте нас, батюшка, – шёпотом проговорил Рустик. – Может быть, Бог ещё не видит её рядом со мной? – Он наклонился к самому кресту. – Повенчайте нас скорее.

– Я повенчаю, только вы это должны решить вместе с родителями.

– Да, я должен решить, что мне делать с божьей любовью, – как будто говоря сам с собой, произнёс Рустик.

– Понимаешь, Рустик, Бог ждёт от человека такой любви, которая может дать другому человеку счастье, несмотря ни на что. Хороший человек перед тобой или плохой – это совсем неважно. Именно так мать любит своего ребёнка, независимо от того, совершает он преступления ли, делает добро, радуется он её или огорчает. Она любит его и желает ему счастья. Она может сказать ему: «Какой бы ты выбор ни сделал, я всё приму. Только бы ты был счастлив». Вот именно такую любовь Бог хочет видеть у человека. Помнишь, у Пушкина: «...Как дай вам Бог любимой быть другим». Это очень точно. Надо любить вот этой возвышенной любовью. Это великая мудрость – любить человека в свободе. Уметь отпустить, а самому оставаться спокойным, даже радостным и счастливым. Потому что человек-то, которого ты любишь, счастлив. Понимаешь, Рустик?

Рустик молчал.

– Ты подумаешь над этим? Я хочу, чтобы ты подумал и сказал мне ответ. Ты придёшь в четверг, через два дня? Мы ещё побеседуем. А в пятницу, если не будет препятствий, повенчаю вас.

– Хорошо, я приду, только не забудьте нас обвенчать.

Он наклонил голову к Кресту и Евангелию. Я осторожно накрыл его епитрахилью, прикоснулся к его тёплой голове и, наклонившись, участливо произнёс над ним разрешительную молитву. Когда он стеснительно, боком отходил от меня, я думал: «Что он, девятнадцатилетний юноша, мог понять из моих взрослых рассуждений о любви?»

«Но у нас ещё будет время для разговора, в четверг», – успокаивал я себя.

Подошла Маша. Во время нашего разговора с Рустиком она исподлобья смотрела на меня и проводила ладонями сверху вниз по своей юбке. Встала, вся скукожившись, наклонила плечи вперёд.

– Ты понимаешь, что вы одно целое теперь, потому что у вас кровная связь. Куда он – туда и ты. Куда иголочка, туда и ниточка – так в народе говорят. Ты понимаешь это? Ты не должна давать повод тебя ревновать, а ты, видимо, делаешь это, а ведь ты взрослее его, ты опытнее. Ты понимаешь это?

– Угу, – она затрясла головой.

Она понимала, о чём я ей говорил. Она догадалась, что я знаю об их близости. Её ложь заставляла её краснеть.

– Расскажи, как он тебя заревновал?

– Ну, я работаю на птицефабрике. У меня бывают ночные смены. И вот в тот вечер, вернее, уже ночью, он мне звонит и требует: приходи домой. А я ему отвечаю, что не могу – это же работа. А он говорит, что если я не приду, то он что-нибудь с собой сделает. Вот.

– И ты не пошла?

– Ну а как я пойду с работы? – Маша взглянула на меня, ища сочувствия.

– А почему он попросил тебя об этом?

– Он однажды вечером пришёл ко мне, а со мной рядом был парень, он наладчиком работает на линии. И он подумал, что у меня с ним что-то есть. Что только я ему не говорила! А он упёрся – и всё. И вот, как ночная смена, он с ума сходит. Начинает дуться сначала, не разговаривает уже за два дня.

– Маша, – я тихим голосом обратился к ней, – ты его любишь?
– Да, люблю.
– Уйди с этой работы.
– Да как я уйду? Меня через два месяца переведут с конвейера в контролёры.

«Предел мечтаний глупой девчки», – подумал я.

– Маша, постарайся понять то, что я тебе сказал. Ты можешь потерять Рустика.

– Я уже хотела уходить, а мне мать говорит: «Даже и не думай. В контролёрах хорошо платят».

Я вздохнул. Она меня не слышит. И, пожалуй, не услышит пока. Сдерживая раздражение, я накрыл её голову.

– Покайся в своих грехах.

Она говорила тягуче, без раскаянья, читая выписанные грехи из книжки, которые сейчас издают пачками, как будто хотят научить людей грехам, которых они ещё не знают и слыхом о них не слыхивали. Доходят в описании этих грехов до самых постыдных, срамных подробностей. И это пишут священники, монахи.

Когда она закончила, я прочитал слова молитвы. Она приложилась к Кресту и Евангелию, а я наблюдал за ней, долго смотрел ей в глаза. Она не могла отойти от меня. А я вглядывался в неё, пытаюсь преодолеть холодную, непроницаемую стену, которой она отгородилась. Я понимал, что слов недостаточно. Тут нужно действие. И я действовал, я смотрел в её глаза. Она начала испытывать неловкость.

– Я могу идти? – растерявшись, спросила она.

– Оставь работу ради любви.

– Ладно, – вяло, безвольно выговорила она.

– В четверг приходи вместе с Рустиком.

– Хорошо.

Я вошёл в алтарь, приложился к престолу и сел на табуретку.

Мы, священники, думаем, что имеем власть над современными людьми. Что мы сакральные существа, слова и наставления которых воспринимаются как руководство к жизни. И вот это обольщение властью порой ослепляет нас, делает близорукими. Мы склонны думать, что поставлены быть отцами по статусу своего положения. Но отцовство следует заслужить аскетическим подвигом и страданием. Послушание отцовству не по статусу положения, а по существу складывается из доверия людей к человеку, посвятившему свою жизнь служению. Тогда возникает желание подчиниться, как подчиняются любви, красоте, добру. Раб – это не обидное слово. В библейском смысле раб – это человек, который по любви отдаёт свою волю в руки другого человека или Бога. Мы, получившие власть не по наследству, а по достоинству сынов Божиих, узурпировали её, отождествившись с ней только внешне. Внутренне же мы далеки от неё. Мы наряжаемся в дорогие красивые одежды, мы получаем награды, мы любим производить впечатление на людей своим избранничеством и пустыми речами. Мы привязаны к дорогим машинам и вещам. Мы любим угощения и подарки. Мы подобны раскрашенным гробам, внутри которых нет настоящей жизни. И мы думаем, что имеем влияние на людей?!

В четверг они не пришли.

А вечером, в восьмом часу, зазвонил телефон. Голос Татьяны прерывался порывами ветра.

– Батюшка, помолитесь. Нам позвонила Маша. Рустик там сейчас при ней вешается. Её оттолкнул, снял ремень, влез на дерево и вешается. Мы

сбились с ног, ищем, где они, и никак не можем найти. О, Господи, бабушка, помолитесь!

Трубка отключилась внезапно. Я стоял и не верил в реальность происходящего. Взял акафист Святителю Николаю, стал на колени и начал молитву.

Через полчаса позвонила Татьяна.

– Бабушка, мы их нашли. Мужчины срезали ремешок, но было уже поздно. Нету больше нашего Рустика.

Она заголосила и отключила телефон.

Рустика отпели и похоронили. Две семьи объединило горе. Маша в чёрном платке сорок дней вместе с Татьяной не выходила из храма. Вела себя тихо, смиренно. Каялась, молилась. А через сорок дней написала записку родным и выпила упаковку таблеток. Её спасли и поместили в психиатрическую клинику.

– Врач поставил диагноз – шизофрения, – рассказывала вся почерневшая от горя Татьяна. – И он сказал, что никакой ошибки нет. И ещё мы узнали, что родной отец Маши повесился, представляете, бабушка!

«Чёрт через Марию напал на мальчика, уязвлённого любовью», – подумал я.

– В нашей семье ничего не знали об этом. Нам никто не сказал.

Она горько плакала.

После этого Татьяна долго не приходила в церковь и ко мне относилась недоверчиво.

Почему Рустика не поместили в психиатрическую больницу? Этот вопрос я постоянно задаю сам себе. Может быть, потому, что вмешались деньги. В больнице его быстро промыли, прокапали и выписали, не сообщив о случившемся в специальную службу, и, таким образом, не исполнились врачебные инструкции.

А какие инструкции должен был исполнить я?»

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА

У храма меня ждала Татьяна Алексеевна. Доктор физико-математических наук. Человек замечательный во многих отношениях. В её роду были знаменитые предки. По материнской линии она была Бакунина и являлась прямым потомком знаменитого анархиста Михаила Александровича Бакунина, друга Герцена и Кропоткина. По отцу она носила фамилию Плясова. Это был род знаменитых, очень талантливых врачей, врачей от Бога. Татьяна Алексеевна очень гордилась своим происхождением и знаменитыми предками, особенно известным на весь мир анархистом.

Во всём её облике чувствовалась порода. Лицом, за которым она очень ухаживала, она походила на Татьяну Самойлову, гениальную русскую актрису, сыгравшую в фильме «Летят журавли» и удостоившуюся представлять Советский Союз на кинофестивале в Каннах, где она, единственная из русских актрис, оставила отпечаток своей ладони на знаменитой Аллее Славы. Манеры Татьяны Алексеевны были подчёркнуто благородными.

Пятнадцать лет назад Плясова-Бакунина вышла замуж за американца Джека Эндвортона, профессора университета Бёркли.

Профессор, будучи старше её на двадцать два года, был человеком обеспеченным, что в её положении было важным обстоятельством. Наконец она смогла помогать своей сестре Ольге Алексеевне и своему брату-близнецу Александру, которые жили в нашем городе.

– Джек принял крещение с именем Димитрий, и нас повенчал отец Николос в Порт Таунсоне, в американской церкви, – рассказывала мне Татьяна Алексеевна. – Я хотела быть связана узами брака, освящённого Церковью. Я должна нести послушание, служить своему мужу, я всю жизнь об этом мечтала.

Правда, Татьяна Алексеевна была уже несколько раз замужем. От первого брака она имела дочь, которая раньше матери уехала в Америку, выйдя замуж за бывшего военного офицера, который тоже был старше её.

– Джек говорит по-русски? – спрашивал я Татьяну Алексеевну.

– Джек по-русски знает только одну фразу: «Я безумно люблю Татьяну». Но этого вполне достаточно, не правда ли?

Татьяна Алексеевна поклонилась мне издали и ждала, пока я переговорю с Тихоном о предстоящей работе, благословлю пожилых прихожанок, складывающих сваленный как попало кирпич. Я пошёл навстречу американке.

– Какой замечательный получается наш храм, батюшка! – радостно улыбаясь, говорила Татьяна Алексеевна. – Я не была год. Вы значительно продвинулись...

– Стараемся, как только можем. Видите: всем миром работаем!

– А я привезла вам американских долларов.

– Это хорошо, деньги нам нужны, нужны! – весело отреагировал я.

Мы вошли в нижний храм, который был пуст, я включил свет. Она села за столик, открыла сумочку, достала деньги и аккуратно, купюра к купюре, стала раскладывать их, как игральные карты, на стопочки, по тысяче. Получилось пять стопок.

– Здесь пять тысяч американских долларов на строительство нашего храма! – торжественно произнесла Татьяна Алексеевна. – Когда будете золотить купола – а они должны быть обязательно золотыми, – я пожертвую своё кольцо.

– Ах, если бы все люди так любили Церковь! – смутившись, произнёс я.

– Знаете, – доверительно сказала Татьяна Алексеевна, – в этом году на день рождения Джек утром преподнёс мне двадцать восемь долларов и сказал, что это его подарок. Вот так американские мужья оценивают своих русских жён. Надеюсь, вы понимаете?

– А вы жертвуете безумные деньги! – восторженно проговорил я.

– Здесь, на этой земле, похоронены мои предки. Здесь и я хочу быть отпета и похоронена рядом с ними. Помните, как состоялось наше знакомство? Я приехала за вами на машине, и вы отпевали нашу маму.

– Да, я это очень хорошо помню. Когда я узнал, что вы учёный человек, то задал вам провокационный вопрос об архаичности обрядов Церкви. А вы мне тогда ответили словами из завещания, которое вашей семье оставил ваш дед, знаменитый на всю округу врач. Я дословно помню эту фразу: «Похороните меня по церковному чину, с отпеванием. По-другому хоронят только животных». Это врезалось в память. Точно сказано! – И прибавил: – Совсем недавно пришёл в дом в частном секторе. Меня пригласили освятить его. Дом старый. Спрашиваю хозяйку: «Что же вы никогда дом ваш не освящали?» «Нет, батюшка, не освящали, – отвечает она мне, – вошли как скотина и так живём».

– Как точно и остроумно выражается русский народ! – заметила Татьяна Алексеевна и перешла на заговорщицкий тон. – Но у меня к вам важное дело. Не благословите ли вы меня поехать к доктору?

– Вы что, заболели?

– Не то чтобы я заболела... – загадочно ответила она. – Мне нужно кое-что поправить в лице, а Церковь, я знаю, противница подобных действий. Вот, не могли бы вы меня благословить?

Желание не стареть, выглядеть моложе было столь сильным в Татьяне Алексеевне, что у меня не оставалось выбора. Я знал, что она в свои шестьдесят семь лет продолжает играть в большой теннис. Мне лишь нужно было придумать мотивацию своего благословения.

– Конечно, Богу важна внутренняя красота, которая проявляется и во внешности человека, в его взгляде, в его манере говорить. Внутреннее содержание важнее внешнего. Но когда внутреннее уже готово к совершенству, а внешнее немножечко отстаёт, то я думаю, что можно и вмешаться. Только, знаете, к опытному ли специалисту вы обращаетесь? Не навредит ли он? Почему бы вам не сделать то же самое в Америке?

– Что вы, – воскликнула Татьяна Алексеевна, – в Америке это всё стоит бешеных денег! Я приезжаю сюда, потому что здесь можно сделать за копейки. То же самое и с зубами. Там не подступиться.

– Бог благословит, – громко произнёс я и широко перекрестил Татьяну Алексеевну.

Она была очень довольна.

Мы простились, троекратно поцеловавшись друг с другом.

ЗНАКОМСТВО С ИЛЮШЕЙ

Я пошёл в алтарь, приложился к Святому Престолу, сделав три земных поклона, взял с Жертвенника дароносицу со Святыми Дарами и отправился в больницу к Илюше. Мне предстояло встретиться с больным мальчиком и его матерью. Я должен был войти туда, куда пускают только близких, родных людей, и принести в этот воцарившийся мрак страдания присутствие Божие через свой облик, через слово, через любовь и заботу, принести надежду. Такова участь таинства священства. Быть другом Христа, который открыл тебе тайны жизни и дал меру неоскудевающей благодати, которой ты обещал делиться со всеми «труждающимися и обремененными». Прикасясь к людям и отдавая им часть Христовой любви, мы делаем их Церковью. Тем собранием людей, которое есть Тело Христово. И каждый причастник получает свою часть в этом Теле. «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, во Мне пребывает и Аз в нем», – говорит сам божественный Учитель. И эта тайна связывает, собирает в некое единство народное сознание, создавая симфонию жизни. «...Да единомыслием исповемы!» – восклицает Церковь, совершая Евхаристический канон. В полифонии голосов мы должны услышать гармоническое единство, ведущее нас к тому, о чём сказал великий писатель Фёдор Михайлович Достоевский: «Красота Христова мир спасёт». Это он мечтал, чтобы государство стало Церковью, чтобы люди жили не в законе, а в благодати, основанной на принципах жертвенной, Христовой любви.

На первом рубеже собирания народа в духовное единство стоим мы, священники. Что нужно для того, чтобы разрушить, уничтожить единство Церкви, единство народа? Нужно дискредитировать священников, чтобы народ перестал доверять тайне священства.

Я помнил это отделение в больнице со страшным названием «Гематология». В нашей семье, у моей сестры, болел и умер во младенчестве ребёнок, мальчик Даниил. Мы все боролись за его жизнь, но она оборвалась. Прошло много лет, но память возвратила меня в те роковые дни.

Детское отделение больницы жило своей жизнью. Как известно, дети везде одинаковы. Они играют и веселятся, не думая об опасности, которая угрожает их жизни. Неопытность является этому виной, а может быть, и не виной, а счастьем. Жить и веселиться, не думая о прошлом и ничего не зная о будущем. Жить и радоваться сейчас, в эту самую минуту текущей и никогда не останавливающейся жизни. Взрослые уже разучились быть счастливыми. Они устремляются в будущее, строят планы, подготавливают его, мечтают о нём. Но когда оно наступает, они разочаровываются. Потому что то, что они получают, не соответствует их мечтам. И они думают о новом будущем, что оно будет другим, более счастливым. Но они опять ошибаются. И вот когда они устают ждать счастья впереди, они начинают думать о прошлом и жить прошлым. Взрослые никогда не живут настоящим, как это умеют делать дети.

Я поднялся на второй этаж больницы и оказался перед дверью со стёклами, которые были покрашены белой краской. Над дверью была вывеска: «Отделение гематологии». Я ухватился за металлическую ручку, потянул за неё, и дверь открылась. Послышался детский смех. В коридоре играли дети. Увидев человека в священнических одеждах, они остановились и замерли. Я поклонился им и прошёл на пост к медицинской сестре. Это была довольно взрослая женщина, лет пятидесяти, полноватая, в белом халате и цилиндрическом колпаке. Она почему-то была скорее похожа на повара, чем на медсестру.

– Я пришёл помолиться к мальчику Илье, который лежит здесь со своей мамой Наталией.

– Пройдите по коридору до самого конца, – приветливо объяснила мне дежурная сестра, – последняя дверь справа.

Я поблагодарил и пошёл по коридору. Дети пошли за мной.

– А вы к кому? – спросил меня шустрый мальчик в цветной пижаме.

– К одному маленькому больному человеку, – ответил я.

– Он к Илюше, – крикнула девочка, – в изолятор.

Мы подошли к двери, и я постучал. Дверь открыла Наталия. Лицо её было опухшим, уставшим.

– Заходите, он вас ждёт, – она пропустила меня, закрыв дверь прямо перед лицом шустрого мальчика, – я ему про вас рассказала. Илюша! – громко и весело произнесла она. – Батюшка пришёл.

Палата была просторной, в два окна. Между окнами стоял раскладной диван, а в глубине белая кровать, на которой сидел, свесив маленькие, худенькие, голые ножки, мальчик. Он несколько секунд посмотрел на меня серьёзными тёмными глазами и затем стал рассматривать собственные пальчики, перебирая ими на закрытых простынёй коленях. Он был большеголовый и совершенно лысый. Рядом с кроватью стояла капельница с полным пузырьком лекарства и свисала трубочка с иглой. Под ключицей мальчика, заклеенный пластырем, свисал катетер.

– Здравствуй, Илюша, – тихо поприветствовал я его.

Он молчал и всё перебирал свои пальчики.

– Илюша, поздоровайся с батюшкой. Он тебе больно не сделает. Он помолится, и ты выздоровеешь, – Наташа приговаривала, а сама надевала на него носочки.

– Будем молиться, Илюша? – серьёзно спросил я его.

– Будем, – твёрдо ответил мальчик.

– Вот и хорошо. Боженька нас услышит.

Я готовил епитрахиль, поручи, облачался и на тумбочке зажигал свечи.

– Наташа, я вас пособорую вместе, хорошо?

– Хорошо, а мне надо повязать платок?

– Да, надо платок на голову.

Платка не было, и Наталия повязала на голову полотенце.

– Ничего так?

– Пойдёт, – согласился я.

Илюша наблюдал за моими приготовлениями.

– Ну, – сказал я, обращаясь к нему, – давай молиться?

– Давай, – серьёзно ответил он.

И мы начали творить таинство. Наташа истово крестилась, слёзы текли по её щекам, а Илюша во всё продолжение таинства был сосредоточен и серьёзен.

Во время молитвы в дверь заглянула процедурная сестра, но, спохватившись, сказала:

– Потом зайду.

И вышла, осторожно прикрыв дверь.

Я помазывал Илюшу маслом. Он, как большой, помогал мне, подставляя ладонки.

Я произносил слова молитвы, а сам думал: «Вот они, эти слова чудотворения, обращённые к Богу. Эти же самые слова таинства произносили великие молитвенники, великие святые Серафим и Сергей, Александр Свирский и митрополит Алексей Московский – и совершалось чудо. Двигалось пространство, Господь входил в своё творение и действовал державно. Животворилась плоть, менялся состав крови, и человек исцелялся. И я, священник, произношу эти же самые слова молитвы. «Господи, подай мне силу Твою! Ту силу, которую Ты подавал преподобным Твоим, и они исцеляли страждущих»».

Мне вдруг стало страшно при мысли от того, что я имею те же инструменты для исцеления, но не умею ими пользоваться. Что слова таинства, которые прямо говорят об исцелении, в моих устах окажутся пустыми, недействительными. Но сегодня этого не должно произойти. Передо мною неутешная мать и её маленький ребёнок, одержимый страшной болезнью. «Господи, помоги, пошли Твою животворящую благодать! Сотвори меня настоящим, а не мнимым проводником Твоей исцеляющей силы. Иначе зачем священник? В обыкновенных случаях, когда нет угрозы жизни, могут помолиться простые люди, родные и близкие. И мы, священники, совершая молитвы в таких случаях, прячемся за милость Божию и за снисходительность и великодушие людей. Бог не даёт нам урока, который мы не сможем выучить. Но когда ты оказываешься перед настоящим испытанием и видишь страдание, исходящее от подлинной угрозы, ты должен прийти божественным присутствием и совершить чудо. Поднять с одра болезни младенца, мужчину или женщину, которых связал сатана. Иначе зачем ты нужен, священник?! Твоё бодрствование в духе – это твоя жизнь в том таинстве, в которое ты призван Богом и его благодатью. Иначе ты несостоятелен».

– Хочу лечь, – тихо сказал Илюша.

Я кивнул Наталии и отступил от кровати. Она укладывала его молча, укрывая ножки простынкой. Бледность лица ребёнка указывала на усталость. Мальчик закрыл глаза. Казалось, что он спит.

Надо было сокращать таинство. Я помазал его в пятый раз и прочёл заключительную молитву.

– Завтра утром приеду причастить Илюшу, – шёпотом сказал я матери.

– Ладно, – она шла за мной к двери.

Остановившись, она спросила:

– Как он, батюшка?

– У вас удивительно взрослый ребёнок. Он мне напомнил маленького мудреца. – Я взял её за руку. – Наталия, буду молиться, сугубо молиться, и вы молитесь. Молитва матери ни в огне не горит, ни в воде не тонет.

– Он поправится?

– Поправится.

Я вышел на улицу и глубоко вдохнул прохладный весенний воздух, наполненный влагой и запахами просыпающейся земли.

ВЕРА

Набегал ветер, покачивал голые ветки кустов. Клумбы темнели маслянистым чернозёмом. Пройдёт какая-нибудь неделя, и на кустах проклюнутся почки, а на клумбах зазеленеют и зацветут первые весенние цветы. Вся земля наполнится новой жизнью. И Илюша родился, чтобы жить и быть счастливым. Я вспомнил, как болел наш мальчик Даниил. Болезнь появилась в самом раннем младенчестве, и вся эта маленькая, хрупкая жизнь была одним страданием. Я тогда думал, что нет никакой справедливости в том, что мучается ребёнок. Что вся его жизнь есть беспросветное страдание и боль и что он никогда не чувствует себя радостным и довольным. Он не знает жизни без боли. Он думает, что та жизнь, которой он живёт, это и есть жизнь, что жизнь и страдание – это одно и то же. Я спрашивал себя: зачем родился этот мальчик, если Бог сотворил этот мир для радости и счастья? Смеются дети, цветут цветы, светит солнце, в кронах деревьев щебечут птицы, и Творец, созерцая эту гармонию жизни, наслаждается красотой Своего творения. Нет, не наслаждается! Потому что в это же самое время в больничной палате умирает маленький мальчик, и никто ничего не может сделать, чтобы он не умирал. Бог не может не видеть этого! Но если Он видит, почему тогда Он не восстановит утраченную гармонию жизни, над которой довлеют разрушение и смерть? Почему? Или, может быть, Он не видит, упиваясь Своим творением, гармонией и довольством? А эта маленькая трепетная жизнь – всего лишь незначительная чёрточка в этом необъятном многообразии большой жизни?

Я помнил, как Даниила всего лишь за несколько часов до его блаженной кончины на «скорой» привезли умирать домой. Бледного, совершенно бескровного мальчика внесли в комнату и положили на взрослую кровать. Его отец, большой сильный человек, заперся с ним в комнате и попросил, чтобы никто не входил. Он всё приговаривал:

– Как же ты меня подвёл, Данилка.

Мы все сидели или стояли под дверью. Мать была как в бреду. Все эти два с половиной года она неразлучно находилась со своим больным сыном, а теперь муж попросил её оставить его одного с её мальчиком. Тянулось время, тягучее и страшное, а потом мы услышали громкие рыдания отца и вошли в комнату...

Навстречу мне шла женщина. Поравнявшись со мной на узком тротуаре, она остановилась и окликнула меня. Я обернулся. Это была молодая девушка. Лицо её мне показалось знакомым.

– Отец Евгений, это вы?

Я остановился.

– Да, а вы кто?

– Вы меня не помните?

Я оказался в ситуации, которая в последние лет десять повторялась часто. Я помнил лицо, но не помнил, при каких обстоятельствах мы встречались. Эту забывчивость я относил к своей священнической деятельности. С самого детства я обладал фотографической памятью. Стоило мне один раз увидеть человека, я уже никогда не мог забыть его и тех обстоятельств, при которых с ним столкнулся. Но когда я начал служить и исповедовать людей, вникая в их жизнь, переживая их горести и радости, я как-то потерялся. Их оказалось слишком много в моей жизни. Постепенно люди в моей памяти обезличились. Особенно эта обезличенность проявлялась вне церкви, на улице. В церкви же, это я давно отметил, человек открывался мне. Я узнавал его и вспоминал всё то, что он мне рассказывал о себе и своей жизни. Вне церкви я многих не мог вспомнить и часто, чтобы не обидеть человека, разговаривал с ним как с давно знакомым.

– Как вы поживаете? – спросил я девушку, которая внимательно рассматривала меня. – Как учёба?

– Летом получила диплом. Красный, представляете?! – она радостно улыбалась. – Теперь ищу работу.

– Вы молодец, порадовали своих родителей.

– Да, жаль только, папа никогда не узнает об этом.

– Простите меня.

– Ничего, – смущённо опустив глаза, произнесла девушка, – но мама сказала: «Вера, я тобой горжусь, если бы папа дождал до этой минуты, он бы был счастлив».

В её девичьем лице, особенно в глазах, таилось много страдания. Оно проявлялось в глубине взгляда тёмных глаз. Состояние это было мимолётным, но его нельзя было не запомнить. «Человек может быть красив только страданием», – промелькнуло у меня в голове. Но в следующую секунду она уже улыбалась. Её молодое лицо светилось радостью.

– Как удивительно, что я вас встретила! Я всегда помнила о вас и всегда хотела прийти к вам.

– И что же вы не приходили, Вера?

– Я боялась. – Она весело засмеялась. – Хотя я приходила, только вы меня не видели.

Вдруг меня осенила мысль.

– Вера, вы мне нужны для одного важного дела. Я задумал кое-что написать. Впрочем, я уже пишу. Работа большая, и мне нужна помощница, чтобы разбирать мой почерк и перепечатывать материал на компьютере. Вы не согласитесь мне помочь в этом? – говорил я, а сам смотрел в её лицо.

Она в радостном удивлении, казалось, не веря своему счастью, ждала, когда я закончу свою речь.

– Я согласна, согласна! Когда приступить?

– Вера, конечно, это работа, и она должна быть оплачена, как любая другая работа.

– Я совершенно свободна, и никакой оплаты мне не нужно от вас. Тем более это будет интересно. Потому что я думаю, что вы пишете даже более красиво, чем говорите. А говорите вы несравненно – прекрасно.

Разговор был недолгим.

– Вы торопитесь? – спросил я.

– Я иду проведать племянницу, но хотите, я вас провожу до машины?

Я согласился.

– А вы к кому приходили? Причащали кого-нибудь?

– Да, Вера, соборовал и причащал молодую мать с младенцем.

– Почему болеют дети? – с состраданием и жалостью спросила Вера. – Они же ни в чём не виноваты?

– Видимо, мир несовершенен, Вера... – Я остановился. – И люди – особенно люди – несовершенны.

– От людей идёт зло, – подсказывала мне Вера.

– Да, вы правильно сказали. – Я задумался и продолжил: – И самое плохое в этом то, что, распространяясь, зло попадает на безвинных, потому что виновный может себя защитить.

– Виновный злой, виновный сильный.

– Именно так, Вера.

Мы подошли к машине и остановились.

– Но вы уже идите, Вера, вас ждёт племянница, – сказал я и спросил: – А что с ней, она заболела?

– Да, у неё весной всегда обострение болезни. После детского коклюша у неё развилась астма.

– Астма? – удивился я. – Но это серьёзная болезнь. Ей не хватает воздуха?

– Да, она прямо задыхается, когда случается приступ.

– А сколько ей лет?

– Девять, она совсем ещё ребёнок, – ответила Вера.

– Она скоро будет здорова, – твёрдо сказал я, – через два года болезнь отступит.

– Откуда вы знаете? – Вера внимательно смотрела мне в глаза.

– Переходный возраст всё поставит на свои места.

– Вы так думаете?

– Я в этом уверен.

– Ладно, пойду ей об этом скажу.

– Идите, идите, Вера.

Она отошла и остановилась, посмотрев на часы.

– Когда я приступлю к работе? – громко спросила она.

– А когда вы придёте в церковь?

– Завтра.

– Хорошо. Я подготовлю листочки?

– Обязательно принесите.

– До свидания, Вера.

– До свидания, – радостно сказала Вера и побежала.

Я ехал в машине. Усталости не было. Я вспоминал Веру и думал о том, как хорошо, что я встретил эту девушку, полную энергии и сил, светлую, настоящую. Она была студенткой филологического факультета педагогического университета, а я тогда читал лекции на тему «Духовный человек». Я подумал об отце Владиславе, с которым мы служили несколько лет в кафедральном соборе. Это был человек с музыкальным образованием. Он окончил училище по классу фортепиано. Прекрасно исполнял классику и сам сочинял музыку. Умел ценить искусство и наслаждаться им. У нас было много общего в восприятии жизни. Я часто делился с ним мыслями о прочитанных книгах, просмотренных фильмах. Это был образованный священник, интеллигентный, культурный человек. Мы служили как проклятые, имея «ревность не по разуму». Первые четыре года я не знал отдыха и отпусков. Мы служили каждый день, кроме понедельника, если на понедельник не попал праздник. Он был служащим одну неделю, я был требным священником. Потом, на следующей неделе, мы менялись. И это длилось годы. До момента, когда я на четыре месяца оказался в больнице. Ослабла мышца сердца.

После встречи с Верой я вспомнил трогательные минуты, когда я приходил с исповеди в алтарь и потихоньку, но восторженно говорил отцу Владиславу:

– Можно дальше жить, можно дальше служить – какую удивительную душу я встретил!

– Я вас поздравляю, батюшка! – весело отвечал мне отец Владислав.

Это состояние повторилось сегодня, но мне не с кем было поделиться своей радостью. И другое чувство примешивалось к моей радости. Я нёс в своём сознании образ Илюши, его трепетную, незащищённую душу. Мне надо вымолить этого младенца, вырвать его из рук Дявола. Но чтобы это сделать, надо быть сильным и чистым.

В начале девяностых, когда народ ринулся в храмы, приходилось исповедовать тысячи людей. Народ был измучен отсутствием свободы. Страх сидел внутри, передавался генетически. Народ был растерян, придавлен. Он хотел другой жизни. Он надеялся в Церкви, которая была для него загадкой, непонятой, неузнанной, распятой Церкви, встретить покой и новый идеал человека. Народ потерял самостоятельность, потому что привык жить и действовать по подсказке центрального комитета партии. Когда я смотрел на него, стоя посередине полутёмного храма, словно посередине моря житейского, в дни Великих Родительских суббот, на меня наваливалось чувство скорби. Народ молился за умерших, замученных и убиенных, без вести пропавших, погибших. Он молился за похороненных и не отпетых по церковному чину русских, изменивших православию и своей Церкви по всей необъятной земле Российской, сгинувших в двадцатом кровопролитном веке. Он стоял растерянный, уставший, грустный, обманутый и обездоленный.

В конце службы диакон возглашал вечную память всем от века почившим. И поднималась волна в этом солёном от слёз море, и катилась по всему храму, выражая боль, тоску, разочарование и жалость к тем, кто никогда не увидит новой, свободной России.

ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

«Мой дорогой мальчик! Моя задача – оставить документ эпохи, документ о нашем времени.

Мы строим из кирпичей, из камня, но мы строим человеческими усилиями, человеческой энергией. Получается красиво. Все радуются. Глазам приятно. Говорят: «Какую красоту смогли создать!»

Храм звучит в пространстве красотой. Это цель. Она достигнута. Людям неважно, преодолением каких препятствий достигнута красота, какое количество усилий вложено в осуществление замысла. Знаешь, это можно сравнить с работой человека, который выполняет сложный и опасный трюк. Логика прямая: чем больше проведено работы, тем легче выполняется трюк.

«Ах, с какой лёгкостью и как красиво он это делает!» – восторгается публика. Но за этой красотой переломы, ушибы, синяки и ссадины. Не только трюкача, а ещё тех, кто этот номер некогда придумал. Но цель достигнута. «Как красиво он это делает!»

Недавно русская американка пожертвовала храму пять тысяч долларов. Я истратил эти деньги на покупку кирпича, не предполагая, какое количество клеток кирпича мне доставят с завода, а это была лишь малая часть материала! Машины привозили кирпич несколько дней, и весь церковный двор беспорядочно был заставлен клетками. Из груд кирпича надо было создать эту удивительно красивую форму. Эти линии, бегущие вверх, эти колонны

и арки, и эти главки с кокошниками и величественными проёмами окон! Весь кирпич – а это, по приблизительным подсчётам, пятьсот тысяч штук – стал этой красотой.

Знаешь, мой дорогой мальчик, в природном камне есть свойство взаимодействовать с человеком. Ты смотришь на него, и он тебя затягивает. Он тебе хочет рассказать «нечто», то, что он содержит. Он хочет поделиться информацией и энергией. Впечатление или ощущение от разных природных камней может быть разным. Искусственный камень отталкивает, потому что он пустой, без истории. Рассказать нечего. А на уровне энергетики идёт даже отторжение. Пустота формы должна быть заполнена содержанием. В природе она заполняется временем и историей. И именно природная форма обладает этим содержанием спрессованной энергии.

В современном мире, при новых технологиях быстро создаются вещи, но отсутствует самое главное – время и история. Поэтому многие вещи звучат зияющей пустотой.

Воин света теснит тьму, он не сражается с ней, он не воюет с ней, он её теснит. Воин света сражается с тьмой в себе и приращивает свет.

Мы тогда осуществили одну идею. Невеждам она может показаться коммерческим проектом, но для нас она была социальной, духовной. Мы «продавали» кирпичи. Один кирпич стоил десять рублей. Что можно было купить тогда за 10 рублей? Две буханки хлеба. Это небольшие деньги. Получив десять рублей, мы записывали имя дающего. Потом это имя мы писали на кирпиче, который шёл в кладку стен храма. Таким образом было заработано около ста тысяч рублей. Посчитай, мой мальчик, сколько имён написано на кирпичках. Каждое имя – это судьба. Это печали и радости, это страдания и страхи, это болезни и чудо исцеления, это жизнь и это смерть. Я пишу эту историю, историю создания красоты человеческими судьбами. Пресловутая намоленность иконы или храма – это слёзы людские. Этим звучат наши камни».

МОНАХИНЯ ТАВИФА

Это была женщина среднего возраста. Старшая медицинская сестра в хирургическом отделении больницы. Авторитет у неё был непререкаемый. Хозяйственная и бережливая.

Муж её много лет назад заболел рассеянным склерозом и выглядел «не имея ни вида, ни доброты». Она не оставляла его, заботилась, лечила как могла, при этом уже десять лет имела любовника и разрывалась на две семьи.

Придя в храм в неделю Стояния Марии Египетской, она услышала житие подвижницы, которое я читал прихожанам во время службы, и её жизнь «перевернулась». Она разорвала отношения с любовником, покаялась в своём эгоизме и принялась воцерковлять мужа, который к тому моменту не был даже крещён. Все таинства я совершал в квартире, где они жили. Я окрестил его, пособоровал, исповедовал, причастил, и, наконец, она попросила меня повенчать их. Случай был исключительный, и я отправился к Архиепископу испрашивать благословения совершить таинство венчания на дому. Владыка благословил, услышав трогательную историю.

Наступил день венчания. Я привёз с собой венцы, свечи, лучшего вина для таинства (у меня хранилась маленькая бутылочка из Канны Галилейской), мне хотелось им угодить и порадовать их.

Лариса Васильевна встретила меня на пороге и пригласила войти. Она выглядела очень нарядной, в красивом облегающем платье и в белом плат-

ке. Я облачился в священнические одежды, мы вошли в большую комнату, из которой выходила дверь в спальню, где лежал её муж. Их сын Олег по моей просьбе подвинул широкое кресло, поставив его посередине комнаты. Ларису Васильевну я попросил встать слева от него.

– Как он себя чувствует? – спросил я невесту.

– Как обычно. Слабый, но в одной поре. Он предупреждён и, кажется, даже рад.

– Хорошо, тогда начнём?

– Давайте, – согласилась она и обратилась к сыну: – Олег!

Сын вошёл в спальню и на руках вынес маленького, с высохшими руками и ногами, согнувшегося от болезни человека. Он посадил его в кресло рядом с его женой. Здоровый вид цветущей женщины ещё больше подчеркнул кажущуюся нелепость происходящего. Но Лариса Васильевна имела вид решительный и, казалось, была счастлива. Она только хотела, чтобы скорее всё задуманное ею исполнилось. Валентин Петрович пытался перекреститься, но трясающаяся рука его не слушалась.

Глаза Ларисы Васильевны наполнились слезами, отчего она стала ещё красивее.

Я провозгласил: «Благословен Бог наш!» – и начал таинство.

Валентин Петрович был серьёзен и очень ответственен в самом начале службы, но скоро стал уставать и капризничать. Лариса Васильевна шептала ему, чтобы он потерпел немножко. Она брала его правую руку и прилагала усилие к тому, чтобы донести его растопыренные судорогой пальцы до лба, потом к животу и худеньким обвисшим плечам. Он отвлекался, выполняя эту тяжёлую работу, и время шло вместе с молитвами таинства. Я вынужденно сокращал молитвословия, видя, как ему тяжело, а ей нелегко. Венец, воздвигнутый на его голове, придавил его ещё сильнее, подчеркнув его щуплость. Но делать было нечего, надо было всё выполнять по канону. Наконец мы завершили. Я протянул Валентину Петровичу крест для целования. Он с чувством благодарности – и за то, что повенчался со своей любимой женой, и за то, что всё наконец закончилось и он может лечь – потянулся к кресту качающейся вверх-вниз головой и ткнулся в него.

Сын сгрёб его в охапку, и они скрылись за дверью.

– Дорогой батюшка, я обреклась, что, когда вы всё, что я задумала, сделаете, я помогу вам деньгами на строительство храма. Она полезла в шкаф и подала мне свёрток. – Здесь пятьдесят тысяч рублей. Это наша скромная лепта, помолитесь за нас.

Я поблагодарил Ларису Васильевну и уехал. Через восемь дней Валентин Петрович, освобождённый от первородного греха в таинстве крещения и довершив всякую правду, предначертанную Богом для человека, умер.

Я приезжал отпевать Валентина Петровича.

– Он умер невинный, – сказала тихо Лариса Васильевна, – а мне надо молиться о моих грехах.

Вскоре она оставила работу и уехала в Задонский монастырь. Через два года она стала инокиней, а ещё через год – монахиней Тавифой.

ПАСТЫРЬСКИЕ ИСКУШЕНИЯ

Вечером я готовил ужин. Когда нет поста, яичница – самая удобная еда. Готовится быстро, насыщает хорошо. Я думал о сыне, которого ещё не было дома. Я думал о маленьком Илюше. Сегодня утром, совершая проскомидию, я вытащил тысячу частиц из просфоры за его исцеление. Пусть простят меня

другие прихожане, если я не успел кого-то помянуть. И всю литургию его образ стоял передо мной. Я просил Господа освободить его от болезни.

Пришёл сын, громко хлопнув входной дверью. Заглянул на кухню.

– Будешь ужинать? – спросил я.

– Нет, поужинал у мамы.

– Как она себя чувствует?

– С каких пор ты интересуешься маминым самочувствием? – резко спросил он.

– У тебя плохое настроение?

– Настроение хорошее. Только я просил тебя не говорить о маме.

– Но ты начал первый.

– Если ты думаешь, что у нас есть семья и ты можешь так, обыкновенно, между прочим, говорить о нас вместе, то это грубая бесчувственность.

– Когда ты будешь взрослым..

– Это я уже слышал.

И он ушёл к себе в комнату.

Я пошёл за ним. Дверь была заперта, и я постучал. Он никак не откликнулся.

– Мы цивилизованные люди, – сказал я в дверь.

– Вы, священники, цивилизованные люди, – он вызывающе засмеялся, – тогда наденьте пиджаки и галстуки, по крайней мере, хоть внешне будете походить на цивилизованных людей. А то прячетесь в свои старомодные наряды и бороды, а сами ничем не отличаетесь от обыкновенных людей.

– Ты не можешь судить всех священников.

– Всех не могу, но тех, которых знаю, могу, могу судить!

Я стоял и молчал. Иван открыл дверь.

– Я сегодня зашёл в «Баскин Робинс», – взволнованно начал он. – Впереди меня обслуживался ваш отец Владимир. Он взял комплексный обед и бутылку пива и всё это поставил на столик. А потом было очень забавно. Он торжественно и широко перекрестился, чтобы видели все его глубокую веру, и благословил крестом свою скудную трапезу.

– Это неосмотрительно он сделал, тут ты прав.

– Папа, я хочу спать, устал. – Он закрыл дверь, потом распахнул её и добавил: – Кстати, пап, тебе надо подстричь волосы. Жидкий хвост и залысины как-то не сочетаются. И бороду подровняй.

Я доел свой ужин, пошёл готовить записи для Веры. Завтра она придёт в храм.

Молитва не шла на ум. Хотелось спать. Но я вспомнил об Илюше и начал читать вечернее правило и Канон Богородице.

Когда я улёгся в постель, сна не было. Многолетняя привычка к чтению перед сном заставила меня взять книгу с тумбочки. Я открыл главу и начал читать:

«Единство Церкви следует необходимо из единства Божьего, ибо Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати. Даётся же благодать и непокорным, не пользующимся ею (зарывающим талант), но они не в Церкви. Единство же Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, как единство многочисленных членов в живом теле.

Церковь одна... Только в отношении к человеку можно признать раздел Церкви на видимую и невидимую, единство же её есть истинное и безусловное. Живущий на земле, совершивший земной путь, не созданный для земного пути (как ангелы), не начинавший ещё земного пути (будущие поколения) –

все соединены в одной Церкви – в одной благодати Божией; ибо ещё не явленное творение Божие для Него явно, и Бог слышит молитвы и знает веру того, кто ещё не вызван им из небытия к бытию. Церковь же, тело Христово, проявляется и исполняется во времени, не изменяя своего существенного единства и своей внутренней, благодатной жизни, поэтому, когда говорится «Церковь видимая и невидимая», то говорится только в отношении к человеку».

– Истина, истина, – шептал я, положив книгу на грудь, – точно, глубоко и вместе с тем просто выражены автором основные положения сущности Церкви.

Я хотел продумать, осмыслить слова прочитанного, но тревожным фоном, как «шум житейский», стояли впечатления дня и последний излишне эмоциональный разговор с сыном. И вместо осмысления прочитанного в голове закружились воспоминания.

Я ушёл три года назад. Ушёл в чём был и не вернулся.

Пасторские искушения касаются не только самого пастыря, но и его семьи. Часто эти искушения и разрушают малую церковь. Молодые женщины окружают пастыря. Они изливают ему душу. Находят глубокое понимание жизненных переживаний и искреннее сочувствие. Такого сочувствия и понимания они не встречают у своих далёких от Церкви мужей. Они проникаются к священнику сначала возвышенной, духовной любовью, а затем она перемешивается с любовью человеческой. Эта привязанность к человеку заставляет женщину приходить в храм уже не к Богу, а к человеку, в котором она видит мужчину. Женщина начинает мечтать о возможности построить отношения двух страдающих душ, затерявшихся в жестоком и скорбном мире, пусть не в этой жизни, но в жизни будущего века, и потихоньку называет своего тайного избранника небесным мужем. Душа священника слишком поздно замечает эти притязания и мечты, а когда замечает, то ужасается. Преследования, письма, шпионство, сплетни и разочарования являются итогом «духовных» отношений неопытного пастыря с «небожительницей».

Опыт приходит не сразу. Матушка начала ревновать, копить обиды и однажды, находясь в состоянии мучительной нервозности, крикнула старшему сыну:

– Полюбуйся на своего папашу! (Я лежал на диване после очередной ссоры.) Какой пример верности долгу, Церкви, семье подаёт этот отец-священник! Ты уже взрослый мальчик, мог бы меня защитить от этого тирана.

В комнату вбежал Иван. Он был испуган скандалом.

– Сейчас же встань! – крикнул его старший брат. – Извинись перед мамой!

Я не двигался. Я лежал и думал о том, что разрушается в сознании моих детей фундаментальная основа семейных отношений – институт отцовства. Если я не уйду сейчас же, то будущая жизнь будет уничтожена.

Ваня, заплакав, выбежал вон. Матушка в слезах бросилась за ним. Старший молча вышел, он не знал, что делать дальше. Я сел, свесив ноги, и в одну секунду принял решение. Оделся и ушёл навсегда. Она никогда не попросила меня вернуться.

...Я встретил её в театральной студии молодёжного театра, где был ведущим актёром. Театр возглавлял выпускник «Щуки» Игорь Петрович Сомов, человек талантливый, но бесконечно страстный. Каждый спектакль он ставил, вдохновлённый очередной пассией из собственной труппы. Отношения с молодой актрисой занимали всё его время. Он жил, имея две страсти, которые вытекали одна из другой: театр и любовь к девушкам. Это было его

обыкновенное состояние: он любил и творил для очередной возлюбленной. Он творил, чтобы она любила его и восхищалась им. Для меня же театр был университетом, собранием единомышленников, исповедующих одну духовно-нравственную идеологию, которую театр транслирует зрителям. Театр – лаборатория для выращивания душ. Когда я понял, что Сомов движим только страстями, я ушёл из театра. Позже Сомова убили в подворотне.

Она разделяла мои взгляды и ушла со мной. К тому времени будущая матушка не была верующим человеком. Она была комсомолкой, комсоргом, живым организатором молодёжных дел. Её живость, любовь к жизни и людям подкупили меня, и я сделал ей предложение. Мы поженились. Мне было тогда двадцать три года от роду.

Я вспоминал, как привёз её в гости в Нижегородскую губернию к своему институтскому другу Володе Чугунову. Там в семье уже царил патриархат. Утренние и вечерние молитвы были обязательны. Молитвы перед вкушением пищи, благодарственные молитвы. Разговоры о Боге, о Церкви. Володя пас стадо коров, называя себя пастырем бессловесных.

Моя жена на третий день забилась в угол и горько плакала. Я нашел её и спросил, что происходит.

– Я хочу домой, увези меня отсюда, – жалобно просила она.

Я понимал, что будет «ломка», но именно эту цель я и преследовал. Она со временем привыкла и кое-что переняла из христианского, патриархально-го образа жизни.

Сна не было. Я включил свет. Через минуту раздался осторожный стук в дверь.

– Пап, не спишь?

– Не сплю.

– И мне не спится. Ты прости меня за грубый тон.

– Бог простит, а я не сержусь.

– Тогда хорошо, спокойной ночи.

«Сердце у него хорошее, доброе», – подумал я.

Вера ждала меня у храма. Она выглядела ярче, чем вчера. Подкрашенные ресницы, прибранные волосы, румяна делали её лицо более выразительным. Легкий чёрный плащ, перетянутый в талии пояском, утончал её фигуру, которая была приподнята над землёй высокими каблуками.

– Здравствуй, – смущённо поприветствовала меня Вера.

– Здравствуй, – ответил я и спросил:

– А вы умеете брать благословение у священников?

Вера зарделась.

– Умею, только я испугалась.

Она старательно сложила кисти рук и по-детски протянула их ко мне с видом человека, который просит что-нибудь положить ему в них. Я перекрестил её и положил свою ладонь в её холодные сухие ладонки. Она наклонилась к моей руке, и я услышал тонкий запах духов, что-то цветочно-весеннее.

– А куда это вы собрались такая нарядная, Вера? – спросил я весело.

– К вам, отец Евгений.

– У вас холодные руки, вы, наверное, замёрзли в такой лёгкой одежде? Весна – обманчивое время года. На солнце тепло, а земля ещё не прогрелась. От неё так и веет сыростью и холодом. Надо беречь себя, Вера.

– Я берегу себя, спасибо за беспокойство.

Вера, казалось, была смущена.

– Вы принесли «листочки»?

- Да, принёс.
Я протянул ей приготовленную ещё вчера исписанную бумагу.
- Только заранее прошу меня простить за мой почерк, небрежности, орфографические ошибки и другие помарки. Всё делаю торопливо, как говорят в народе, «на босу ногу».
- Вера улыбнулась.
- То есть небрежно, за отсутствием времени, – пояснил я.
- Понятно, понятно... – рассматривая мою писанину, говорила Вера. – Когда принести работу? – Она взглянула мне в лицо.
- Как напечатаете, так и приносите.
- Я сегодня всё это наберу.
- Так скоро?
- Но ведь здесь небольшой объём.
- Думаю, вам придётся потрудиться, разбирая мой почерк, – с сомнением в голосе сказал я.
- Ваш почерк я разберу, это несложно, – задумчиво сказала Вера.
- Когда принести?
- Приходите завтра в это же время к храму.
- Приду, – весело сказала Вера и спросила: – А вы завтра ещё принесёте «листочки»?
- Если подготовлю, то принесу.
- Тогда благословите начать работу.
- Она под рукой спрятала листы, прижала их к плащу и снова сложила ладошки.
- Я перекрестил их и крепко пожал её похолодевшие пальчики.
- Вы совсем замёрзли, Вера.
- Она обхватила мою руку и, не отпуская её, сказала:
- Я замёрзла внутри, с тех пор, как ушёл из жизни мой отец. Но теперь всё будет хорошо, я отогреюсь, ведь так и будет?
- Так и будет, Вера, Господь всех согревает своей любовью.
- Ну, я побежала.
- Она крепко, с чувством сжала мою ладонь и торопливо пошла, несколько раз оглянувшись.
- Я смотрел, как удалялась эта тоненькая фигурка, и у меня возникли некоторая догадка и новый план.

МАНЬЯК

- Следователь прокуратуры приехал к храму, когда я с Тихоном обсуждал предстоящую работу. Невысокий, взгляд внимательный, цепкий. Рука крепкая. Такой ухватится – не оторвёшь.
- Моя мать, Галина Николаевна, знает вас. Она директор детского дома, она рассказывала о вас.
- Чем могу вам помочь?
- Дело очень деликатное. Но сначала представляюсь. Я – старший следователь прокуратуры Владимир Удальцов.
- Он полез в боковой карман пиджака. Я жестом остановил его.
- Хорошо. Разговор между нами.
- Священники умеют хранить тайны.
- Это мне как раз и надо. – Он помрачнел. – Мы взяли преступника. Может быть, слышали информацию о том, что пропадают девушки.

– Да, конечно, слышал.

– Мы взяли подозреваемого. Он отрицается, понятное дело. Вышли на след случайно. Наверное, Бог помог. Он их душил и совершал преступные действия. А одна женщина спаслась чудом. Преступник думал, что она мертва. Вот она-то как раз и описала нам подозреваемого и его машину, красную «шестёрку».

И потом мы нашли ещё один труп и сделали анализ спермы. Совпадение стопроцентное. Ошибки нет. И вдруг подозреваемый попросил встречи со священником. Спрашиваем: «Зачем?» «Мне надо покаяться», – говорит.

– Слова правильные знает.

– Да, удивительно. Согласитесь?

– Вы сюда его привезёте?

– Нет, сюда, в храм, нельзя. Давайте вы приедете в прокуратуру. А мы его там подготовим.

– Я не против. – Мне стало интересно посмотреть на этого человека. – Только я не могу с вами сотрудничать. Вы понимаете это? Я не могу разглашать тайнство исповеди. Если священник расскажет о том, что поведает ему кающийся грешник, то по правилам он будет лишён сана, то есть он перестанет быть священником, будет запрещён в служении.

– Да, это я понимаю, – согласился Удальцов. – Для следствия важен психологический момент. Может быть, после разговора с вами, ну после его исповеди, которую вы примете, может быть, он заговорит, начнёт давать признательные показания. Моя интуиция мне подсказывает, что должен наступить перелом.

– Он уже знает, что исследование ДНК совпадает?

– Нет, мы пока ему об этом не говорим.

– Понятно. А сколько же он душ загубил?

– Погибло четырнадцать девушек от девятнадцати до двадцати четырёх лет.

– Четырнадцать душ! Какая трагедия для семей! Сколько людей страдает, Господи, помилуй нас грешных!

Мы условились о встрече в прокуратуре, куда должны привезти преступника.

Утро было пасмурным. Слабый свет проникал в комнату. Я проснулся и, как обычно, спустил ноги с кровати на коврик. Было тихо. Потом я услышал, что из комнаты сына доносится слабый звук работающего телевизора. Опять не выключил.

Когда же спят эти люди из телевизора? Включи в любое время – увидишь передачи, кино, смех, непотребства...

Я накинул лёгкий подрясник и, осторожно открывая дверь, чтобы не скрипнула ручка, вышел в коридор. Звук телевизора усилился. Я наклонил голову к двери сына. Кроме звука работающего телевизора, ничего не было слышно. Сын спал. Я приоткрыл дверь. Он лежал на боку, закутавшись в одеяло. Я прокрался к кровати, нащупал пульт и нажал на кнопку. Пульт не работал. Я подошёл вплотную к телевизору и начал шарить рукой сбоку, ища выключатель. Нашупав, придавил его. Получилась громкая отдача и булькающий звук экрана.

– Па, ну дай поспать, я всю ночь не спал.

– А что же ты делал?

– Не спал.

– Почему ты не выключаешь телевизор? Сколько тебе можно говорить одно и то же?

– Пульт кирдык.

– Спи.

Я вышел. Хорошо, что хоть компьютер выключил – тот находился на расстоянии вытянутой руки.

После «утреннего правила» я отправился на встречу. Волнения у меня не было. За двадцать лет служения встречались разные люди.

Я попытался припарковать свою машину на свободное место прямо напротив прокуратуры. Выбежавший из здания офицер-охранник знаками показал мне, что здесь не положено парковаться.

– Так они меня здесь ждут, – произнёс я, но противоречить не стал – завёл двигатель, сдал назад и проехал подальше, к магазину.

Неловко было на виду у всех нести Крест, Евангелие, епитрахиль, требник. Люди останавливались и провожали меня взглядом. Зачем идёт батюшка в столь незавидное заведение? Я скрылся за высокими дверями прокуратуры.

– Вы к кому? – спросил меня уже знакомый офицер.

– Я к Владимиру Удальцову.

– А... – понимающе протянул он. – Пойдёмте, я вас провожу. Это на первом этаже.

Я смело прошёл через металлоискатель, который недовольно пропищал, видимо, реагируя на Крест, и последовал за военным. Мы свернули в длинный коридор, и я увидел идущего нам навстречу Удальцова.

– Благословите, батюшка.

Он неловко сложил руки. Наверное, мама поработала с ним утром. Я его перекрестил, но не дождался поцелуя «десницы Божией». Получилось странное приветствие.

– Пойдёмте.

Он повернулся, и я двинулся за ним по красной ковровой дорожке.

– Комната небольшая, метров двенадцать, и вы, к сожалению, будете не одни. Там охрана. По-другому не положено.

– Как же я буду его исповедовать? – Я остановился перед дверью и задумался.

Удальцов смотрел на меня, ждал моего решения.

– Ну, хорошо. Накрою епитрахилью и тихо-тихо поговорю с ним.

– Ну и отлично! – обрадовался следователь. – Ну что, входим?

Я кивнул. Сердце мое забилось быстрее обычного. Удальцов толкнул дверь.

«Исповедник» сидел у стола, два охранника с «калашами» находились рядом. Увидев Удальцова, ребята встали.

Это была комната, похожая на школьный класс с партами. Стояло несколько столов. Стулья ютились у стены, рядом с охранниками, на одном сидел подозреваемый, причём стул был очень маленьким для него.

– Пропастин, встаньте!

Подозреваемый поднялся, и я смог рассмотреть его. Казалось, он совсем не волновался, играя в какую-то игру. Думаю, я понял, зачем он призвал священника. Бросились в глаза большие руки, покрытые волосами, и толстые, как сосиски, пальцы. На нём была серая, давно не стиранная рубашка с закатанными рукавами, он был большеголовый, с короткой шеей, которая уходила в могучие плечи. Комната пропахла этим невымытым человеком. Пот смешался с чем-то прокисшим. Устойчивый, густой, неприятный запах.

– Священник приехал. Будешь разговаривать? – строго и как-то напористо спросил Удальцов.

Он с ним разговаривал совсем по-другому, чем со мной.

– Конечно, буду. Здравствуйте, батюшка.

«И он тоже русский человек», – подумал я.

– Как вам удобно, отец Евгений? – спросил официально Удальцов.

– Я думаю, мы разместимся здесь, – ответил я, подойдя к столу, у которого стоял Пропастин.

Я положил на стол Крест Христов, Евангелие в бронзовом окладе и, читая молитвы, начал облачаться в епитрахиль и поручи.

Удальцов жестом приказал ребятам с «калашами» сесть.

Облачившись, я посмотрел на следователя.

– Я вас оставлю, подожду за дверью.

– Сколько у нас времени? – спросил я Удальцова.

– Столько, сколько надо.

– Хорошо.

Удальцов вышел и тихо прикрыл дверь.

Я посмотрел на конвой, потом на Пропастина.

– Вы хотите поисповедоваться? – напрямую спросил я его.

– Да, я за этим вас пригласил.

– Вы воцерковлённый человек?

– Я не понял вас.

– Вы в церковь ходите?

– Мать ходила. Я тоже ходил, но редко.

Он поглядывал на охранников, которые, казалось, уже забыли про нас. Один что-то тихо рассказывал другому на ухо, тот улыбался.

– Они нам не помешают! – произнёс я твёрдо, властно, на правах хозяина положения. – Сейчас я начну чинопоследование исповеди, а вы готовьтесь просить прощения у Бога за свои грехи.

Я зажжёт свечу, подплавил низ её и поставил на голый стол. Она хорошо прилипла.

– Давайте молиться... Благословен Бог наш...

Я молился, а сам всем своим существом чувствовал этого человека. Он стоял в метре от меня, сопел носом. Мне было неловко рядом с ним находиться. Я представлял, как он так же сопит носом и источает этот удушливый запах мужской нечистоты, тащит на верхний этаж к люку на чердак молодую девушку, угрожая ей огромным ножом. Она, сдавленно плача, поднимается по лестнице, а он смотрит на её обнажившиеся белые молодые ноги и торопит её, мучимый жестокостью насилия и нетерпеливой похоти. Он не выпускает её ни на секунду, тесно пролезая в люк и закрывая его, а фонарь уже ищет приготовленное ложе. Это старое стёганое одеяло, брошенное в самый угол чердака на куски стекловаты, голубинный помет и высохший шлак. Он ступает своими ножищами, наклоняясь и хрустя шлаком. Голуби громко хлопают крыльями, разлетаются во тьму.

– Иди тише, не ссы. Будешь делать то, что скажу, не трону. Останешься жить. Тише.

Он останавливается и прислушивается. А в это время нащупывает удавку в кармане лёгкой куртки.

– Видишь, постелено?

Он светит фонариком в угол чердака. Жертва дрожит от страха и давится слезами.

– Вижу.

– Иди вперёд.

Она делает несколько шагов. Он накидывает ей удавку на шею и затягивает своими обезьяньими руками. Она почти не сопротивляется. Не успевает.

Через минуту тёплую девушку он перекладывает на лежбище. Задирает юбку и стаскивает трусы. Теперь он может делать, что хочет. Ему никто не сможет сказать нет и обвинить в мужской несостоятельности.

Так уносятся мысли от молитвы. Я опомнился и продолжал:

– «Се чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое, не усрамяся, ниже убойся, и да не скрыеши что от мене, но не обвиняя рцы вся, елика соделал еси, да примемши оставление от Господа нашего Иисуса Христа...»

Я посмотрел на него. Он стоял с хладнокровным, отсутствующим взглядом.

– Наклоните голову к Кресту и Евангелию. Я накрою вас епитрахилью, а вы покайтесь.

Он наклонился. Я положил на его шею и голову епитрахиль и тоже наклонился к нему.

– Меня подозревают в убийстве, – начал он хриплым голосом. – Я чую, они от меня не отстанут. А у меня жена и двое детей.

Я молчал. Решил ни о чём его не спрашивать. Не задавать никаких навоящих вопросов. Я уже понял: он не скажет ни слова правды.

– ...И я вот думаю... Вся голову себе сломал. Может быть, мне взять на себя три или четыре эпизода и отсидеть. Отсидеть вместо настоящего убийцы. Как вы, батюшка, скажете?

– Если вы не виноваты, вам не следует брать чужие преступления на себя.

– Но это же христианский поступок. Пострадать за другого человека, отсидеть за него в тюрьме.

– А как же ваша семья – жена, дети?

– Надо же жертвовать чем-то очень дорогим. Не так ли?

– Так-то оно так. Но давайте рассуждать. Вот вы возьмёте и сядете за настоящего убийцу. Так сказать, возьмёте его грех на себя. Будет ему хорошо от этого?

– Конечно, – согласился Пропастин.

– И у Бога вам зачтётся, так?

– Так.

– Вы-то сядете, а он останется. Вы думаете, он оценит ваш поступок, когда узнает из прессы, что вас посадили по ложному обвинению в трёх или четырёх убийствах? В его убийствах?

Он задумался.

– Знаете, сколько людей сидят по ошибке следователей и судей?

– Это да, это я знаю, полно таких.

– Что же, преступники всем им благодарны? Я думаю, они смеются и над судьями, и над несчастными невинными людьми. Ни один из них не пришёл и не сказал: «Вы посадили человека зря за эти преступления, он не виноват, он не убивал. Отпустите его, а меня посадите. Это я настоящий убийца, а не он». Слышали вы о таких признаниях?

– Нет, не слышал.

– А знаете, куда пойдёт настоящий, непоиманный преступник? Он пойдёт душить новые жертвы. А вы в это время будете сидеть за него и будете думать, что помогаете несчастному человеку. Понимаете?

– Значит, мне не надо брать на себя эти эпизоды, которые они мне шьют?

– Если вы не виноваты, ни в коем случае не берите.

– Я всё понял, батюшка.

– Есть на вас какие-нибудь грехи?

– Да нет, батюшка, больших грехов нету, а мелкие – они у всех есть.

Я спросил у него спокойно и проникновенно:

– Как вас зовут?

– Игорь.

– Игорь, я буду читать молитвы над вами, а вы скажете Господу свои грехи потихоньку, неслышно.

Я положил ему руку на голову и почувствовал через епитрахиль густое тепло его мясистой шеи и запах. И увидел, как он в углу чердака засыпает её, бездыханную и остывшую, шлаком, перемешанным с голубиным помётом, и кусками стекловаты. Потом всё это разравнивает, придавая естественный вид. Складывает одеяло и, прислушиваясь, спускается с лестницы на пол последнего этажа подъезда.

Он выходит распаренный на улицу, швыряет в мусорный бак одеяло и идёт домой, в семью...

– Целуй Евангелие и Крест.

Он толстой пятернёй, по-хозяйски снял с головы епитрахиль, наклонился над столом. Спина его бугрилась под влажной рубашкой. Он только наклонился, но не прикоснулся к святыням, совершив пантомиму.

Я подошёл к двери и позвал Удальцова.

– Ребята, уведите...

Уходя, Пропастин посмотрел на меня. Я отвернулся в надежде никогда не встречаться с этим человеком.

– Пойдёмте, я вас провожу, – предложил Удальцов, – и спасибо вам за содействие.

– Маме передайте привет. На Троицу мы приедем в детский дом со спектаклем нашей воскресной школы и с подарками.

– Хорошо.

Перед выходом Удальцов взял меня за руку.

– Ну, что скажете?

– Идея такова: я даже перед Богом не виноват, видите, я приглашаю Его, Бога, служителя, а вы меня вините? Опомнитесь, я вам больше ничего не скажу.

– Ну, понятно...

Состояние было сложное, тяжёлое. Я приехал домой. Сын ещё спал. Выпив горячего чая, я сел писать.

ТВОЯ БОЛЕЗНЬ

Никакие теоретические доказательства существования Бога не нужны, когда происходит такое. Твоя болезнь проявилась неожиданно, в два с половиной года, и продолжалась девять лет. Вдруг срывался сердечный ритм, и сердце колотилось, как маленькие женские часики. Пульс зашкаливал за двести ударов в минуту. У тебя темнело в глазах, сбивалось дыхание, ты пугался в такие минуты и плакал. Мы вызывали «скорую», врач всегда вводила внутривенно изоптин, приступ снимали, и пульс восстанавливался. Все местные отделения скорой помощи хорошо знали наш адрес. Я носил тебя на руках до семи лет. Это ожидание нового приступа не покидало сознание ни днём ни ночью.

Однажды я ехал в автобусе и смотрел в окно. По стеклу проплывали дома, магазинчики, деревья, проносились срезанные рамой окна автомобиля. Я думал тогда: «Почему это произошло с тобой, почему это происходит с нашей семьёй?» – и не находил ответа. Твоя болезнь лишила тебя детства, и было очень обидно.

Тогда я пришёл в церковь. Я нашёл причину твоей болезни в себе, в своих грехах, в своих падениях и начал каяться и молиться.

Твоя болезнь была моей слабостью, она заставила меня от многого отказаться. Я жил тогда как аскет-праведник примерно пятнадцать лет.

Я учился в Литературном институте в Москве, и это позволило мне искать пути лечения твоей болезни. Творческий руководитель мастерской прозы М. П. Лобанов познакомил меня с доктором Угловым, который был большим писателем и мудрейшим из людей. Я нашёл его на подмосковной даче. Он был уже очень старым человеком, по-моему, он прожил сто лет и пользовался большим авторитетом. Он направил меня к доктору Соколову из Боткинской больницы, а тот, в свою очередь, познакомил меня с Лео Антоновичем Бокерия, в то время профессором института имени А. Н. Бакулева. Бокерия принял нас с сыном.

Мы стояли в коридоре перед дверью. Ты, шестилетний мальчик, бело-головой и голубоглазый, и я, растерянный и виноватый человек, а рядом стоял наш чемодан. Мы приехали надолго. В моей голове пульсировала только одна мысль: операция на сердце моему сыну, моему мальчику. Это было сном. В это невозможно было поверить.

Ты был ребёнком, кротким, послушным, ничего не понимал в том, что происходит. Ты доверчиво шёл за мной. Ты полагался на меня, последнего грешника. Я беспрестанно читал Иисусову молитву: Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешного. Наконец открылась дверь, потянулись из кабинета люди, и Лео Антонович вышел и пригласил нас.

– Мы от Сергея Сергеевича Соколова.

– Да, он звонил мне. – Лео Антонович говорил с ярким грузинским акцентом.

– Что же там бросили свой чемодан? – Он указал на закрывающуюся за мной дверь. – Вдруг кто-то утащит его...

– Ничего страшного, – смущённо отвечал я.

– Как это – ничего страшного? Занесите, занесите.

Я неловко протиснулся в дверь с большим чемоданом и неуклюже поставил его на пол.

– Привезли документы, выписки, ЭКГ?

Я всё это держал в руках и протянул ему.

– Интересно, какой это «дополнительный путь», – перелистывая карточку, приговаривал доктор, – интересно... По кардиограмме ничего понять невозможно. Надо делать ЭФИ, а потом возможна полостная операция.

Ты смотрел на меня. Я нервничал и не сводил глаз с доктора. Лео Антонович заинтересованно изучал кардиограмму через очки. Он был небольшого роста, очень стремительный и решительный. Сорвал с телефона трубку, набрал короткий номер и сказал:

– Примите мальчика с его отцом, фамилия Седогин, шесть лет.

И, улыбнувшись тебе, сказал:

– Всё будет нормально, будешь здоровым. Идите, оформляйтесь. По коридору налево, 121-й кабинет. Не забудьте чемодан.

Я вышел за тобой в коридор. Решение было принято. Операция. На меня навалился панический страх.

– Подожди меня здесь, я сейчас.

Постучал костяшкой пальца в дверь. Я вернулся к доктору.

– Простите меня, Лео Антонович. Вы же понимаете, это мой сын. Я очень переживаю за него. Как это всё будет? И каков результат?

Он вышел из-за стола и строго посмотрел мне в глаза.

– Вы приехали лечить мальчика? Давайте лечить. И ничего не будем загадывать.

Я молча вышел. Ты смотрел на высокие стены коридора, на медсестёр и врачей, тебя всё интересовало в Москве.

Потом были полостная операция и твоё медленное выздоровление.

Ты похудел, был бледный и почти прозрачный. Когда тебя привезли из реанимации, на тебя было больно смотреть. Ты ничего не хотел есть. Но к самому вечеру ты вдруг произнёс:

– Курочку хочу.

Я не знал, можно ли тебе курочку. Да и негде было взять курочку в такой час.

А ты повторил ещё раз:

– Курочку хочу.

Напротив твоей кровати лежала тяжелобольная женщина-грузинка, которую звали Русико. От неё не отходила её родная сестра Манана, она-то как раз слышала твоё желание.

– Курочку хочешь? – спросила она. – Я принесу.

Она сняла халат и отправилась на улицу разыскивать тебе «курочку» в ночной Москве. Через час курочка была доставлена. Ты ел любимую курочку с большим аппетитом.

– Сколько я вам должен? – спросил я Манану.

– О чём вы говорите! – возмутилась она.

Это было время, когда народы СССР жили очень дружно и понимали друг друга.

Через месяц мы приехали домой. Мы все радовались твоему выздоровлению. А через полгода, когда мы гуляли с тобой в парке, вновь случился приступ. Он был с частотой ударов сто шестьдесят в минуту. Это было возобновление болезни. Отчаяние овладело мной тогда. «Почему, Господи, ты нам не помогаешь?!»

Позже я узнал, что во время операции Бокерия не обнаружил «дополнительный путь», так называемый пучок Махейма, который откроют только спустя шесть лет после операции. А к тому времени он был ещё неизвестен кардиологическому миру.

Приступы стали происходить реже и с меньшей частотой сокращений сердечной мышцы, и мы надеялись на полное выздоровление. Но этого не происходило. Твоя жизнь была полна ограничений, она отличалась от жизни сверстников. Я надеялся только на помощь Бога. Думать о повторной операции на сердце казалось безумием для меня. «Может быть, этой смиренной жизнью Господь готовит тебя к чему-то возвышенному?» – так думал я, и так говорил мне мой духовник игумен Онуфрий. И вот однажды Бог показал мне. Я увидел по телевизору репортаж из Института имени Бакулева. Врачи нашли новый способ удаления дополнительных пучков через бедренную артерию. Эту операцию проводил профессор Ревшвили.

Я незамедлительно отправился в институт. К тому времени образование моё было закончено. Три года я работал заведующим литературной студией при Дворце культуры и не выходил из церкви, вознося молитвы и прислуживая в алтаре. И вскоре меня рукоположили в сан диакона.

Пришли новые рыночные отношения, меня пугала новая Москва. Но профессор принял меня благосклонно. Когда я предъявил ему страховой полис, он повертел его в руках и вернул мне.

– Мы не сделали того, что должны были сделать. Это ничего не будет стоить.

Тогда, в 1991 году, операция стоила уже пятьсот американских долларов. Конечно, у меня не было таких денег.

Амиран Шотаевич Ревшвили, человек высокого роста, даже долговязый, ходил по коридору больницы, лениво размахивая длинными кистями рук. В его облике было что-то светлое и спокойное.

Мы получили приглашение и выехали на операцию. Я тебе никогда не рассказывал, дорогой мой мальчик, что, когда тебе сделали укол и без одежды, голого, закрытого простынёй повезли на коляске в операционную, Амиран Шотаевич сказал мне:

– Пойдёте с нами. Я поставлю вас у двери операционной. Когда мне нужно будет принимать решение, я выйду к нам и спрошу.

Ты ехал впереди нас, накрытый простынёй, я видел лоб, руки и торчащие из-под простыни ступни.

– Что может случиться?!

– Я могу не найти пучка.

Они скрылись за белой дверью. Я ходил по коридору и молился шесть часов. Я просил Господа помочь доктору и его рукам, я просил, чтобы он не выходил из этой белой двери операционной. Но всё-таки Амиран Шотаевич, в маске на лице, с капельками пота на лбу, вышел ко мне:

– Что мне делать? Я не могу локализовать.

– Какое наименьшее зло в этой ситуации? – взволнованно спросил я.

– Разбить узел и стимуляция.

Я сказал:

– Если нет другого выхода, делайте.

Когда закрылась дверь, слёзы полились из моих глаз.

– Господи, сколько можно? Почему Ты нас оставил?

Под левым подреберьем у тебя будет стоять маленькая коробочка, в которой будет заключена твоя жизнь. В этой коробочке находится та мера энергии, которая должна посылать электрический разряд для работы твоего сердца.

Слёзы душили меня. Это был вопль отчаяния. Вдруг из операционной вышла молодая женщина, на ходу снимая белую маску с лица.

– У вас всё хорошо, не волнуйтесь. Доктор локализовал пучок.

– Это правда? Вы говорите правду?

– Да правду, правду. У вас всё хо-ро-шо!

Позже, когда я перед отъездом разговаривал с Амираном Шотаевичем, то спросил у него:

– Как у вас это получилось?

– Знаете, Бог, наверное, есть. Когда пришёл от вас, я наудачу пустил радиочастотный луч. Вот и всё.

Я уже выбрал свой путь, встав на первую степень священства. Я задаю себе вопрос: может быть, Бог хотел, чтобы там, где я вырос, был построен храм ценой таких жестоких испытаний? Пути Господни неисповедимы...

Продолжение следует.

**Николай
ЕГОРОВ**

И СТАЛА ЖИЗНЬ МОЯ – СУДЬБОЙ...

Не пресечётся связь времён –
не позабыть нам тех имён,
что обозначили собой
годом безудержный прибой
и в нём – в черёд – девятый вал,
что сам себя и разбивал
о грудь скалы береговой
под ветра озверелый вой:
врезаются во времена
то бунт, то голод, то война,
как вечный знак времён и лет,
а им забвенья – нет и нет.

Всё б закончилось в первую зиму,
в феврале – 42, на снегу,
но война оказалась мазилкой –
подтвердить долгой жизнью могу.
Столько лет – и за промахом промах,
смерть за смертью несло в молоко,
столько молний и грозного грома,
а меня занесло далеко –
за порог двадцать первого века,
сквозь события и времена,
большаками – за вехою веха –
я спешил, отставала война.
Сроки были – излом на изломе,
и, казалось, попасться пора,
но везло, как в войну повезло мне:
знать, стреляли не те снайпера!
Свищут пули, взлетают осколки –
доля в каждом кусочке литом.
Я не знаю, осталось мне сколько...
Да и надо ли знать мне о том?

-
- Николай Матвеевич Егоров родился в 1923 году в Грозном. Во время Великой Отечественной войны участвовал в боевых действиях, был командиром взвода разведки, командиром роты стрелкового батальона, помощником начальника штаба стрелкового полка. Автор более двадцати книг. Лауреат многих литературных премий. Член Союза писателей СССР с 1962 года. Живёт в Ростове-на-Дону.

Мой век – вся жизнь: и труд, и бой,
и верность дорогой отчизне,
и стала жизнь моя – судьбой,
судьба моя и стала жизнью.
Эпоху не искал свою –
мне выпасть не могла иная,
и я стою, где я стою,
живу и жду и вспоминаю.
Суди меня иль не суди
во времени своём и весях –
ни впереди, ни позади,
а в нём – неотделимо – весь я.

Мерцают грустные созвездья
в небесной чёрной глубине.
Какие неземные вести
передают, земному, мне?
Что кроется в игре лучами
и в их сверканье по ночам?
Я вслушиваюсь в их молчанье,
прислушиваюсь к их речам –
ужель уйду и не пойму я
миганья мягкого лучей,
не высказанного впрямую,
и смысла пауз меж речей?
Могу насочинять гипотез,
пригодных на какой-то миг,
но, вечной правдой озабочусь,
искмое найду ли в них?
Смириться, думая о том, как,
разгадывая свет и тьму,
я ведь ни предков, ни потомков –
в земных пределах – не пойму?
А те созвездия стоусто
мерцают в чёрной глубине –
не перевесть речей, а грустно...
Да мало ли, что грустно мне?

Я верую, конечно, верую –
не в небеса, что надо мной,
а в землю под ногами серую
и не мечтаю об иной.
То в зелени она, то в золоте,
то в белизне снегов зимой,
и, даже холоден и голоден,
я не мечтаю об иной.
Незаменима и единственна,
неповторима и родна,
неколебимая, как истина,
как Символ веры мой – она.

**Аркадий
МАКАРОВ**

ДВА РАССКАЗА

(Из книги «Дети войны»)

ЦВЕЛИ, ЦВЕЛИ ЦВЕТИКИ...

*Белый ангел этой полночью
Моего увёл коня...*

Сергей Есенин

Отец потаённо, как бы стесняясь нас, детей, примостившись на угол стола, точил нож. Гибкое, тонкое лезвие с протёртой от долгого употребления ложбиной издавало характерный звук, как будто мартовская синица цвиркала у отца в кулаке. Её посвист, чистый и бесхитростный, я привык слушать по утрам. К началу зимы, когда первый снежок пробовал кочковатую морозную колею на дороге, в избе у нас появлялась синица, а то и две сразу.

Отец любил птиц, а может, это он просто нам на забаву приносил в рукавице жёлтый комочек, который с резким фырканием кидался в мутное, подёрнутое робкими ещё узорами стекло, бился, норовя преодолеть непонятное препятствие и улететь на волю. Через некоторое время, убедившись в тщетности своих попыток, зимняя гостья взлетала к потолку, цеплялась коготками за проволочную подвеску, на которой крепилась старая керосиновая лампа, и, раскачиваясь, с любопытством крутила чёрной головкой, разглядывая нас, детей, восторженно и весело приветствующих её.

Семья у нас была большая, но дружная. Пять человек детей, один меньше другого, – игрушек на всех не накупишься. Да и где они, эти игрушки, в послевоенной деревне, нищей и разорённой?

-
- Аркадий Васильевич Макаров – член Союза писателей России (СССР). Лауреат нескольких всероссийских литературных премий. Имеет около двадцати авторских сборников стихов и прозы. Неоднократно печатался в журналах «Роман-газета», «Аврора», «Наш современник», «Российский колокол», «Подъём», «Бельские просторы», «Литературные незнакомцы», «Новая литература», в «Литературной газете», «Литературной России», других изданиях.

Может быть, поэтому отцу так хотелось порадовать нас живой трепетной птицей, снующей по углам избы, где в пазах между брёвнами, прячась в жёсткой пакле, жили шустрые усатые тараканы.

Долгой зимой синице у нас было полное раздолье. Забыв о воле, она уже больше не кидалась в окна, а, беззаботно посвистывая, выдёргивала из пакли прячущихся от дневного света юрких проходимцев. К весне синица очищала избу от этих мерзких тварей, пугающих нас по ночам своими шорохами.

Привыкшая к нам птица становилась ручной, садилась на плечи, на руки, пружинисто прыгала по столу, собирая с клеёнки забытые крошки. Синица до того смелела, что, когда я готовил уроки, с весёлым фырканием бросалась на линованный тетрадный лист и старалась склюнуть чернильные буквы на бумаге, пугая их, очевидно, с червячками. Догадавшись, что это что-то совсем другое, она с недовольным писком снова взлетала к потолку, вышелушивая побелку и осыпая меня всевозможным сором.

Школьные ручки тогда были перьевые, писали чернилами с нажимом, и мне было трудно потом убедить учительницу, что домашнее упражнение выполнено чисто и аккуратным почерком.

Жирная головастая двойка, поставленная красным карандашом, больше всего привлекала проказницу, и она с особым рвением долбила её лакированным клювиком, пока на этом месте не оказывалось грязное разлохмаченное пятно, и мне снова было трудно доказывать добрейшей Антониде Ивановне, что я к этому не имею никакого отношения.

По весне синицу отпускали на волю: всей семьёй выходили на крыльцо, отец подбрасывал её с ладони, и она быстро, с резкими вскриками вспархивала на тополь у крыльца, неуверенно, бочком передвигалась по тонкой веточке, затем снова пикировала на нас, кружилась возле, словно приглашая за собой, и потом только, прощально свистнув, улетала – уже навсегда.

Как отцу удавалось ловить синиц, я не помню, но так было каждый год.

Вот и теперь, вторя свистящему звуку стального лезвия по камню, где-то за печкой откликнулась желтогрудая птаха.

Там же, в тёплом закуте, скоблил нетвёрдыми копытцами мокрый дощатый пол коровий детёныш. Несколько дней назад, ночью, отец внёс его на руках в избу и положил возле печки обсушиться. При свете керосиновой лампы я видел, как это слабое существо зябко передёргивало мокрой кожей со слипшейся, словно зализанной, красновато-бурой шерстью. Пятнистые бока его, как развёрнутый географический атлас с причудливыми изгибами материков, вздымались коротко и часто.

Утром нас ждала запеканка из молозива – жёлтая, слегка сладковатая, упругая, будто пережаренный омлет, белковая масса. Для нас, слабых, изголодавшихся за долгую зиму детей, это было лакомство.

Отелилась корова, теперь мы наверняка доживём до весны, когда можно на проталых грядках нашего огорода собирать оставшуюся с осени и вымытую вешними дождями картошку. Водянистую после морозов, её сушили на плите, потом толкли в ступе, замешивали на воде и пекли в печи, как лепёшки. Крахмалистые, они были хороши, пока горячие. Остывая, лепёшки чернели, рассыпались в руках, как слипшиеся опилки, и проглотить эти скороспелые оладышки всухомятку не было никакой возможности. Но с молоком они шли за милую душу.

Начало пятидесятых годов почти ничем не отличалось от военного времени. Та же бескормица, налоги, займы, пустые трудодни и беспросветная нужда.

Нашей семье ещё жилось хорошо. Матушка корова, молчаливая кормилица, не давала пухнуть с голоду. А мой товарищ Коля Юрасов из-за распухших, неподвижных ног вынужден был бросить школу, так и не сумев выговорить своё имя – Николаша.

– Как тебя зовут? – спросила его учительница, когда мы пришли первый раз в школу и пугливо озирались в непривычно большом помещении класса.

– Коласа, – сказал он под общий смех.

Так и стали его называть: Коласа да Коласа.

Болеет он тихо, ни на что не жалуясь и ничего не прося. Я ходил к нему и бесконечными разговорами старался развеселить друга. Он грустно улыбался, лёжа на старой дерюжке, двумя руками переставлял затёкшие ноги и снова впадал в сонное забытие.

Тогда моего товарища удалось спасти в районной больнице. Правда, в другой раз рука медицины не дотянулась до Коласы. Взрослея, он, как и многие мои ровесники, заболел распространённой среди мужиков на Руси болезнью и однажды утром, мучаясь нетерпением, не угадал бутылку с дихлофосом, улетел на белых крыльях, отягчённый великим грехом пьянства, иммунитет к которому, наверное, у моего поколения был подорван нашим голодным детством.

Питались всем, что могли пережевать и проглотить.

Однажды в маленькой сельской пекарне, где истопником работал мой дядя, меня угостили ещё горячей, пахнущей сытостью, хрусткой корочкой только что испечённого хлеба. Хлеб пекли в прямоугольных жестяных формах, предварительно смазав их из большой круглой банки беловатым, вроде топлёного свиного сала, легко тающим в руках жиром.

Пока дяди в пекарне не было, я быстро окунул вожделенную корку в этот жир и тут же съел. То ли был голоден сильно, то ли глотал торопливо, но масляного вкуса я не почувствовал. Только потом, перегнувшись пополам от резкой боли в животе, сплёвывал тошнотавую слюну в тёмную неподвижную воду осенней лужи и с удивлением рассматривал, как по ней расплывались радужные пятна, словно плеснули туда керосина.

Позже мне объяснили, что это был технический вазелин, а проще – очищенный солидол...

Такое вот было время...

Я хорошо помню этот дымный запах избы, ослепительно бьющее в окна февральское солнце, которое стелило на полу тёплые золотые половички. Отец точит горбатый кухонный нож, и ему вдохновенно вторит почти ручная синица. Из глубокого голубого блюда я пою телёночка молозивом, из экономии наполовину разведённым тёплой водой.

Телёночек ещё плохо умеет самостоятельно пить. Он бестолково мотает головой, тычется в руки, пытаюсь большими губами прихватить мои пальцы. Я окунаю их в пойло, телёночек тянется за моей ладонью, вбирает пальцы в рот и начинает, сладко причмокивая, всасывать разбавленное молоко.

Он такой маленький, беззащитный...

В его огромных глазах я отражаюсь, как в чёрном выгнутом зеркале: большеголовый, с тонкой шеей.

– Настасья, – оглядывая меня, говорила моей матери наша фельдшерница, – у него голова от малокровья кружится, и лицо – как у китайца, жёлтое. Ему бы мясца теперь...

– Эх, Нюрашка-Нюрашка, – горько вздыхала мать. – Откуда теперь мясца взять? Вот уж и картошка кончается. Одна нужда осталась, сердце гложет...

Телёночек пахнет весной, луговыми травами, подвинувшим сеном. Он осторожно следит за моими движениями, изредка моргая девичьими длинными изогнутыми ресницами. Язык его упруг и жёсток. Он резко прижимает мои пальцы к ребристому небу, и я чувствую, как между пальцами струится тепло. Я прижимаюсь щекой к его бугристой мордочке, покрытой шелковистой шерстью. Сопящее дыхание спокойное и ровное.

Иногда телёночек, увлѣвшись, слишком глубоко окунает мордочку в блюдо, и тогда его питиѐ бурлит от выдыхаемого воздуха сквозь широкие мягкие ноздри, брызгая мне в лицо.

Но вот блюдо опустошается, телёночек, кивая головой, благодарит меня, старается увязаться за мной. Он резко отрывает передние ноги и, не удержавшись, валится набок, вытягивая в мою сторону шею и жалобно мыча.

А отец всё вострит нож. Казалось, этому действию не будет конца. Звуки скользящей стали по точилу вызывают смутные ассоциации с чем-то неоправимым и жутким, моѐ детское сердце сжимается в необъяснимой муке.

Мороз уже давал послабление. Оконные стѣкла к вечеру оттаивали. За день крыши обрастали светлым частоколом сосулек, но в избе от пола, понизу тянуло холодом, и, наверное, поэтому зябкая частая дрожь пробегала по всему телу телѣнка, а он только покорно смагивал набегавшую на глаза влагу и грустно вздыхал.

Я снял висевший на гвозде отцовский полушубок и накрыл им коровье-го детѣныша, забыв, что за это можно было получить скорый подзатыльник. Но отец, казалось, не замечал меня и всё так же увлечѣнно продолжал точить нож.

Сколько я себя помню, он всегда что-нибудь точил: топоры, стамески, плоское лезвие рубанка и ещё что-то. Отец был хорошим плотником, а у хорошего плотника должен быть и хороший инструмент. Топор, которым он работал, никто не смел брать в руки. Топор тот был какой-то особой стали и настолько остѣр, что однажды отец поспорил на выпивку со своим соседом, мужиком хитрым и подначливым, что может запросто побриться вот этим топором.

Сосед посмеивался. Ударили по рукам, а мне, как свидетелю, хотя и малолетнему, пришлось их разбивать. Отец расстегнул свой широкий бычьей кожи ремень, натѣр его какой-то зелёной пастой, зацепил за гвоздь в стене, велел мне принести топор и потом долго наводил его на тугом полотнище.

Пока сосед, усмехаясь, раскуривал самокрутку, хвалился своим табачком, отец, сжав губы, без зеркала, на ощупь выбрил щетинистые щѣки.

Сосед потом горячо торговался, стучал кулаком себе в грудь, доказывая, что щѣки выбриты нечисто, но, в конце концов согласившись, принѣс початую бутылку самогона, и они с отцом её тут же выпили, довольные друг другом.

Можно было не сомневаться, что кухонный нож, который отец сосредоточенно точил, будет острее бритвы.

Наша печь служила единственным прибежищем, где можно было хорошо отогреться, и я, набегавшись за день, уснул быстро и крепко. Старая телогрейка под головой да суконное одеяло, перешитое из солдатских шинели, были так же уютны, как материнские объятья.

На печи всегда спалось хорошо, и ночь пролетала в один момент, без всяких сновидений. Но тогда мне снился цветной сон, сначала долгий и радостный, какие бывают только в детстве, перешедший потом в тягостные видения.

Под синим-синим небом, залитый солнцем, раскинулся в бесконечном пространстве по-весеннему цветущий луг. Было видно, что недавно прошѣл

дождь. Следы его остались в крылатых чашечках цветов, на белых лепестках ромашек, в узких желобках травинок. Множество радуг вставало, упираясь, как телефонные столбы, в самое небо. На лугу, обирая губами цветы, пасся коровий детёныш, наш телёночек.

Но это и не цветы вовсе, а бабочки, которые тут же вспархивали и кружились, кружились, и снова садились на яркий бархат, и снова превращались в цветы.

Я тоже попытался прихватить щепотью ромашку, но она вспорхнула из-под руки и, танцуя в нагретом воздухе, стала дразнить меня. Я хлопал в ладоши, пытаясь поймать её, но она тут же ныряла в траву и снова превращалась в ромашку.

Резвый телёночек в солнечных пятнах на рыжих боках, кивая головой, потянулся к моей ладони, и я увидел у него на широком, ещё комолом лбу большую красную бабочку с чёрной отметиной на крыле. Я потянулся за бабочкой, чтобы потом, расстелив чаровницу меж книжных страниц, любоваться ею на длинных скучных уроках.

Но это уже совсем и не телёночек, а мой школьный друг Коласа. Он зовёт меня поиграть в салки, но мне Коласу не догнать, ноги путаются в траве, и я падаю. Шершавый, как рашпиль, язык лижет мне лицо, мне тяжело дышать, я задыхаюсь. Жёсткое шинельное сукно лезет в рот, я комкаю одеяло и просыпаюсь.

Снизу, как во время стирки, тянет сыростью нагретой воды. На потолке мечется огромная распластанная птица или это просто беспокойная тень. Внизу какая-то молчаливая, притаённая возня.

В последние дни, перед самым отёлом нашей Красавки, по ночам отец часто выходил во двор с зажжённой лампой. Родители с нетерпением и скрытой тревогой ждали, когда разрешится от бремени корова. Красавка была единственным существом, которое могло спасти от голода нашу большую семью. Зимой плотницкой работы в селе не находилось, а что могла сделать одна мать, когда на руках куча мала? В редкие свободные минуты мать шла на дому, но этого едва хватало даже на жмых.

Страх за корову передавался и нам, детям. Мать велела каждый вечер молиться за благополучие семьи, за нашу Красавку, чтобы она в срок принесла телёночка, и тогда у нас, Господь пошлёт, будет молоко. Жмых ещё не кончился, слава Богу...

Прессованные брикеты заменяли нам в ту зиму хлеб. Они были жёлтого цвета, легко крошились в руках и напоминали вкусом вату, пересыпанную толчёной дубовой корой. Большие куски жмыха, я помню, лопатой грузили в мешки и на салазках привозили домой. То был хлопковый жмых.

Жмых размачивали в горячей воде, забелённой молоком, и ели как тюрю.

Вот и на этот раз я думал, что беспокойный отец собирается проведать корову и дать ей разогретое пойло. Я, вытянув шею, с любопытством потянулся посмотреть вниз – может, корова снова телиться будет?

Там, на полу, в неровном пламени керосиновой лампы, неестественно откинув к спине лобастую голову, лежал наш телёночек, с которым я только что во сне играл в догонялки. Отец, присев на корточки возле него, держал передние его ноги, а задние, с маленькими лакированными восковыми копытцами, всё толкали и толкали невидимую твердь, словно бескрылый коровий детёныш в прыжке хотел преодолеть земное притяжение и испариться в небеса. Из разломанной шеи в большое голубое блюдо, в котором недавно плескалось пойло для этого детёныша, билась пеннистая тёмная струя, и в доме стоял густой запах распластанной плоти.

Я сразу ещё не понял, чем так усердно глубокой ночью занимается отец. Родитель мой не любил, когда ему мешали. В деле он был скор, но скор был и на руку и мог стгоряча влепить так, что мало не покажется.

Я, затаившись, посмотрел вниз ещё раз и с ужасом осознал, что случилось что-то страшное и уже непоправимое, чего до этого мне никогда не приходилось видеть.

Чтобы не закричать от жалости к лежащему внизу на голых половицах существу, я закусил зубами конец грубого и жёсткого, как войлок, одеяла, давясь слежалой шерстью шинельного сукна. Хотелось уползти в угол, забиться в щель, стать маленьким-маленьким и не видеть, что делается там, внизу, в сыром и тяжком воздухе нашей старой избы, но властная сила переживаемого ужаса заставляла смотреть на эту картину и давиться слежалым сукном непокорного одеяла.

Отец был так занят своей работой, что и не заметил меня, оглушённого и придавленного происходящим. Всё моё детское существо кричало и противилось увиденному, трепеща до самых кончиков пальцев. Не помню потом, как я провалился в чёрную воронку сна, которая засосала меня в беспмятность и выбросила на берег, где порхали и кружились странные цветы-бабочки. У самого лица огромным коровьим выменем с розовыми сосцами свисало не успевшее подняться в зенит солнце. Я хватаю губами эти тугие соски, и парное молоко струится в меня. Молока так много, что оно заливает лицо, грудь и струится на землю.

Напористый телёнок скачет около, толкается, гомонит. Я мучительно долго ищу то большое обливное блюдо, куда можно слить целебный напиток, белый, как день, желанный, как сама жизнь, чтобы напоить доверчивое глупое существо, которое тычется в мои ладони.

Коровий детёныш жалобно мычит, вытягивает губы и смотрит на меня большими круглыми глазами, в которых отражаюсь я, смеющийся, весёлый, кудрявый. Потом тянет меня за рукав туда, где отец размашисто косит луг, и молчаливые, покорные травы ложатся у его ног под стремительным, неотвратимым посвистом ныряющей косы. Отец идёт по травам, топча большими сапогами обескрыленные и вялые цветы, которые только что тянулись к лучезарному небу на своих тоненьких качающихся ножках.

Вдалеке, из-за горизонта, мимо высоких радуг, не замечая их, приближается мать. В руках у неё большое блюдо, которое я так долго искал. А в блюде золотыми кольцами возвышается горка городских кренделей, рядом узкогорлая бутылка с молоком, заткнутая бумажной пробкой – обед для моего родителя.

Мать тихо и грустно поёт песню, каждое слово которой колет и режет моё детское сердце:

Цвели, цвели цветики.

Цвели и опали.

Цвели и опали –

Их люди стоптали...

Я бегу навстречу матери. Обхватываю её руками, тычусь лицом в подол голубого шёлкового платья, которое мать надевает только по праздникам, и горько плачу неизвестно отчего.

Откуда у неё это платье? Ведь она ещё летом обменяла его на мешок картошки, которую нам хватило до своей, молодой, и есть лебеду не пришлось...

Со всхлипом я просыпаюсь.

В доме душно, наверное, топится печь. Я, не помня событий прошедшей ночи, ныряю в отцовские валенки и выбегаю за дверь. Красавка мычит рядом за стеной надрывно, всхлипывая по-бабьи. В сенцах на дощатой скоблёной ножом чистой столешнице лежит раздетый телёночек...

Весь ужас ночи встаёт передо мной, накрывая тяжёлым и жёстким одеялом солдатского сукна...

Помню потом, как мать, уговаривая меня, долго не могла оторвать моих рук от холодных досок стола. Предметы стали вырастать до невероятных размеров, заполняя всё окружающее пространство. Мать на руках отнесла меня в дом и положила на кровать, прикрыв стёганным одеялом. Я задыхался под ним и что-то кричал. Мягкие кошачьи лапки болезни стиснули моё горло, и не было возможности поднять руки и разжать их тесных объятий.

Я тяжело и долго болел. Мясной горячий бульон, которым мать пыталась накормить и вылечить меня, вырывался обратно, вызывая мучительные толчки в животе. Отец старался не смотреть в мою сторону. Виногато курил и, тяжело вздыхая, ходил взад-вперёд по избе, и половицы под ним жалобно вскрикивали.

Однажды ко мне в гости пришёл мой Коласа, хвалясь тем, что врачи его поставили на ноги, и теперь он уже запросто может ходить в школу, если обувка найдётся.

– Лежишь? – сказал он, усаживаясь по-мужски на придвинутый к моей постели табурет.

– Лежу.

– А мне вот катанки стали велики! – скинул он подшитый валенок и показал мне ногу. Нога, опутанная голубыми ниточками вен, стала почти прозрачной, и тонкая кость проступала сквозь кожу от ступни до колена.

– А у меня нарыв в горле, – предупреждаю я. – Ты ко мне близко не подходи, заразишься.

– Не, я теперь не заболее! – отвечает он, ковыряя какой-то щепкой во рту. – Мясо в зубах застряло. Мне твоя мать во какой кусок отвалила!

У меня снова начинается рвота. Коласа долго стучит по моей спине, так долго, что из горла идёт кровь.

Всплёскивая руками, ко мне подбегает мать и начинает отпаивать горячим молоком с мёдом. Где она раздобыла в ту пору мёд, я не знаю.

Коласа ушёл домой, а я стал быстро поправляться и снова пошёл в школу. Та давняя кошмарная ночь потихоньку забылась, да и многое забылось с тех пор. Но в грустный, ненастный час нет-нет да и вспомнится тихая печальная песня: «Цвели, цвели цветики...»

ТАКАЯ ВОТ СЕ ЛЯ ВИ

1

Холодный дождь стальными жгутами охлёстывает осенние деревья, пытается вместе с листьями содрать и кожу; деревья возмущаются, гнутся, шумят, но так и остаются на месте, увязнув в наших русских чернозёмах.

Осень всегда печальна, особенно теперь, под затяжными дождями, с ветром, готовым смахнуть всё по дороге.

Печалюсь и я...

Печалюсь, что так быстро пролетело чудесное лето, с погожими долгими днями, с его теплом и утренней улыбкой зари, что безвозвратно прошла молодость, оставив в сердце досадное чувство за присущую ей, молодости, бездумность и щедрое растраниживание времени на пустыки.

Всё вернётся на круги своя, но отпущенное тебе Господом Богом время не возвратится никогда. Эта аксиома всем известна, но верить тому отказывается душа вопреки разуму. Может, действительно душа вечна, и ей, душе моей, все наперёд известно и определено. Может, потому я с такой жадностью гробил молодые годы на пустыки, на солону дней, сгорающих без следа в закатных небесных кострах.

Только в школьные дни, ясные и чистые, ты полностью ощущаешь радость новизны жизни, которая течёт как светлый ручёек из солнечного родничка, чтобы потом прошуметь высокой волной полноводной реки или захлебнуться, запутавшись в бурьяне, стоячей, прокисшей водой, рядом с пустыми, сухими берегами.

Всё ещё впереди, ещё не жжёт сердце горькая щёлочь утрат и солнце светит только тебе одному.

2

У нас в Бондарях была одна школа – районная.

Школа одна, но какая! Только на моей памяти она выпустила из своего шумного рукава четырёх генералов Советской армии, двух докторов технических наук, заслуженного врача-хирурга, около десятка педагогов, двух членов Союза писателей, несколько заслуженных строителей.

Школа располагалась в тесном двухэтажном здании бывшего трактира, в котором, по воспоминаниям стариков, просаживались в карты не только помещья и состояния.

Бондари – село большое, вольное. Здесь ещё с петровских времён обоживались беглые крестьяне, получившие вольную как работники новой суконной фабрики француза Леона.

– Бон пари! – восклицал он на берегу Большого Ломовиса, оглядывая зелёные спины холмов за рекой.

Может, поэтому и село Анастасиевка было переименовано в Бондари, потому что те, кто делает дубовые бочки, здесь отродясь не жили.

В советское время фабрику местные жители растащили по кирпичикам на хозяйственные нужды, трактир приспособили под школу. Потом из школы сделали музей, на фасаде которого красовалась памятная доска в честь известного советского поэта Владимира Замятина, лауреата Государственной премии.

Теперь за ненадобностью музей снесли. Построили новую школу, но будет ли она столь удачлива для её обитателей, не знаю.

Вместе с музеем стирается и память о достойных земляках. Новое поколение, по моим наблюдениям, нелюбопытно, и вряд ли оно сможет удержать в памяти достойное прошлое своего села. Новая жизнь, новые заботы сундучного времени.

Но это так, к слову.

3

Когда я учился в старших классах, в большой моде были кулачные бои между сверстниками. Правда, они назывались более романтично – дуэли.

Дуэли могли устраиваться по любому поводу и необязательно из-за девочки.

Шпаги и пистолеты где возьмёшь, а кулаки – всегда при себе.

Дуэль объявлялась заранее в строго назначенное время. Если противник опаздывал или не приходил вовсе, ему объявлялись поражение в правах и всеобщее презрение.

Обычно дрались до первой крови, соблюдая незыблемое правило чести: лежачего не бьют. После драки, размазывая по лицу кровь и выплёвывая зубы, братались, зла друг на друга не держали, не как в нынешнее время, когда само слово «честь» вызывает ироническую усмешку.

Я не то чтобы так уж лез в драку, но доставалось и мне.

Редко кто миновал эти богатырские, не всегда весёлые и безобидные забавы. Бои происходили на глазах заядлых болельщиков, которые ставили свои сбережения и скудные заначки то на одного, то на другого бойца. Но ставки были беспроигрышные: весь сбор относили в местную чайную на сигареты или на бутылку дешёвого портвейна. Тогда времена были попроще.

Из-за девочек старались устраивать дуэли с выдумкой. Болельщики не приглашались – только секунданты. Всё происходило по-взаправдашнему: лихая пощёчина, презрительный плевок под ноги – остальное было делом секундантов. Секунданты выбирали особый способ удовлетворения чести. Кулачные бои отвергались сразу за грубость решения проблемы. Не «джельгельменское» это дело – кулаками махать! Самый распространённый способ удовлетворения был таков: кто лезвием бритвы запросто вырежет на запястье первую букву имени любимой девочки, тот и будет победителем. Если тот и другой смогли вырезать первую букву, вырезалась вторая, и так далее до самого конца. Но такое происходило редко. Мало кому удавалось вырезать даже половину буквы.

Этот способ враз отрезвлял соперников, и они оставались при своих интересах, но были и такие, которые, закусив губу, полосовали себе кожу во имя одной девочки – Ларисы Заборовской.

Лариса была дочкой самого большого начальника нашего района, присланного сюда для укрепления бондарских партийных кадров, которые ничего не смыслили в сельском хозяйстве, кроме как писать грамотные отчёты о борьбе за урожай.

Новую девочку посадили со мной за одну парту в 6 «А» классе.

– Мальчик, у тебя есть ножик? Мне карандаш заточить...

Я выворачиваю карманы, выкладываю все свои мальчишеские амулеты и обереги, раскладываю свой заветный перочинный ножик с несколькими острыми, как жало, лезвиями, открываю одно и с готовностью подаю ей.

Нож в её руках совсем не подчиняется ей, лезвие скользит по карандашу, осыпая стружки на парту, грифельный стержень крошится, пачкая её розовые, как лепестки волшебного цветка, пальчики.

Я бережно беру из её рук ножик, беру карандаш – раз-два, и карандаш в моих руках уже заострён, как летящая стрела Амура.

Я в то время увлекался мифами Древней Греции.

– Вот! – сказал я, и неизъяснимый ток прошёл от её руки прямо через моё сердце.

В то время только-только входила в моду педагогическая мысль, что половая нивелировка поднимет успеваемость и благотворно скажется на общей дисциплине.

Сказалось ли это как-нибудь положительно, не знаю, но в нашей школе хулиган так и оставался хулиганом, а двоечник – двоечником, только при-

бавилось заботы классному руководителю за девичью безопасность от такой близости.

Как бы там ни было, но мне бешено завидовали, что усложнило мою мальчишескую жизнь до предела. Я чаще, чем когда-либо, стал приходить домой с расквашенным носом или фингалом под глазом.

В Заборовскую были влюблены все мальчики нашего класса, и борьба за её внимание велась нешуточная. Уйти от её чар было выше моих сил.

Лариса была так не похожа на остальных моих одноклассниц; она и смеялась-то не так громко и заразительно, как те, и одевалась-то совсем не по-нашему, а по-городскому. Беленький кружевной воротничок на коричневом форменном платье, нежная белая кожа её по-женски мягких рук, быстрые ножки на громких каблучках сводили с ума даже безнадёжного балбеса.

Поговаривали, что она еврейка, а её родители сбежали в Советский Союз из оккупированной Польши, где их неминуемо ожидало бы уничтожение в печах Освенцима.

Вот этот непривычный для нашего села её выговор на очень правильном русском языке, её чистенькая, аккуратная одежда, её особенная причёска и лёгкий румянец разом выбили из меня всю мальчишечью дурь.

Я произносил её имя как священное заклинание. Ложился спать с надеждой снова увидеть её, тайно вдыхать запах её волос, нежный аромат неведомых мне трав и благовоний.

Что может быть чище и светлее первой любви подростка, ещё не юноши, но уже и не мальчика? Ты каждый миг живёшь в таком озарении всех своих чувств, словно весь мир принадлежит только тебе одному и тебе одному светит солнце в небесной глубине.

Боже, как я её любил! Одного нечаянного прикосновения её руки хватало, чтобы тебя окатывала высокая удушливая волна неизъяснимого чувства такой нежности, что в счастливом упоении заходило сердце, хотелось кричать от счастья во весь свой неустоявшийся, ломкий голос. Но ты скрываешь это, ты отыскиваешь уединённый угол и стораешь там, растравляя в одиночестве все свои немислимые ожидания.

4

Всё было так, и неизвестно, как бы сложилась моя дальнейшая жизнь, если бы не ещё один человек, чьи чувства были тоже задеты её присутствием в нашем классе.

Звали его Скворец. Вообще-то он был Колькой, но фамилия его была Скворцов, поэтому мы его называли Скворец.. да, Скворец.

Он действительно был похож на скворца. Смуглый, с жёсткой смоляной причёской, лежащей крылом на его высоко поднятой голове с заострённым худым носом, он напоминал взлохмаченную весеннюю птицу, готовую вот-вот запеть.

Маленький «осколок войны», сирота, он жил у сердобольной, приютившей его двоюродной тётки, которая числилась в нашей церкви регентом, и Николай иногда тоже пел с ней в церковном хоре, на что наши учителя смотрели сквозь пальцы. Сами пострадавшие за войну, они знали успокаивающую силу молитвы и церковного хорового пения.

Коля был застенчив, держался всегда один. Друзей у него не было, и я с ним не дружил тоже, хотя и никогда не дрался.

Мы дрались все со всеми, а он оставался в стороне.

От нас его отделял страшный, неизлечимый недуг – эпилепсия. Случались с ним припадки не очень часто. Я только один раз видел ужаснувшую меня картину, когда Коля во дворе школы бился в конвульсиях, выпачкав свой аккуратный костюмчик мягкой, перемолотой сотнями ног пылью.

Директор школы под страхом исключения строго предупредил нас, чтобы мы об этом случае никогда Коле Скворцову не напоминали.

«Несчастный подранок войны», – сказал директор, вытерев культипой ладонью лоб.

Война везде успела наследить.

Коля Скворцов был эпилептик, но это ему вовсе не мешало бегать по балкам на решётчатом остова нашей растащенной на кирпичи фабрики. Высокие литые колонны соединялись между собой от второго до пятого этажа чугунными на болтовых соединениях балками, по которым, вальяжно переступая, бродили только вороны да голуби.

У Коли Скворцова была одна страсть, которая нас удивляла и страшила: он совсем не боялся высоты и свободно бегал по узким балкам на самой верхотуре. Может, он подсознательно хотел самоутвердиться или просто показать нам свою немыслимую смелость?

Я страшно боялся высоты, от одного вида Колиных проделок у меня кружилась голова и сосало под ложечкой.

Для меня целой проблемой было вернуть лампочку. В раннем детстве я видел, как с телеграфного столба, сбитый ударом молнии, упал и разбился насмерть наш сосед, работник районной связи.

Может, поэтому во мне и жил страх высоты.

Однажды на перемене Коля Скворцов робким прикосновением ладони изобразил на моём лице пощёчину. Вначале я даже и не понял, что это, пока мой закадычный дружок Витька Клок не заплясал возле меня, требуя удовлетворения.

Витя Клоков был из балбесов балбес. Безотцовщина, двоечник. Курить начал с семи лет, а материться ещё раньше.

– Ой, ты смотри, Скворец тоже в орлы хочет! – удивлённо закричал он, требуя от меня немедленного удовлетворения.

– На что драться будем? – спокойно спросил я у Коли Скворца.

– Пойдём в сторону, договоримся.

Я знал, что Коля потаённо посматривает на Заборовскую и всегда был с ней услужлив, но меня это до нынешнего дня не трогало: мало ли кому нравится моя девочка? Меня так и распирало от гордости и бахвальства, хотя я сам никогда не смел даже подержать её за руку. Для меня это было недостижимой вершиной, о которой я только мечтал.

– Давай руку резать! – сказал я. – На все буквы «Лариса».

– Нет, – сказал Коля, – «буков» много...

– Э, зассал, зассал! – припрыгивая от нетерпения, непристойно жестикнул Витя Клок, набившийся ко мне в секунданты.

У Коли Скворцова нашёлся свой секундант – староста класса Альберт Кудрявцев, Алик, как мы его звали. Алик был любимцем всех наших учителей, круглый отличник, ему пророчили большое будущее.

Из всей школы один Алик знал о моей фобии – боязни высоты.

Как-то надо было снять воздушный шарик, запутавшийся в ветвях дерева во дворе школы. Первого сентября был праздник, и яркий голубой шар выскользнул из рук маленькой первоклашки, которая от этого горько заплакалась.

Я в первом порыве бросился к дереву, подпрыгнув, ухватился за ветку, но залезть на дерево не смог, хотя за малышку было очень обидно.

– Ну, лезь, чего ты? – кричал мне Алик. – Боишься, что ли?

– Ага! – почему-то сознался я.

Алик подпрыгнул, ухватился за ветку, по-обезьяньи раскачался, зацепился ногой за другую ветку – и вот он уже на самой высоте, где весело под ветром трепыхался этот злосчастный шар, сделавший меня перед лицом Алика трусом.

– Кто пройдёт по балке на самом верху до опорной колонны, того и будет Заборовская! – твёрдо заявил Алик. – Может, откажешься, а? – ехидно спросил он меня и громко рассмеялся.

Отказаться я не смог бы, если даже и захотел. Так вот запросто отдать Заборовскую было выше моих сил. Пусть упаду, пусть разобьюсь! Пусть! Пусть! Но Лариса никогда не узнает о моей трусости! Пусть...

– Ну как? Разбивать руки или нет? – тормошил меня Витя Клок.

– Разбивай! – хрипло выдохнул я и протянул ладонь Коле Скворцову. – Давай, Скворец! Спорим!

Алик с Витей разбили наши руки, и мы пошли к фабрике. Её остов, её скелет мрачно чернел на фоне вечернего неба. Красный, огромный шар солнца злоеще высвечивал всю пустоту пространства, заключённого в квадратные переплёты чугунных балок и колонн. В петровские времена прокатных станов не было, и большинство опорных конструкций были литые и держались на чёрных больших, как грибные шляпки, заклёпках. Само время оставилось в их резких и грубых очертаниях.

Ничего более страшного, чем эти мёртвые переплёты, я не знал. Но что делать? Позор ещё страшнее, страшнее самой смерти.

И я пошёл на этот спор, заранее прощаясь с жизнью. Я твёрдо знал, что мне никогда не осилить эту пустоту, эти полсотни шагов по узкой, в ширину ладони балке на высоте двадцати метров.

«Пусть я разобьюсь всмятку, в лепёшку, но не уроню своей чести перед Аликом, Колей Скворцовым, которого я теперь зауважал из-за его потаённого чувства к Ларисе Заборовской, перед Витей Клоковым, перед своим б «А» классом. Пусть!»

Я шёл обречённый, но не сдавшийся. Жаль только, мать будет плакать. А отец – ничего! Утрётся рукавом и скажет: «Пропал сукин сын не за понюх табаку!»

Но что ни думай, а ничего не придумаешь. Вот они, чёрные чугунные перекладки в огненном зареве закатного солнца. Свершилось! Витя Клок, поплевав, на счастье, в свою ладонь, пожал мою руку:

– Покажи Скворцу, как орлы летают!

Ничего себе, успокоил! У меня так горько сжалось сердце, что я непроизвольно застонал.

– Ты что? – участливо спросил Витя Клок.

Я зажал ладонью щеку:

– Ззуб...

– На, покури! – Витя Клок протянул мне замусоленный чинарик. – Мой отец всегда зубы махоркой лечит.

Я глубоко затынулся и бросил чинарик под ноги:

– Всё! Полезли!

Впереди всех взбирался по маршевой лестнице Коля Скворцов.

– Я первый! – сказал он и почти бегом ступень за ступенью отмахивал пролёты.

Что решил, то решил!

За ним полез я, избегая смотреть себе под ноги и всячески бодрясь перед непоправимым. Всё! Мы на высоте!

Алик с моим другом остались где-то там, внизу, куда я избегал смотреть.

Коля уже шагнул на балку. Я вспомнил, что говорил нам учитель физкультуры Пётр Сафронович: «Если идёшь по перекладине, нельзя смотреть под ноги, надо, чтобы взгляд ложился в длину на расстояние высоты твоего роста, тогда сохраняется устойчивость тела».

Собрав остатки своего мужества в кулак, я, раскинув руки, ступил на балку и сделал шаг. Ничего, только между ног подло защекотало и ужаслось в маленький комочек. Впереди покачивалась спина моего соперника в ярком оранжевом сиянии вечернего солнца.

Вдруг Коля передёрнул плечами, как в ознобе, вскинул в страшном изломе руки и исчез с моего пути.

Ещё не понимая, что случилось, я очутился возле спасительной колонны.

– Скворец полетел! – глупо гыкнул Витя Клок и тут же осёкся.

Я, обняв колонну, мгновенно соскользнул по ней на землю и подбежал к раскинутому на щебне моему сопернику. Его тело с поджатыми коленями лежало так неудобно, что я попытался повернуть Колю на спину, ребята, подбежав, помогли мне.

Коля прерывисто и как-то страшно дёргался, широко открыв рот, который был набит вишнёвым вареньем с косточками.

Хоронили Колю всей школой. Белый мраморный его лоб мне долго представлялся, когда я мельком смотрел на чёрный каркас нашей старинной фабрики.

На другой день после похорон я, пряча взгляд, сел за свою парту. Резкая пощёчина заставила меня выскочить из-за парты. Заборовская, зло взглянув на меня, молча собрала учебники и ушла на пустующее место Коли Скворцова.

До самого окончания школы она со мной не обмолвилась ни одним словом и всячески старалась меня избегать. После выпускного вечера я её больше не видел.

А каркас из чугунных столбов и балок вскоре порезали электротокком на металлолом.

Я готовился поступать в институт, оценки позволяли мне надеяться на вольную студенческую жизнь, если бы не только что вышедший на экран фильм «Высота».

Эта талантливая картина о рабочем классе снова разбудила во мне память о том далёком случае. Забросив учебники, я уехал в Тамбов, где, к неудовольствию родителей, поступил учеником монтажника в трест «Химпромстрой». И всегда, когда мне приходилось работать на высоте, передо мной в сиянии закатного солнца стояла маленькая фигурка Коли Скворцова.

Такая вот се ля ви..

**Борис
ОРЛОВ**

ЛЮБЛЮ ИЗ ПРОШЛОГО МОТИВЫ...

Листопадом дома замело,
Закатилось за рощу светило.
Выпал снег – стало ночью светло,
А растаял – и тьма возвратилась.

День за ночью спешит след во след,
Утепляя в деревне оконца.
Первый снег – замороженный свет
И луны, и осеннего солнца.

Полудрёма – и спишь, и не спишь! –
И нисходит прозренья к поэтам.
Я люблю эту звонкую тишь
На границе меж тьмою и светом.

Печь протопишь – и кончится день,
И в золу превратит дров охапку.
И наденет луну набекрень
Клён, как лисью потёртую шапку.

Разукрасит морозец стекло.
И телёнок уснёт на соломе.
Печь протопишь – и станет тепло
И в душе, и в бревенчатом доме.

-
- Борис Александрович Орлов родился в 1955 году в деревне Живетьево Брейтовского района Ярославской области. Окончил Ленинградское высшее военно-морское училище им. Ф.Э. Дзержинского, Литературный институт им. М. Горького. Служил на Северном флоте на атомной подводной лодке; был начальником отдела Центрального военно-морского музея; с 1993 года – главный редактор «Морской газеты»; капитан 1-го ранга. Публикуется с 1972 года. Является автором 12 книг стихов. Секретарь Союза писателей России, член правления Санкт-Петербургской организации СПР; член Санкт-Петербургского союза журналистов, действительный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат литературных премий им. К. Симонова, им. В. Пиккуля и «Золотой кортик».

Люблю из прошлого мотивы.
Груб на словах. Душою нежен.
И волны Финского залива,
И волны трав на побережье...

Приятны белые барашки
У берегов, что дифирамбы.
Фонарь, как мина на растяжке,
Взорвёт своим сияньем дамбу.

А я не жду ни с неба манны,
Ни мимолётную удачу.
И впереди Кронштадт туманом
Ещё почти не обозначен.

Спят облака, трава, листва и крыши.
Уснул на дачах поздний скрип дверей.
Такая тишина, что даже слышно,
Как падают пушинки с тополей.

В цветочном сне сады беззвучно дышат.
Всё замерло под сумрачной луной.
Такая тишина, что даже слышно
Мне ангелов, покоящих надо мной.

Я живу, а душа нараспашку –
И в неё прилетел соловей.
Говорят, что родился в рубашке,
И она стала кожей моей.

Отцвели васильки и ромашки,
А ветра заблудились в бору.
Говорят, я родился в рубашке
И в рубашке, наверно, умру.

Старый сквер и дождлив, и жёлт.
Нет влюблённых, грустит скамья.
То ли я мимо лета прошёл,
То ли лето – мимо меня.

И строить храм, и птиц кормить,
И жить, людей любя.
Россию надо отмолить
И отмолить себя!

Иеромонаху Александру (Фауту)

Куда ни глянь – назад, вперёд –
Везде чужие рати.
Ильёю Муромцем встаёт
Отечество с полатай.

Тлетворен иноземный гнёт,
Чернеют пепелища.
Но встал народ, и меч куёт,
И щит надёжный ищет.

Стоит Отечество. Заря
Над церковью пунцова.
В ней вижу лик богатыря
С картины Васнецова.

Огромная луна, проникшая извне.
Седые копны крон
И в никуда дорожка.
Мне снился сон во сне,
А в нём ещё был сон.
Мне снился сон во сне
Слоистый, как матрёшка.

Я в нескольких мирах
Одновременно жил.
Я спал и шёл,
Забыв о воздухе и пище.
Но лишь в одном из них
Мог превратиться в прах.
И лишь в одном из них
Мог обрести жилище.

Мне приоткрыл слегка Творец
Святой Покров,
В сознании моём
Раздвинул знаний стены.
Во снах я побывал
Во множестве миров
И ощутил душой
Бессмертие Вселенной.

**Владимир
Мялин**

МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ

МОНОЛОГИ

Поэма

1

Я помню: мальчиком, гравюру взяв
У Гирландайо – Мартина Голландца,
Неделю я копировал с неё.
Там бесы, взяв увесистые палки,
Антония святого искушали
Ударами. На шумный рыбный рынок
Ходил я каждый день тогда, дивился
Зубастым рыбам; красным плавникам,
Раздутым жабрам и глазам навывкат.
Учитель мой пытливости моей
Слегка завидовал, а было мне лет десять.
Тогда намного больше, чем теперь,
Я знал, искусство сердцем понимая.
Прилежен не был я в ученье, всё
Бродил по улицам предместий флорентийских;
Там – Арно, лиловая в закате,
На зеркале удерживала лодки;
Там – Понте Веккьо с арками, там – церкви
Небесный шарик, башенка, там вилла
Средь гор, заросших кедрами и плющем,
С вкраплениями синей жакаранды.

Однажды утром мой дружок Граначчи
Привёл меня в сады Сан-Марко, там
Античные фигуры расставляли
Рабочие. Какой восторг тогда
Я испытал, бессмертные творенья

-
- Владимир Евгеньевич Мялин родился в 1961 году в Москве. Публиковался в журналах «Московский Парнас», «Арион», «Волга–XXI век», «Волга», «Интерпоэзия», «День и ночь», «Эмигрантская лира», «Бег», «Русский писатель», «Европейская словесность», в антологиях современной русской поэзии «Созвучье слов живых» и др. Автор книг стихотворений «Из ближнего рая», «Вином и хлебом». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Воочию увидев в первый раз!
Античность светлая мне мрачно улыбнулась,
Заставив взять резец железный в руку
И столбик мрамора поставить пред собой:
Задумал я скопировать тогда
Сатира, фавна голову – смеялся
Божок античный, но недоставало
Всей части нижней странному лицу...

Рабочие резец мне одолжили
И дали мрамора кусок приличный,
Такой тяжёлый, что и сдвинуть с места
Не мог я – и в аллее тут же
Работать начал... А дня три спустя
Почувствовал я взгляд. Я обернулся:
На фавна моего смотрел прохожий,
Он улыбнулся и сказал: «Все зубы
Ты сохранил сатиру-старикю,
Но в этом возрасте у фавнов нет зубов».

Как хорошо теперь я это знаю!..

С тех пор я жил у герцога. Дворец
Стал домом мне, король мне стал отец,
Флоренцией прекрасной – мастерская.

2

Любезный Медичи! В былые времена
Не так всё было: медленнее реки
Текли, по их отлогим берегам
Росли леса, холмы скрывали виллу.
Увеселений шум и ток вина
Не заглушал божественного слова,
Рассудка не мутил напиток светлый
Искусств – а тёк себе легко по жилам,
И в сердце радость, юный блеск в глаза
Он доставлял, повсюду проникая.

А что теперь? – Разлит. А ты – в гробнице
При Сан-Лоренцо, рядом с Джулиано.
Уже старик я, а совсем недавно –
Как будто день прошёл или неделя –
Был принят я тобой, одет, накормлен.
Ты подарил мне плащ тогда лиловый,
Его повсюду я возил с собой,
И, надевая или так любуясь,
Я вспоминал закатные часы
И Арно фиолетовые воды..
Когда в изгнанье в зеркало каналов
Венеции гляделся я, когда

В Болонье я исстукивал фигуры
 Для усыпальницы – передо мной текла
 Река моя, придерживая лодки...

И, как монах перебирает чётки,
 Перебирали звон колокола.

3

Недолго воздухом чужбины
 Дышать в те дни мне довелось.
 И во Флоренцию с повинной
 Мне возвращаться не пришлось.

Какая власть потушит пламя
 В груди? Какие времена
 Затопчут душу сапогами? –
 Лишь кисть художнику нужна.

Нужны ваятелю до смерти
 Резец и мрамора кусок,
 Чтоб из зернистой этой тверди
 Он душу высвободить мог.

И, результатом не доволен,
 Кошель положит он тугой
 Себе в карман. И снова болен,
 И снова бредит он Пьетой. <...>

4

Шесть лет мне минуло, когда ушла
 В мир лучший мать моя. Её почти не помню.
 Черты её мне видятся размыты,
 Но ярки, словно день, как будто мрамор
 В каменоломнях солнечной Каррары.
 И, дело странное: когда Пьету свою
 Выстукивал я – образ материнский,
 Её лицо в сознание проступало.
 Так проступает грунт сквозь краски слой
 Или рельефы тел сквозь твёрдый камень.
 Потом меня корили, что юна
 Мадонна, а Христос в своих годах.
 Но разве мыслей чистота и святость
 Не дарят краски свежие чертам,
 А телу – гибкость, грацию, упругость?
 Не придают движениям неспешность
 И плавность даже в скорби материнской
 Немыслимой?.. Иисус же испытал
 Все горести и страхи человека,
 И только грех, навязчивый и тёмный,

Ему неведом был – и годы
Его коснулись, как и всё земное
Небес касается... Мне кажется теперь,
Что все мои мадонны материнский
Имеют облик. Старое чудит
Порою сердце, ум как брага бродит.
То лаврами себя вознаградит,
То юный пыл в тех давних днях находит.

5

Отец мой бил меня за то, что я
Учиться не любил, забросил
Граматику и начал рисовать.
Я помню, разминал я глину,
Играл резцом каменотёса – мужа
Кормилицы моей. В их светлом доме
Провёл я детство раннее – и прежде,
Чем перьями писать, резцом
Я камень научился резать.
А камень был везде – куда ни глянь:
Жена каменотёса, дочь
Каменотёса же, – я с молоком
Кормилицы впитал любовь
И нежность к ремеслу каменотёсов.

А твёрдость камня учит нас терпенью,
Даёт возможность много передумать,
Переосмыслить, перевоплотить
В своём сознании, пока слои
Сбиваешь с мрамора. Свободней
Себя ты чувствуешь, на досках стоя,
Как бы паря над пропастью без крыльев –
Одним воображеньем... Но во всём
Художник должен быть монументален –
И в радостях летучих, и в скорбях.
И если образ вздумает он древний
Извлечь из тьмы твердеющей времён,
То пусть в уме не сразу, постепенно
Рождается и возрастает он.
От тесноты сознанием отсекаем,
На Божий свет являясь по частям,
Он наконец предстанет, узнаваем,
Как старьёй друг приветливым очам.

6

Спи спокойно, Донателло:
Мрамор брошенный не пуст.
Слышны звуки то и дело
Из его сомкнутых уст.

Спит Давид в громадном склепе,
Не истукан и незрим,
Как зерно живое в хлебе,
Мёртвым скульптором храним.

Но живой живому нужен.
Молоток берёт, резец
Новый скульптор – и разбужен
Бранный отрок наконец.

За плечом праща из кожи;
Перед боем мой Давид
Напряжённо-тих, похоже,
Хоть и буря в нём кипит.

Будет худо великану,
И молва из рода в род...
Может быть, и я восстану –
Скульптор Бог меня спасёт.

7

Я во Флоренцию вернулся из Болоньи.
В то время власть была в руках монаха,
Будь то часовня или монастырь –
Везде он обличал и бичевал,
Покуда сам, как лёгкий прах, не взвился
К лазурным флорентийским небесам.
А до того туда летели книги,
Картины мастеров непревзойдённых,
Мандолы, флейты, редкие вещицы.
И с ними знатных горожан досуг
Кружился пеплом, устилая Пьяцца.

Не знаю я, что лучше: зло ли,
Которое приносит облегченье?
Добро ли, за которым по пятам
Ступает дьявол? Сколько лет прошло,
А всё я вижу бледное лицо
Монаха у столба. И пламя
Крадётся, льнёт к полам – и отступает
На миг. И страшный крик. И ужас
Оцепененья... Бедный Джироламо!

8

Вчера хвалил Челлини мой картон
Давнишний, с битвой славной при Кашине.
Что ж, им доволен был я – жалко мне,
Что он исчез. Солдаты в жаркий день
Купались в водах Арно. Вдруг:

«К оружию!» – раздался крик, кричал
Один из флорентийских генералов,
Заметив неприятеля. Тогда
Испуг купающихся мирно охватил,
Солдаты востепенулись; брызги
Летели в стороны, друг друга на ходу
Толкали воины, к одежде устремившись.
Ещё бы миг – и бранная отвага
Заставила б их лица просветлеть.
Но миг сей не настал ещё: мы видим
Поспешность – не стремительность фигур.

Нередко в мастерской, врасплох захвачен
Желанием схватить резец скорей
Или перо, бываю озадачен
Или напуган битвою моею –
С самим собой. Бегу, одежды целы
На берегу, на голове смешон
Венок от солнца; и нагое тело
Как бы во сне. И враг – со всех сторон.

9

Просил Асканио купить свечей –
Работать по ночам такая мука!
И жарко от свечи, и по лицу
Стекает пот; и не идёт работа...
Удушлив день, удушлив так же вечер;
Слабеет солнце, за холмы заходит.
Река, как пар, и лодки, словно тени,
Недвижны. Вдруг повеет ветерок –
Всё востепенётся вмиг – и снова тихо.
И ночь близка. Вот выглянули звёзды,
Блестя, как дёсны без зубов, – и мимо
Проходит Старость со свечой в руке,
Как финик, сморщенной. Проходят
Торговки ранние. Скрипит телега,
Везёт товар на рыбный рынок – души
Умерших. Та хватает воздух ртом,
Та бьёт хвостом; вон та топорщит жабры;
Надутый шар краснеет плавниками
И глазки пялит на меня из груди
Стеклянных рыб... Подобны слизи
Под утро сны... Сверкают их чешуйки –
Вот весь улов, вот дней моих итог...

10

Однажды высмеял я своего
Учителя: он краски клал прилежно
На полотно – так густо, как маляр,
Малюющий направо и налево.

Стучал как дятел. Я ему сказал,
Что от него мои завяли уши.
Он размахнулся и сломал мне нос
Ударом кулака; сухим печеньем
Мой хрустнул хрящ – и с этих самых пор
Мне говорят, что стало напряжённой
Моё лицо – и более рельефно,
Как камень от работы долота.
Спасибо, мой дружок! Твоя забота
Имеет нрав кулачного бойца.
Ты удружил мне, Пьетро Торридждано!
Мой нос усёк не хуже ты Творца:
Нет совершенства там, где нет изъяна.

11

На камни море выбросило ската.
Идёт волна в снегу прибрежных пен.
Суставы ломит – поздняя расплата
За красок яд, за сырость папских стен.

Как скорбный скат, в песке полузарытый,
Один лежу, не глядя в небеса,
И вижу мрамор мощного Давида,
И слышу птиц опасных голоса.

В какой простор зовут меня сирены?
Не я ль к кресту, как к мачте, пригвождён?
Удар резца, ещё удар – и пены
Всё унесут в морскую даль времён.

12

Бывают дни уныния, тяжёл
День душный, не идёт работа.
Пустынно в доме – ни детей, ни друга.
Пустынно в мастерской; повсюду
Сметённый мусор, мраморная пыль
На всём; в углу, как из скалы, фигура
Из мрамора печально выступает...
Всё падает из рук; ничто
Не радует, ничто не удивляет...
Но вот – кольнуло, лёгкий холодок
Бежит по позвоночнику... Знакомо
Мне это чувство – словно всё в тебе
Преобразилось, ожило, застыло.
Рельефы мира и его черты,
Высоты, пропасти, движенье крови
По венам, мысли светлые его
И думы мрачные – всё, всё тебе подвластно.
Бери резец и лишнее сбивай...

А сам ты далеко, как та планета –
То с Данте в лодке среди скал, то с Тассо,
То с Фидием... То с герцогом живым...
Вот он придёт – и, улыбнувшись, скажет:
«Опять ты зубы фавну сохранил?»

**Вера
ГРИБНИКОВА**

ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ

МАСТЕРИЦА

Переделала дела,
протянула нить в иголку,
плавно песню повела,
не привыкла втихомолку.

Грёзой высветлило взор,
ожил иголка в пальцах,
и мелодии узор
продолжается на пьальцах.

Завиточек, лепесток...
Под руками чаровницы
полотняный лоскуток
скоро в чудо превратится.

-
- Вера Петровна Грибникова родилась в 1959 году в посёлке Селижарово Тверской области. Окончила техническое радиоучилище в Торжке и Ржевский совхоз-техникум. Одиннадцать лет (1995–2006 гг.) руководила творческим клубом «Роса» при библиотеке имени Герцена в Твери. В 2000-м была принята в Союз писателей России. Три года была секретарём Тверской областной писательской организации. Автор поэтических сборников «Роса», «Соло», «Зимородок» и книги прозы для детей «Мишутка». Публиковалась в различных альманахах и журналах России, в русскоязычном журнале Канады «Новый свет» (Торонто), сетевом издании «Наша улица» (Москва). Является членом редколлегии Красноярского альманаха «Новый Енисейский Литератор». Неоднократно побеждала в различных литературных конкурсах, таких, как «Золотое перо», «Посадская Лири» и др. Ныне возглавляет литературное объединение «Ковчег» при библиотеке имени Спиридона Дрожжина. Живёт в Твери.

Славя женскую судьбу,
гладью радужного шёлка
на холсте творит волшбу
песня, вдетая в иголку.

ХРОМОЙ ПЕТУХ

Городом захваченная в плен,
По тебе, село моё, тоскую.
Убежать бы от угрюмых стен
В нашу избу, светлую, родную.

В домоткано-кружевной уют,
С тёплой печкой, с духом каравая.
Там проворно ходики снуют,
На секунды вечность разбивая,

И сверчок выводит свой мотив,
Прозорливый кот гостей пророчит.
Всех своих соперников затмив,
Зорьке льстит хромой горластый кочет.

Ох, как я серчала на него!
«Колченогим лихом» обзывала.
А теперь желаннее всего,
Чтобы голосил он, как бывало.

Пусть бы сны дробил, мешая спать,
Всё смелей и громче раз от раза.
Но отсюда мне не убежать –
Стража неприступна и стоглаза.

Уж который год в полночной мгле
Плачет память светлыми стихами
Оттого, что продан дом в селе
И петух тот съеден с потрохами.

С запоздалой нежностью в груди
Всё шепчу я крикуну хромому:
«Ну, хотя бы в этот сон приди,
Прокричи мне весточку из дому!»

В ГЛУБИНКЕ

Старикам российским, с болью сердечной...

– Анюта, здравствуй! Вздумала прилечь
Иль не вставала? Донимают боли?
Дровишек я принёс. Протопим печь.
Поведаю, что деется на воле:

Коварно припасённые тузы
Истратила зима, и слава Богу.
Дожили до берёзовой слезы.
Теперь, авось, воспрянем понемногу.

Пошлёт весна спасателей отряд:
Крапиву, сныть, порадует хвощами.
И твой огромный терем, в аккурат,
Ты слышишь, Анна, весь пропахнет щами.
Прогонишь ты хворобу за порог,
Умоешься росой в поле чистом...
Позиции сдавать не вышел срок.
С болезнью, Аня, надо как с фашистом.

Я ж говорил: «Ко мне переходи».
В скворечнике моём куда теплее.
Степан бы нас не осудил, поди.
Там не ревнуют, Аня, *там* – жалеют...
Пей сок-то, пей! К берёзкам на поклон
Я снова прогуляюсь на опушку.
Не скоро доберётся почтальон
В заброшенную нашу деревушку:
Лошадушек в колхозе извели.
И дышит сам колхоз давно на ладан.
Да что нам эти горькие рубли?
Ни магазина, ни аптеки рядом.

Одна отрада – лужи у ворот.
Теперь, подобно птичьей веренице,
Знакомый дачно-кочевой народ
Потянется к оттаявшей земле.
Воспрянет вновь деревня на сезон,
Возрадуется слышимо и зримо.
И ты крепись, Анюта, не резон
Сдаваться, пережив такую зиму.
Не бормочи, что подошла пора,
Ишь, в одиночку собралась куда-то!
Ты – боевая наша медсестра,
И ты не смей, не смей бросать солдата!

Я дружбу фронтовую не забыл.
Она не тонет, Ань, и не сгорает.
Лишь кажется, что здесь глубокий тыл.
Не-э-т, до сих пор мы на переднем крае.
...Покуда над округой тишина.
Лишь ручейков да пташек волхованье.
И длится трижды клятая война.
Для нас двоих. Война – за выживание.

ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ

Кланяюсь тебе, селенье Пено,
Ты запало в душу неспроста.
Вечер пахнет свежестью и сеном,
А река по-девичьи чиста.

Волженька, любимица Валдая,
Колыбель твоя невдалеке,
За порог родимый выбегая,
Исчезаешь в местном озерке.

Будто заключил тебя в объятья
Расторопный здешний женишок.
Вырвалась! Нырнула под мосток,
Оправляя голубое платье,

И заторопилась по равнине,
Весела, беспечна и нежна...
Будешь ты Великою Княгиней,
Юная Валдайская княжна.

Ох, и далека твоя дорога,
И терниста, что ни говори.
В добрый путь, девчонка-недотрога,
Мы ещё увидимся в Твери.

Ну а здесь – петух крылами машет,
Старый дом, духмяный сеновал.
Не реки исток, а жизни нашей.
Кланяюсь началу всех начал.

**Василий
ДОМРАЧЕВ**

ОДНОЗЕМЛЯНЕ

БАЗА ОТДЫХА «ЗЕЛЁНЫЙ БОР»

Смешанный лес у реки
воздухом с Волги продут.
Там липа, берёза и дуб
расталкивают сосняки.

«Что же я – хуже рыжей?» –
и липа вслед за сосной
где-то под синей крышей
едва шевелит листвою.

В подлеске звенит орешник,
вороньего глаза тьма.
В дуплах лесных проплешин,
как совы, сидят дома.

В них утром свежо, пожалуй,
и сумрачно среди дня.
А пляж, что сродни пожару,
огнём обдаёт меня.

Отмель зелёная в брызгах
от бронзовых твоих ног.
Выйдешь и бросишь: «Брысь-ка!
Хватит давить песок».

Встаю и с разбега – в воду!
И в затяжном нырке
мелькнёт вдруг: «Кому в угоду
в душном я жил мирке?»

-
- Василий Иванович Домрачев родился в 1948 году в деревне Русская Гарь Марийской АССР, окончил в 1972 году физический факультет Казанского государственного университета им. Ульянова-Ленина. Работал в Казанском научно-исследовательском институте радиоэлектроники, пройдя путь от лаборанта до ведущего инженера-конструктора. Печатался в журналах «Юность» и «Идель». Автор книг стихов «Зелёные реки», «Любовь-и-правда» и «Щедрое лето». Живёт в Казани.

Что за лепота – качаться на волжской ручной волне!
Её теплота калеку устраивает вполне.

Лечусь от болезней суши, её суеты сует,
лечу в озарённость неба, откуда и мне был свет.

Тону в синеве надежды, печаль разбивая об
тонюсенькие желанья на прахе моих хвороб.

Что за лепота – качаться на волжской ручной волне,
Она, как семейный доктор, устраивает вполне!

Глаголы мучительные:
«родиться», «умирать».
Посредине – числительное
тридцать пять.

Посредине – залысины,
и надежды – пустей,
и всё меньше зависимы
от любви и страстей.

Знать, у пижмы и мяты
на исходе пыльца...
Посредине, как вмятина,
погребеньё отца.

Посредине – не первые
и утрата, и боль,
но, как соль, они белые,
так же саднят, как соль.

Посредине – уж многое
нам открылось вдали.
Что там – более горькое –
ещё есть у земли?

Не помню теперь уж, с какою оказией,
но ехал весёлый я в Зеленоград.
Кирилловка, Елино, Чёрные Грязи –
зачем они машут мне из-за оград?

Зачем им бросаться под наши колёса,
молить нас: «Спасите! Уж люди ли вы?..»
С задов наступая, круша и корёжа,
коттеджи теснили их в ямы и рвы.

Разбитые окна, замшелые крыши,
упавший забор и поломанный сад –
кто крики отчаянья эти услышит?
Кто спросит: «Что делать?»
и «Кто виноват?»

ВСТРЕЧА

Сквозила усталость в её словах:
– Так вышло... Простите, что обманула.
Я видел: в потухших её глазах
повесили головы оба мула.

Подумал я: «Как же она несёт
свою неподъёмную гору-ношу?
Печалей её, чёрный ряд забот
хотя бы, – подумалось, – я не умножу».

Сказал я: «Ну что ты, о чём ты тут,
ты лишь перед Богом одним обязана...»
Но сердцем уже я ловил беду,
которая сердцу ещё не названа.

ОДНОЗЕМЛЯНЕ

Названья каждой травинки, дерева
хочу я знать на моей земле.
Влюбился я в токованье тетерева
и в песню жаворонка на заре.
Хочу я утром, шаманя лугом,
цветочку первым названье дать,
чтоб колокольчик весёлым другом
бежал в звоночки названивать.
Ах, если в сердце своё заглянем,
поймём, что мы одной крови все.
Мы, брат, с тобою

одноземляне –
сурепка в поле, щавель в росе.
Разлётся уж на лесной поляне,
обнюхал стёжку пугливый лис.
Мы с вами будем

одновременно –
мы на тропе в один час сошлись.
Ты здесь живёшь – на седом Син-Цзяне,
он там – на Фобосе – далеко.
Мы с вами будем

односолнцане –
любить друг друга нам так легко.

**Алексей
БОРЫЧЕВ**

ПАМЯТЬ О ЛЕТЕ

ИЮНЬ

Полдневный жар с высот небесных
Прольёт торжественный покой
На лес, луга, в ущелий бездны
Господней властною рукой.

И затрепещет в белом платье
Истомы летней мир земной,
Смущённый истовым объятъем
Небес, блестящих белизной...

В лесных канавах забывки
Смеются бледно-голубым
Сияньем, радуясь (как будто)
Забавам солнечным любим.

Семейство прыгающих бликов
Играет в прятки меж ветвей,
И пламя птичьих песен, криков
Всё разгорается сильней...

Церковной тьмой, впитавшей ладан,
Вздыхнул, грустя, еловый лес,
Мечтой и мыслью не разгадан,
Покой до полдня в нём исчез.

Лишь колокольчиковым звоном
Теперь пространство сгущено,
Да кукушиным гулким стоном
Слегка вибрирует оно.

А после полдня снова птицы
Зажгут звучанием простор,
И солнцем сотканые ситцы
Украсят птичьих грёз костёр.

-
- Алексей Леонтьевич Борычев родился в 1973 году в Москве. Автор восьми поэтических книг. Публиковался в журналах «Наш современник», «Юность», «Кольцо А», «Нева», «Нива», «Аврора», «Сура», «Южная звезда», «Аргамак», «Волга–XXI век» и др. Живёт в Москве.

Среди ветвей узором кружев
Переплетения лучей,
Законы оптики нарушив
Волшбою сойкиных речей.

Часам к семи медвяным паром
Июнь окутает сады
И воздух напоит нектаром
Ирисов, мяты, резеды.

А после влажная прохлада
Цветком тумана расцветёт,
И белой ночи будет рада
Душа, зовущая в полёт...

НЕБЕС ПОТУХАЮЩИЙ ВЗГЛЯД...

Небес потухающий взгляд,
И дни – серебристей и тоньше.
Замедли движение, гонщик
Времён, по планете Земля!..

И в солнечных сонных сетях,
Забыв о грядущем бессилье,
Забился крылами сентябрь,
Но в тучах запутались крылья.

Влажнее, воздушнее высь,
И Север всё ближе и ближе,
Лучистой прохладой вышит,
Как жалостью – грешная мысль.

И пламенем снежных секунд
Охвачена память о лете –
Цветной полинявший лоскут,
Просроченный счастья билетик...

ПЕСНЯ

Лети ко мне в Москву, приветствуя удачу!
Подарками судеб мы все обделены.
Иначе – пустота, томление – иначе.
Лови момент, пока мы оба влюблены.
Я проведу тебя пустынными дворами,
Минув тех, о ком забыл уже давно.
И тихо будет плыть над нашими мирами
Блещающий декабрь, где быть с тобой дано.
По тропам бытия, блуждая терпеливо
Толпою серых дней, мы выйдем на простор,
В котором места нет событиям несчастливым,
В котором ты и я – бездушию укор.

Я знаю: ты поймёшь; я знаю: не осудишь
Желание моё, представшее твоим,
И ты придёшь ко мне, и ты моею будешь,
Неважно, год иль час был отведён двоим.
Я просто прикоснусь прохладой серой улиц
К тебе, к твоей душе, осознавая, что
С тобою вместе мы одной любви коснулись,
Которой заменить не может даже сто!
Ты слышишь? Приезжай. И всё у нас случится,
Всё будет как во снах, но только наяву.
Минуя прошлых дней унылые границы,
Лети ко мне в Москву.
Лети ко мне в Москву...

КИПЯТ КОТЛЫ ИЮЛЬСКИХ ГРОЗ...

Кипят котлы июльских гроз,
Готовя нам с тобою крепкий
Настой настурций, калл и роз.
Трещат берёзовые ветки.

И я стою в грозу у клумб
И жадно пью настой из кубка
Густых небес,
от счастья глуп...

И день – как белая голубка.
И ночь – как чёрное перо
Какой-то неизвестной птицы,
Летающей из иных миров, –
Под ноги нам с тобой ложится.

Кипят котлы июльских гроз,
И закипает всё на свете:
И жизни едкий купорос,
И грог грехов, и страсти ветер...

Я знаю: станет мир иным,
И что блестело – потускнеет.

Рассеется ль мечта как дым?..
Нет! Мы ещё придём за нею.

ЛУЧИ

Лучи, лучи... Их контур зыбкий
Скользит как лезвие ножа
По тьме лесной, чей воздух липкий –
Земли тишайшая душа.

И тьмы горящие порезы
Среди кустов едва видны,
И золотистой кровью леса
Искрятся чаши тишины.

Лучи всё ниже, ниже, ниже.
И потухают небеса,
И на иглу заката нижет
Покой молчащие леса.

Они бездушны до утра, и
Деревья и кусты мертвы.
А ночью fuga заиграет
Надмирной звёздной синевы.

И в зеркалах чужих печалей
Увижу я печаль свою,
А где тревоги днём звучали –
Мне песни ангелы споют.

К утру лучи опять закружат
Искристый танец ножевой
И позовут своих подружек:
Ансамбль теней полуживой.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ВЕСНА

Аквамариновая юность
Туманом пала на глаза...
Не обыграть, не переплюнуть
Судьбу без веры в чудеса.

Замысловатые синкопы
Ещё в душе моей звучат!
Какой закон, какой тут опыт,
Когда весны горит свеча!

Какие выводы... итоги...
Какие мысли о былом,
Когда листовые чертоги
Влекут жар-птицыным крылом!

Когда сиреневою дымкой
Мне улыбаются леса,
И пляшут первые дождинки,
Бушует первая гроза!..

Хотя у зрелости осталось
Ничтожно мало от того,
Что было прежде, эта малость
Дороже прошлого всего!

Сергей
Суцкий

СОЛДАТ

Невысокий, с широкой стриженной головой и плотными плечами, он горбился над анкетой – две страницы, двадцать семь вопросов с подвопросами. В заполненном виде будет вся биография.

Итак, Виктор Ступин. Родился в Петровске. Тридцать два года назад. В семье рабочего. Что там дальше... Школа, ПТУ, армия. Участвовал ли в боевых действиях? Участвовал. Где и когда? Хороший вопрос. Сколько себя помнил. Везде и всегда. Жизнь омывалась войной – всеобъемлющей и непрерывной, менявшей только свои названия и оболочки.

Он помнил, как красной пластмассовой саблей отбивался от трёх соседских крестоносцев, вооружённых мечами из тополиных веток. Мечи со свистом летали над головой, больно били по коленкам, рассекали воздух у самых глаз. Он с трудом успевал отбивать их щитом. Но даже проверенная в сотне боёв крышка от выварки не могла уберечь его тогда от мучительной смерти. Крестоносцы были беспощадны, и он умирал раз за разом. Лишь полчаса спустя из-за гаражей появилась подмога – желанная и, как всегда, запоздалая. Своё он уже получил сполна...

Помнил страшную драку против седьмого «Б», когда, сокрушая всех на пути, вывернул на него школьный Голиаф – второгодник Заруб. Тогда он, маленький, упорный солдат, вынес на ногах два сокрушительных удара, ни один из которых не успел отвести или смягчить. А потом, метнувшись вперёд, уткнув в живот врага разбитое лицо и обхватив его толстый, как дерево, торс, неизвестным самому себе волшебным приёмом опрокинул Заруба на школьный паркет... Он мог многое вспомнить.

«Взрослые» войны? Конечно. Сначала Афганистан. Вот эти три шрама появились у него там в разное время. На третьей его ране война закончилась – СССР из Афганистана ушёл. Но если в мире кончаются войны, то не кончается Война. Он всегда находил себе работу. Только менять её приходилось часто, все места уже и не упомнишь: Абхазия, Приднестровье, Босния...

-
- Сергей Яковлевич Суцкий родился в 1961 году в Ростове-на-Дону. Закончил геолого-географический факультет Ростовского университета в 1983 году. Автор четырёх книг прозы и двенадцати поэтических сборников, изданных в Москве, Ростове, Таганроге. С 1994 года публикуется в художественной периодике: журналы «Знамя», «Арион», «Дети Ра» (Москва), «Ковчег» и «Дон» (Ростов-на-Дону), «Интеллигент» (Санкт-Петербург), «Веси» (Екатеринбург), «45-я параллель» (Ставрополь). Лауреат «Илья-премии» (2003) и премии журнала «Ковчег» (2007). Культуролог и социолог культуры, главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, доктор филологических наук, автор девятнадцати монографий. Член Союза российских писателей с 2000 года. Живёт в Ростове-на-Дону.

А сразу после был контракт с Бобринцевым на участие в Алма-Атинском Международном турнире (март 1993 года). В той войне он был пешкой. Тогда ему заплатили немного (так был составлен договор), но он отслужил своё честно. Все четырнадцать партий-боев, только в двух из которых к концу оставался в живых на ледяном от жёлтого лака и электричества клетчатом ринге.

Двенадцать раз в том турнире он воскресал для нового боя, через страх, боль и саму смерть, настигавшую его в предыдущем поединке. Звёзд не хватало, но был очень надёжной пешкой. Один раз даже спас партию, когда, раненый, продравшись сквозь пешечную цепочку врага, продолжал упорно ползти к той заветной линии, ступив на которую, должен был обернуться ферзём. Чтобы остановить его, соперник тогда отдал фигуру, а спустя десять ходов признал поражение.

Солдат вспомнил хруст своих костей, когда его, словно чугунной плитой, накрыла вражеская ладья. Но он успел оглянуться на развороченное бойней клетчатое поле, как всегда, удивившись тому, что все эти разрушения не видны никому, кроме последних на доске шахматных фигур, замерших вокруг него в полушаге... Через месяц, когда Бобринцев отправлялся на новый турнир в Цюрих, Виктор отказался от продолжения контракта.

– Не люблю умирать так часто... – Он виновато улыбнулся.

И прохладное лицо гроссмейстера, с жёстким седым бобриком над треугольным лбом, выразило ему в ответ своё понимание.

Потом, может, впервые в жизни, он некоторое время не воевал – работал в охране «Мост-банка». Весь рабочий день просиживал в небольшой квадратной комнате на первом этаже центрального офиса, а по вечерам с тремя другими охранниками отвозил на бронированном джипе опрятные денежные мешочки. Надёжно, сытно, спокойно, но скучно. И он ушёл.

Год проработал рейнджером в разных компьютерных играх. Работа несложная: в нужный момент (после удара по клавише «Enter») надо выскочить на мониторе, стреляя холостыми, и, почувствовав электрический щелчок в любой части тела, упасть. Ты убит или ранен. Но платили во всех этих играх мало. И, главное, хотелось настоящей войны.

Здесь и началась Чечня. Декабрь 94-го. В составе Майкопской бригады брал Грозный в новогоднюю ночь. Бригада почти вся погибла, а он уцелел. Затем были Шали, Гудермес и снова Грозный. Два лёгких ранения – запястье и голень. Потом Ведено, три месяца в Аргунском ущелье. И, наконец, ранение в голову под Бамутом – месяц без сознания в армейском госпитале Волгограда. Как он тогда остался жив? Почему окончательно не убило в одной из его бесчисленных войн от крестовых походов, начатых соседним двором, до бессмысленной, беспощадной Чечни?

Наверно, потому, думалось ему, что он был настоящий солдат. На этот счёт у него была своя теория. Дело в том, что у каждого настоящего солдата есть внутренняя точка – телесное средоточие, которое позволяет восстанавливаться после любого, даже смертельного ранения. Первым заметил и отчётливо проговорил это Гомер, описывая судьбу Ахиллеса. (Ступин не читал книг, но всё, что касалось войн и великих воинов, схватывал сразу.) Однако в древности ещё не знали о сути и роли этой жизненной точки. Гомер думал, что она – всего лишь лишённое защитной оболочки место, в которое мог быть смертельно поражён великий греческий воин. На деле Ахиллес был ранен и убит многократно. Но только однажды, когда стрела попала в его жизненное средоточие (у Ахиллеса оно было в пятке), рана оказалась действительно смертельной.

Вопрос: почему же он не защитил своё средоточие надёжным способом? Потому что ни один солдат не знает, где оно находится. Иногда шестым,

дополнительным чувством он может угадать, предощутить это место, но в точности узнает только в миг его поражения – примерно так разлетается бронейное стекло при несильном ударе по точке, в которой сходятся лучи его прочности...

Из госпиталя его выписали в октябре 1996 года. Война в Чечне стала уже историей. Поменяв несколько работ, он в начале 1998-го устроился рейнджером в новую, широко разрекламированную по центральным каналам электронную игру «Универсальный боец Алекс» – 3700 долларов за полный комплект (любимое развлечение всех юных новорусских мажоров). Первое время при продажах игры в России продолжали использовать американских и европейских солдат, но быстро уяснили, что нет смысла расходиться на дорогих легионеров, когда под рукой великое множество своих, столь же умелых, но куда более дешёвых бойцов. Хорошая работа для немолодого уставшего бойца. Шестичасовой рабочий день, два выходных в неделю (плюс один за каждую очередную смерть). Полный соцпакет. По желанию – вся зарплата в валюте...

Виктор сам не знал, почему снова откликнулся на это звонкое имя – Чечня. Хотя что ж не понять – оно как бубен для засидевшегося танцора...

Дата – 18 октября 1999 года. Подпись. Кажется, с бумажками всё – бухгалтерия контракта шла к концу. Неделя – и он займёт своё место...

Эта была разведрота 117-го мотострелкового полка. А полк входил в состав западной группировки, шедшей на Грозный от Ингушетии. Орджоникидзевская и Шаами-Юрт, Ачхой и Урус-Мартан с окрестностями – вот земля, прошедшая перед Виктором с октября по январь. С автоматной трещоткой и отрывистым лаем пушек, со стрекотом вертолётов, матом и стонами. Война как война.

Дважды ему везло по-крупному. Один раз так себе. А 9 января, в семи километрах выше Улус-Керта, не повезло. Подорвался БТР – на войне с Виктором это случилось уже третий раз. Хуже всего то, что, рассыпавшись по заснеженной земле, десяток бойцов оказались на плоскости под перекрёстным огнём сразу с обоих склонов. Но обошлось. За полчаса, экономно отстреливаясь, разведчики один за другим стянулись за небольшую каменную гряду, где можно было дожидаться помощи. Виктор тоже подобрался к укрытию. Оставался один бросок. Он выждал, на раз-два-три, не разгибаясь, метнулся по камням вверх.

И тотчас с противоположного склона (расстояние – девятьсот метров) рванулась за ним пуля – в этот раз очень точная пуля. Он почувствовал это, когда она ещё неслась по стволу, разгоняясь для предстоящей погони. Она шла в нужную точку, потому что угадала её. В ту самую, под родинкой на правом плече, о точном месте которой не знал сам солдат.

Бежать ему было одно длинное мгновение или два-три коротких. Совсем немного. Но пуля, рванувшая за ним, была Ахиллесом. А он – черепахой. Это только у Зенона Ахиллес не может её догнать. В жизни может. Солдат и пуля знали это. Чуть прибавить или, наоборот, оскользнуться, качнуться в сторону – вот, что могло его спасти. Но это могла быть только случайность, милость свыше. Будет ли отпущена она ему в этот раз, солдат не знал. Пока миг его броска растягивался резиной, он мог надеяться. Как надеялась, сжавшись в полёте до атома, пуля.

И весь горный заснеженный мир (покатая земля, белые склоны в чёрных соснах), вся мятежная, ощеренная Чечня и по-медвежьему насевавшая на неё Россия, вся уходящая в бесконечность планета, теперь замерев, следили за солдатом и пулей. Потому что никто не знал, чем кончится их сольный номер...

И сейчас никто на земле не знает. Пуля ещё летит.

**Олег
ЛУКЪЯНЧЕНКО**

ПОД САЛЮТОМ ВСЕХ ВОЖДЕЙ

ГДЕ ПРЯЧЕТСЯ МОСКВА

Когда мальцу стукнуло годика три, загадочные прежде значки-буквы стали сами по себе складываться в слова.

Впоследствии его уверяли, что вовсе не сами по себе, а он спрашивал у старших сестёр, и те объясняли: это «а», это «бэ» — и так вплоть до «я». Он снисходительно кивал, но про себя знал точно: взрослые сочиняют. Может, конечно, про какой-нибудь твёрдый знак и спрашивал: нелепая буква, ни одно слово с неё не начинается, как и с мягкого. Зато все остальные соединять выучился сам.

Буквы окружали мальчика со всех сторон: на улице, в магазинах, дома. Но дома, в книгах и газетах, выглядели чересчур мелкими и навели скуку. Он предпочитал разбирать вывески, транспаранты, магазинные ценники...

От этих последних, случалось, слюнки текли. Бывая постоянно с нянькой или родителями в гастроном, на углу своей улицы и Крепостного переулка, он запоминал, что его любимая, ароматная, нежно тающая во рту колбаска именуется «любительская», а сыр бывает трёх видов: «советский», «алтайский» и «швейцарский». Привычная же чёрная икра называлась почему-то «паюсная». Особенно манили взгляд «пикули» в малюсеньких стеклянных баночках, до того аппетитные, что хотелось сразу проглотить их все.

У входа в гастроном (все называли его просто: «угловой») — лоток пирожковый: «с ливером — 50 коп.», «с повидлом — 40 коп.». А рядом — самый манящий, с прохладной надписью:

-
- Олег Алексеевич Лукьянченко родился в 1948 году в Ростове-на-Дону. Окончил филологический факультет Ростовского университета. Служил офицером в Советской армии, преподавал в Ростовском мореходном училище им. Седова, работал в журнале «Политическая информация» (Смоленск), в газете «Вечерний Ростов», в Ростовском книжном издательстве. Заместитель главного редактора, главный редактор (с 2011 года) литературно-художественного журнала «Ковчег» (Ростов-на-Дону). Автор многих книг и публикаций в отечественной и зарубежной периодике. Отмечен премиями журналов «Знамя» (1994), «Ковчег» (2007). Член Союза российских писателей с 1991 года и Международной федерации русских писателей с 2009 года. Живёт в Ростове-на-Дону.

«Мороженое». Из его дышащих ледяным паром глубин извлекались вафельные стаканчики: «молочное» (95 коп.), «сливочное» (1 руб. 35 коп.), «пломбир» (1 руб. 95 коп.).

У-у, какой дорогой!..

Каждое приятно по-своему, но не может сравниться с тем, что бывает почему-то очень редко: «фруктовое» (55 коп.).

Никогда во всей последующей жизни не попадалось ему ничего вкуснее этих розовых брикетов, похожих в упаковке на палочки дрожжей...

Следующим по завлекательности чтением были афиши – театральные и киношные. Драмтеатр располагался в соседнем доме, а киношка – в горсаду, через дорогу, так что далеко идти не приходилось.

Читать афиши было легко и приятно. От некоторых (ух ты: «Тарзан», «Чапаев», «Багдадский вор» – мировые картиночки!) заранее начинали чесаться кулаки и возбуждённо подрагивать коленки. А Серёжка с того двора даже глупый стишок придумал, или не сам придумал, а за кем-то повторил:

Пошёл в кино «Багдадский вор»,

А русский вор штаны упёр.

Как это? Так прям в кино и стянул штаны? Или из дома спёр? Тогда он что ж – в кино без штанов пошёл?.. Чепуха на постном масле!

А ещё в кинотеатре по бокам от экрана кудрявым почерком выведены были две трудные надписи. Разбирал их малец так долго, что успел запомнить наизусть.

С одной из них он согласился:

Из всех искусств для нас важнейшим является кино.

А вот другая не понравилась:

Кино в руках советской власти представляет огромную неопределимую силу.

Тут поначалу всё было неясно. Что за советская власть? Где у неё руки? И как можно в них взять кино?

Потом малец сообразил: фильм ведь на экране появляется не сам по себе, а из луча, что в сапожной будке. Простые сапожные будки встречаются на улицах, здесь же какая-то особенная: в ней стрекочет хитрый аппарат, а в нём что-то крутится. Иногда оно перестаёт крутиться, экран гаснет, и тогда все вокруг начинают возмущаться: «Опять плёнку порвали, сапожники!» Вот оно что! Значит, эту плёнку и берут в руки, чтобы зашить. Чем – понятно: малец знал, что толстые сапожные нитки называются дратва. Тогда получается, что сапожники – это и есть советская власть?..

Спектакли притягивали меньше. Какая-то «Филумена Мартурано»... А это что за мура – «Пока солнце взойдёт, роса очи выест»?.. «Волки и овцы», опять же. Ходил с родителями смотрел – бузовый: ни волков, ни овец. Тоже мне, комедия называется! Комедия – это когда смешно. Хихикать малец начал ещё до того, как раздвинулся занавес, пока разбирал мелкий шрифт программки, – от одних имён действующих лиц. Он таких и не слышал никогда: Меропия, Евлампия, Анфуса... и самое нелепое – Вукол. Его что – колоть будут? А про Меропию эту написали: «Девница лет 65-ти». Ничего себе девица!

Но когда начался спектакль, стало вовсе не смешно, а очень даже скучно. Вуколу этому никто никаких уколов не делал, хотя он заслуживал: то и дело кланчил табачку.

Запомнились только три окна справа – те самые, что были раньше в другом спектакле, где тыкали в них руками и кричали: «В Москву! В Москву!» Получалось, что Москва пряталась где-то между стенами театра и мальцо-

ва дома. Как она там уместается, понять было невозможно, но что именно там – подтверждал ещё и репродуктор, висевший как раз на смежной стене. Он каждое утро объявлял: «Говорит Москва! Передаём последние известия!»

И опять какая-то ерунда выходила: какие ж они последние, если их без конца повторяют?..

А после всё окончательно запуталось. Отцу подарили на день рождения пахнущую свежим лаком радиолу «Рекорд». Теперь можно было расстаться со старым надоевшим патефоном. Тот соглашался играть, только если ему накручивали вставной ручкой тугую внутреннюю пружину. А у радиолы диск мог сам крутиться сколько хочешь – и слушай себе музыку, пока не надоест! А когда надоест – перещёлкивай правую ручку влево: там плещутся волны, но не морские, а короткие, средние и длинные. Они называются «диапазоны». Длинные никому не нужны, на коротких всегда какие-то помехи, поэтому чаще всего родители включают средние. Вот на них-то и переселилась теперь из старого репродуктора Москва вместе с последними известиями. Выходит, она не между двумя стенами скрывалась?..

Что вообще такое – Москва, он решил выяснить у дворовых ребят. Все они были старше мальчика: Вовка – на три, Колька – на шесть, а Сашка – аж на десять лет. Услышав его вопрос, Колька ехидно ухмыльнулся:

– Могу тебе показать – сам увидишь... – И стал тянуть за уши вверх.

– Больно! – дёрнулся малец.

Сашка влепил Кольке подзатыльник, и тот выпустил из рук мальцовы уши.

– Москва – столица нашей Родины, – объяснил Сашка. – В ней находится Кремль.

Вон оно что!.. Кремлей у мальчика было целых два: один – в виде пирамиды, на стержень которой надевались разноцветные деревянные колечки и сверху нахлобучивалась красная звезда, а другой – маленький пластмассовый со светящейся звёздочкой. И ещё один был – только нарисованный на коробке маминых духов «Красная Москва».

Вот, значит, где она теперь прячется!

Впервые в этот необъяснимый город бывший малец попал восемнадцатилетним. И с тех пор, по разным поводам, в разном качестве, в разных точках его бывал, наверно, десятки раз. Но свою Москву – так и не нашёл.

Она его, впрочем, тоже.

НА ЁЛКЕ У НАХПИЩЕТОРГА

Слова могли быть короткими, длинными и очень длинными, понятными и непонятными, а некоторые из непонятных – ещё и страшноватыми. Не обязательно, конечно, чтоб чем короче, тем понятней, но всё же длинные необъяснимыми оказывались чаще.

Старшие дворовые мальчишки гордились способностями мальчика. Уверившись в них сами, они бились об заклад с приходящими из соседних дворов пацанами – и предлагали убедиться, как он прочтает вслух что-нибудь заковыристое и тугопроизносимое. Например, убористую надпись на спичечном коробке – какой-нибудь «Главтрестспичпром». Или на банке от рыбных консервов – «Азчеррыбснабсбыт». Малец снисходительно всё это уродство

воспроизводил вслух, хотя мало что понимал. И ему представлялись замысловатые, но вовсе не пугающие чудища: какой-нибудь великан – сам из чугуна, а ножки спичечные. Или живой подъёмный кран, вертящий карусель из пустых жестянок, откуда капает томатный соус...

Пришлые – а среди них случались и блатного пошиба, – проиграв пари, пытались взять реванш на свой лад. Мол, ежели этот шкет такой грамотный, пусть нам вот что прочитает: и мелом на заборе либо щепкой на рыхлом чернозёме клумбы чертили неприличные слова. Малец, конечно, все их знал, но дома у него никто этих слов не употреблял, и сам он, когда их слышал, испытывал отвращение. Поэтому произносить вслух категорически отказывался.

– Не можешь, не можешь!.. – подзуживали они.

– Могу, но не хочу! – не поддавался малец.

– А чего ж так? Слабо, небось?

– Они воняют, – нашёл он однажды нужный ответ – и тем вызвал снисходительные смешки и своих, и пришлых.

А бывали короткие слова, понять которые удавалось не сразу. Он долго ломал голову над словами на висевшей поперёк улицы растяжке:

Народ и партия едины!

И однажды мальчика осенило. Двери коридора его квартиры, общего ещё для двух, вели на просторный деревянный балкон, откуда во двор спускалась деревянная же лестница. На этом балконе в тёплые погожие вечера соседи устраивались играть в лото «по копеечке». Дядя Тиша вытаскивал из холщового мешочка бочоночки с цифрами и называл их. Для некоторых из него были особые клички: 11 – «барабанные палочки», 77 – «кочерёжки», 90 – «дед девяносто лет»... А 33 – почему-то «голодный год». Что за год такой странный?.. Выигрывал тот, кто раньше других заполнял свои карточки с рядами цифр. И тогда он радостно выкрикивал: «Партия!» Вот ведь как легко всё объяснилось: загадочный транспарант обозначал соседей, играющих в лото. «Ваша семья – культурная, а соседи у вас – народ простой», – не раз повторяла нянька Евгения Дмитриевна.

К Новому году таинственным названием, не поддающимся разгадыванию, оставался один лишь Нахпищеторг. Зато лез он в глаза на каждом шагу. Взять тот же любимый лоток мороженщицы: внизу на нём, да ещё с добавлением каких-то цифр: «Нахпищеторг». Четырёхколёсная будка, развозившая по магазинам хлеб, – опять он же. Тележка с газводой – снова! Мало-помалу его вездесущность и необъяснимость начали пугать. Ну, не так чтоб уж очень, но как-то не по себе становилось. И вдруг мама приносит приглашение на новогоднюю ёлку – и не куда-нибудь, а в клуб Нахпищеторга! И вот тут мальцу почему-то стало страшновато.

Повела его сестрица-восьмиклассница. Выяснилось, что Нахпищеторг обитал совсем недалеко: чуть-чуть вверх по Крепостному переулку и десять шагов налево по улочке Мало-Садовой. И не сказочный терем их поджидал, а домишко одноэтажный. Внутри, правда, в зале, где ёлка украшениями сверкала, оказалось совсем не тесно. Там весело пахло иголками и мандаринами. Ёлка была хороша – под самый потолок. А розовощёкая Снегурочка водила с детками хоровод.

А малец всё озирался, надеясь заранее увидеть Нахпищеторга, чтобы в случае чего удрать к сестре. Вместо него появился Дед Мороз и стал требовать, чтобы все хором трижды попросили: «Ну-ка, ёлочка, зажгись!»

Голос Деда Мороза показался мальцу знакомым. Приглядевшись, он и в лице его, хоть и спрятанном под ватной бородой и такими же бровями, разглядел памятные черты. Да это же артист Пересветов, что в спектакле «Волки и овцы» играл Вукола!

Малец и раньше подозревал, что Деда Мороза выдумали взрослые, а теперь утвердилось в своей мысли. Только что сделанное открытие прямо-таки раширило его – и ему не терпелось поделиться им с другими. Дед Вукол фальшиво-радостным голосом пообещал всем послушным деткам щедрые подарки и, сделав паузу, принялся развязывать свой мешок.

Тут в тишине ожидания не слишком громко, но достаточно отчётливо прозвучал голосишко мальца:

– И никакой это не Дед Мороз, а обыкновенный артист Пересветов!

Публика опешила. Детки раскрыли рты, а кто-то из взрослых, не выдержав, прыснул в кулак, вызвав нарастающий вал смешков, слившихся наконец в общий хохот. Разоблачённый Дед Мороз хохотал вместе со всеми, а малец, оказавшись вдруг в центре внимания, потерял из вида старшую сестрицу, растерялся и заревел. Он видел кругом чужие хохочущие физиономии, и ему почудилось, что вот сейчас-то и нагрянет сам Нахпищеторг, чтобы строго наказать виновника всеобщей суматохи...

Кончилось всё благополучно. Сестрица нашлась. Подарок из мешка мальцу достался. Чужие люди вовсе не сердились на него, а смотрели, широко улыбаясь. Нахпищеторг же так и не появился. А когда он дома спросил у мамы, кто же это всё-таки такой, выяснилось, что вовсе даже не человек и не чудище, а организация, торгующая пищевыми продуктами, и находится она в Нахичевани. А уж что такое Нахичевань, малец знал: он и жил-то вблизи переулка, носившего это название.

ЛЫСЫЙ И ШЕВЕЛЮРЫЙ

Сначала вожди росли на клумбе.

Затем взялись пасти стадо слоников мал мала меньше на верхней крышке чёрного пианино.

А потом оказалось, что они и раньше прятались на кухне, маскируясь под заслонки от дымохода.

Малец иногда бывал задумчив и угрюм.

Но чаще – весел и смешлив.

Выросшие на клумбе в Первомайском саду, среди петуний и чернобривцев, рассмешили: он сразу заметил, что они вовсе не живые, а сделанные.

– Из чего? – спросил у отца.

– Из папье-маше.

– Значит, они тебе машут? Папье? Маше?..

Ну как тут не расхохотаться?!

Оба приветственно махали из углов клумбы. Лысый – слева, шевелюрый – справа.

Искривлённые слова мальчика не удивляли. Он и сам любил ломать всем привычные. Его поправляли: нет такого слова «шевелюрый».

Как же так: «шевелюра» есть, а «шевелюрый» нет? И он упорно повторял его, напирая на «р», напоказ выставляя, что, в отличие от большинства сверстников, безупречно произносит рычащий звук.

А ведь когда-то не то что на труднейшем «р», но и на звуках попроще язык заплетался. Приходилось изобретать собственные слова. Так, из того, что ездило под окнами, – гудящие машинки – назывались «би-би», запряжённая в подводу лошадка именовалась «ляхаль», мотоциклы – «тяп-ляп», а велосипеды – «ляп-тяп». Впрочем, всё это очень давно, когда малец был совсем ещё крохой...

Если на клумбе вожди возвышались в полный рост, то на пианино попали всего лишь гипсовые «бюстики». Их подарили отцу друзья на день рождения. Новое и тоже забавное словечко. Похоже на «пестик». Пестиков-то в доме было целых два: жёлто-увесистый – от медной ступки, и чахло-бледный – от фаянсовой. И малец моментально заметил, что лысая голова как раз и похожа на ударную часть фаянсового пестика. Но, конечно, толочь ею в ступке нельзя: сама может расколоться.

Так он предположил – а вскоре получил и подтверждение. Нянька Евгения Дмитриевна протирала тряпкой лысый бюстик, а тот возьми да и выскочи из её рук!.. И не просто раскололся, а разбился вдребезги.

Нянька поохала-попричитала, а потом шмякнула в кучу мелких осколков окурки из отцовской пепельницы в виде кленового листа и стала всё сметать в совок и высыпать в мусорное ведро. С окурками она всегда так управлялась. Малец поначалу удивлялся этой нянькиной причуде – чего б сразу их не выбросить в ведро? – а потом свыкся: у взрослых вообще много странностей.

Шевелюрый остался надзирать за слониками в одиночестве. Утрата лысого ничуть не огорчила мальчика – уцелевший нравился ему гораздо больше. И не только гладко уложенной причёской, но и всем своим богатырским обликом.

Его портреты наблюдали за мальцом отовсюду: из витрин магазинов, со стен зданий, с праздничных плакатов в счастливые дни парадов и демонстраций. Особенно восхищала картинка из детской книжки, где добрый вождь возносил к небу тающую от счастья пионерку. Он и сам мечтал очутиться в этих крепких и ласковых руках. Да и не он один, а, наверно, каждый ребёнок лучшей на земле Страны Советов!

Но мечта не сбылась, потому что вдруг тревожным голосом зарокотало радио, и отец приник к новенькому приёмнику «Рекорд», и предчувствие наступающей беды впилось в уши мальчика незнакомым зловещим словом: «чейнстокса». А вскоре тот же приёмник разразился навевающей тоску, ёкающей в животе музыкой, которую называли траурной; а наутро почтальон принёс газету в чёрной рамке, где они с отцом увидели фотографию лежащего вождя с прекрасным добрым лицом и такой родной шевелюрой.

– Будто спит – да, папа? – спросил он, хотя догадывался, что это какой-то особый сон.

– Да, – согласился отец, а мама села к пианино и стала играть что-то негромкое и печальное...

Но вдруг мелодию обрезал дверной звонок – и в квартиру вломилась пышно-круглая соседка, что через стену; звали её Александрой Ивановной, а ещё уполномоченной...

– Великий вождь умер! – прорыдала она, всплеснув руками. – Всенародное горе! А вы тут бренчите.

– Да это же Лунная соната! – воскликнула, оправдываясь, мать.

– Всё равно прекратите!

Когда соседка ушла, малец спросил:

– А он и правда умер?

Мать кивнула. Он точно ещё не знал, что это значит, но догадался: теперь любимый могучерукий человек никогда не поднимет его к небу, как ту счастливую пионерку. Его заинтересовали подробности:

– А когда?

– Вчера, в двадцать один час пятьдесят минут.

Слова матери озадачили: самого-то мальчика обычно отправляли спать в девять вечера.

– Ну почему же так поздно?.. – удивился он.

А примерно через неделю мальцу исполнилось пять лет, и по этому случаю собрались гости с кучей подарков. В разгар веселья он, улепётывая от приятелей, примчался на кухню, с разбегу, хохоча плюхнулся спиной на кушетку возле печки-голландки, на него с визгом навалилась куча мала. Отбиваясь от щипков и тычков и продолжая хохотать, он вдруг растолкал всех и замер, уставившись в потолок.

– Хватит! – прикрикнул на озорников. – Идите за стол.

Мальчишки ушли, а он неотрывно глядел на две заслонки дымохода... Как он раньше не замечал?! Это же портреты вождей! Те же бюстики, что торчали на верхней крышке пианино. Справа, ясное дело, шевелюрый: отверстие рукоятки на месте лица – ровненькое и целенькое кольцо. А слева, само собой, лысый – у него кольцо такое ж, но с широкой выщербиной на темечке...

Однажды, когда малец давно уже стал взрослым, он вспомнил свои детские фантазии и подумал: быть может, тем лишь и оправдано земное существование былых вождей, что в памяти ребёнка они остались печными заслонками?

МАЛИНОВЫЙ ПИРОГ

В столовой всегда пахло вкусно. Ну, там, по утрам – кашей молочной; в обед – борщом и котлетками; за ужином – больше всего клюквенным киселем. Но это были обычные, непраздничные запахи. Вот почему, когда малец увидел на законном карнизе это чудо, у него рука с ложкой остановилась на полпути до рта...

Там, за стеклом, взявшись неведомо откуда, лежал знатный кусок пирога с малинового цвета начинкой!

О тарелке с борщом было забыто. То есть он, конечно, дохлебал до самого доньшка, но то и дело посматривал на заветное окно: не унёс ли кто его лакомство? Почему он так сразу счёл пирог своей собственностью – объяснить смог бы вряд ли. Наверно, по праву первооткрывателя.

Из второго блюда осилил он лишь половину котлетки – весь остаток аппетита устремлялся лишь к вожделенному десерту. Но отправиться к намеченной цели он мог лишь после того, как все остальные дети из его отряда допьют компот, поднимутся по команде вожатой и проскандируют:

– За вкусный обед – спа-си-ба!..

Из существующих в родной стране лагерей малец знал только пионерские. Старшие сёстры каждый год там бывали и возвращались загорелыми и довольными. А вот ему первый же, куда он попал, перейдя во второй класс, не понравился ни капли. Раньше он никогда не расставался с родителями так надолго, а теперь каждое утро просыпался с рассветом и тосковал по дому, оставившись на голую лампочку над своей койкой. Никаких интересных занятий тут ему не нашлось: заправка постелей конвертом – воспитатель проверит, чтоб ни одной морщинки не было; хождение строем по территории и пение хором. Больше и вспомнить-то нечего! Вон сестрицы в своих лагерях каждый день в Чёрном море купались, а у него ни речки, ни даже захудалого пруда нет. Только и радости, что вечером кино крутили, да и то не всегда. Когда он стал постарше, побывал и в других пионерлагерях, в них жизнь кипела и веселья хватало с избытком, а вот с тем, первым, ему ну никак не повезло. И среди этой тоски зелёной так восхитил его и окрылил мечтой ощутить вкус домашней сладости будто с неба упавший кусок малинового пирога.

Чтобы найти предлог улизнуть из строя, малец придумал «забыть» в столовой белую панамку. Вожатая отпустила его и велела явиться на площадку с летней эстрадой, где намечалась репетиция перед завтрашним итоговым смотром художественной самодеятельности. Он взял оставленную на стуле панамку, издали бросил взгляд на окно: пирог оставался на прежнем месте.

Чутко озираясь, малец прокрался вдоль стены столовой к желанной цели... Вот незадача! Росточку ему не хватило, чтоб дотянуться до карниза.

Тогда он побежал обратно в столовую: может, удастся открыть окно и достать пирог изнутри? Но там уже скоблила шваброй полы злющая уборщица – она так цыкнула на мальчика, что тот отскочил назад, как мячик от стенки.

Что же сделать?.. Найти какую-нибудь палку и ею столкнуть пирог вниз? Вряд ли удастся поймать его на лету одной рукой. Нет! Нужно соорудить подставку, чтобы крепко схватить добычу двумя руками. Из чего бы?..

Пройдясь по задворкам столовой, он подобрал несколько битых кирпичей, которые мальчишки с его двора называли «половинками». Поставил их одна на другую – чересчур шаткая опора: не устоишь, ляпнешься.

Тогда он сунулся с чёрного хода на кухню. Там ему сдавило дыхание едким чадом, он аж отшатнулся. Потом притерпелся, дышать стало чуток легче, и увидел, что никого нет, а у стены разглядел приземистую деревянную табуретку. Это как раз то что требуется!

Табуретка оказалась тяжелой. Насилу дотащил он её до нужного места. Облегчённо выдохнул, взобрался на неё вначале коленями, затем выпрямился во весь рост – протянул руку к пирогу...

И чуть не свалился от нахлынувшего внезапно отвращения...

Пирог, его малиновый пирог, доставшийся ему как награда за упорство и находчивость!.. Какой ужас! Весь засохший, покрытый клочьями плесени, издающий затхлую вонь. И только муравьям всё это нипочём: снуют по нему хлопотливо и целеустремлённо...

На репетицию он, конечно, опоздал, за что получил нагоняй от вожатой. В наказание ему пришлось исполнять самостоятельно песню, которую без него разучивал хор:

*То берёзка, то рябина,
Куст ракиты над рекой.
Край родной, навек любимый,
Где найдёшь ещё такой?..*

И хотя песня эта ему очень даже нравилась, он через силу, еле слышно, без всякой охоты гундосил её слова, всё ещё переживая горечь постигнутого разочарования и обиду на весь белый свет...

Зато назавтра все огорчения были забыты напрочь. Потому что на отцовом «Москвиче» мальчика приехали навестить родители. И как раз попали на концерт, где хором исполнялась вчерашняя песня. И теперь малец выпевал её слова старательно и от всей души:

*Детство наше золотое
Всё светлее с каждым днём.
Под счастливую звезду
Мы живём в краю родном...*

Мама потом сказала, что его голос был слышнее всех. И что тётушка передала для него большую миску сладких пирожков.

Неужели с малиной? Нет, оказывается, с абрикосами. Так это ничуть не хуже!

На следующее утро малец проснулся рано-рано – ещё и звёздочки не все в розовеющем небе утонули. Даже во сне его не покидало ожидание чего-то до слёз радостного. А едва раскрыв глаза, сразу вспомнил: родители! Он потихоньку выбрался из постели и, как был – в одних трусишках, босиком, – помчался по росистой тропинке к полускрытой кустами дырке в заборе, пронырнул сквозь неё, перемахнул просёлочную грунтовку и спустя минуту оказался на опушке рощи возле знакомого «Москвича» цвета кофе с молоком... Потянул за ручку заднюю дверцу, увидел домашнее зелёное шерстяное одеяло. Оно, как по волшебству, само приподнялось – малец юркнул в серёдку и... растаял в блаженстве.

Из всех искорок испытанного в жизни счастья эта осталась навсегда одной из самых светлых и жарких: он подбегает, распаивает дверцу, а под зелёным шерстяным одеялом его ждут два самых любимых на земле человека – мама и папа.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

**Наталья
КУЦЕНКО**

Я ВАМ СКАЖУ: ДУША МОЯ ЖИВА...

Напишу о весне, о лете,
О Волге с щемящим надрывом,
О вишнёвом платке с переливом,
О дали степной, о луне голубой,
О рассветах своих и закатах...

Об уральских ярах, о костре на снегу
Написать постараюсь, а значит, смогу.

Всё, что видело око, в чём купалась душа –
Станет строчкой крылатой, быт постылый круша.

Блестит роса на ежевике...
А на воде – от солнца блики.
Чуть пожелтевший лес притих.
...В картине есть осенний штрих.

Разлита в воздухе прохлада,
И запах яблочного сада
В нас чувства освежил слегка...
Печаль по прошлому легка.

Последний летний гаснет день.
Сквозь покосившийся плетень
Заходят сумерки во двор.
Оставлен прежний разговор.

Без зова осень на пороге...
Её встречаем без тревоги,
Лишь души замерли при этом,
В молчании прощаясь с летом.

-
- Наталья Васильевна Куценко родилась в 1955 году в Казахстане. По специальности – инженер-химик-аналитик. Публиковалась в местной периодической печати. В литературно-художественном журнале публикуется впервые. Участник литературной студии «Вдохновение» (Энгельс). Живёт в Энгельсе.

Октябрь – время листопада.
Учусь смирению: так надо.
Печаль набросит полог свой,
Запахнет горькою травой,
Тишь зазвенит в лесу пустом.
Я проглотить не в силах ком
И чувств осенних сбросить бремя.
Мой вздох: «Как быстротечно время!»

На пригорке первая трава,
Снег ещё лежит, она жива.

На колени встав пред ней без звука,
Знаю, покидает сердце мука,

Исчезает страх небытия:
Вдруг травую после стану я...

К солнцу из-под снега потянусь,
В этот мир я радостью вернусь.

Дождём пропитаны леса.
Их вид довольно сиротливый.
Кустов чернеет полоса...
Берёзки тонкой взгляд стыдливый
Потуплен долу. В ноябре
Она мечтает о мгновенье –
Себя увидеть в серебре,
Блеснуть снежинками в волненье.

Ни облачка на небе... Синева
Голубит душу радостью незримой.
Я вам скажу: душа моя жива
И спутницей плывёт неутомимой

За горизонт, за облака –
и дальше,
Несёт мечту и излучает свет.
Легко живёт, не зная груза фальши,
Парит она над темнотою бед.

Моей душе предназначенье свыше –
Борьба со злом за веру и любовь.
Хотите слышать? Говорите тише,
Петь о душе я буду вновь и вновь.

Коснусь рукой волос непроизвольно.
С тобою рядом дышится привольно,
И ощутить готова я полёт..
Но только след оставил самолёт,
Не взяв меня за облака и выше...

Биенье сердца моего услыша,
Не погаси печальную свечу.
Который год всё к звёздам я лечу
В мечтах своих безудержно и смело.
И быть такую мне судьба велела.

О это карканье ворон..
В конце зимы, на солнцепёке.
Вот-вот весна возьмёт в полон
Душой написанные строки.
Все чувства приведёт в движенье,
Наполнит радостью она.
И каждый миг – как удивленье,
Как пробужденье ото сна.

Ещё не время листопада,
Но краски смешаны с огнём.
Я любоваться лесом рада –
Меняется он с каждым днём.

Не так густа лесная чаща,
Лес опустел – почти готов
Он к переменам предстоящим,
К поре дождей и холодов.

Упрячу боль свою подальше,
Светла души моей печаль.
В лесу не чувствую я фальши,
И так легко смотреть мне вдаль.

И верится, что все сомненья
Исчезнут сами вдруг собой.
Прекрасно время примиренья
Души с природой и судьбой.

**Леонид
НЕГМАТОВ**

**...И ПЕСНИ,
И СТИХИ,
И ГОЛОСА**

Ты – вода. Ты погасишь привычную боль, словно соду.
И в журчанье твоих удивительно мягких волос
Я войду как ребёнок – не зная ни ходу, ни броду,
Не боясь, что поранюсь о камни, и плюнув, что бос.

Мой прожиточный минимум – чувствовать нежность ладоней,
Вырезать в облаках уголки недоверчивых губ...
Ничего не боюсь – у тебя я такой бережённый,
Что и Бог сбережёт, позабыв, как строптив я и глуп.

Если, выиграв в битвах, я сердцу войну проиграю,
Не жалею и не плачу – уступи напоследок в цене.
Я, дойдя до финальной черты, до последнего края,
Стану спать на краю. Чтобы ты не упала во сне.

Целый город качается, будто огромный трамвай,
В нём сидячих – семнадцать, стоячих – два миллиона.
Там для нищих душой раздаётся бесплатный вай-фай,
А для нищих деньгами – кусок ржаного с бульоном.

В нём беседы недолги: «Вы сходите?» («Да. С ума», –
Про себя) – вслух: «На следующей, у театра драмы».
Всем есть дело – что спрятала Родина в закромах,
Никому нет дела – как себя чувствует мама.

-
- Леонид Наимжонович Негматов родился в 1989 году в Самарканде. Лауреат Премии Президента РФ для талантливой молодёжи, именной стипендиат Правительства РФ, призёр Всероссийского и шестикратный победитель областного фестиваля «Студенческая весна», участник шорт-листа Международной литературной премии «Золотая строфа-2010». Художественный руководитель литературной студии «Aspera» в Саратовском социально-экономическом институте, доцент кафедры социологии в Поволжском институте управления имени П. А. Столыпина. Автор книг «Вчерашняя наивность» (2007), «Амальгама души» (2009), «Не аналогия и не романтика» (2012). Живёт в Саратове.

В нём кредиты берут, словно вечером – Армагеддон,
И на Страшном Суде всем простятся долги земные.
Все читают, с кем спит в свои семьдесят Сарандон,
Не читает никто у Толстого о судьбах России.

В нём совсем молодые не знают, как жить в выходной,
Дорогими вещами скрывая души дешевизну,
И хранят в кошельке свой билет, будто он – проездной,
Будто выдан он был уж как минимум на две жизни...

Случайного прохожего плечо
Заботливо подставлено снежинкам.
Они садятся, словно пепелинки
Огня, в который нас войти влечёт.

Мы все играем с жизнью в поддавки
С извечным страхом выиграть. Не шашки –
Друзей сдаём с азартом. Эта чаша
Не то что не минует – за грудки

Ухватится, чтоб только проиграть,
Оставив нас над чёрно-рыжим полем.
Мы это поле густо пересолим
Слезами. Только поздно горевать.

Чем злей потерь неожиданных полоса,
Тем больше дружба. Нам досталось время
Настолько говорливое, что немые
И песни, и стихи, и голоса.

Будь милосерден. Мне не ставь в вину,
Что я теперь живу подобно моли.
А вдруг – чем мельче жизнь, тем меньше боли?
Ведь боль, как рыба, ищет глубину.

Этот дом – он ведь всё понимает, он стар и устал.
В этом доме твой юный дружок собирает конструктор.
Твой дружок не читает советов, как сбить капитал,
И пока не заботится – где подешевле продукты.

В этом доме за плинтусом – твой позабытый тайник,
Где лежат две монеты, слюда и часы без браслета,
В этом доме нет шкафа, в котором бы не было книг,
Уплывая в которые, ты обошёл вокруг света.

Этот дом за твоею спиной умиленно молчал,
Провожая тебя в первый класс с неподъёмным портфелем,
Он тебя, словно папа младенца, в кровати качал,
Когда сладко ты спал, как пчела на цветке мирабели.

Этот дом в занавесках стыдливо окошки скрывал,
Когда ты целовался с несмелою первой любовью.
Всё он знает: про каждый рывок, и про каждый привал,
И про ангела, что столько лет простоял в изголовье.

Этот дом... Он ведь всё понимает, как добрая мать:
У тебя трудодни-трудночи, рекламы-афиши...
И чем чаще он просит тебя про него не писать –
Тем больше ему оттого, что ты вправду не пишешь...

Злое время диктует нам, папа, дурные ритмы:
Если к финишу кто-то приходит не в первой тройке,
То его не берут в разведку, он – друг не ситный,
С ним не принято песни горланить у барной стойки...

Знаешь, папа, я только теперь, да и то со скрипом,
Начинаю вникать в непростой твой мужской характер:
Непроста наша доля, где пасть на кровать от гриппа –
Значит в зимнюю стужу детей своих выгнать в лаптях.

Слышишь, папа, который уж год я так живо помню,
Как дурное прощал ты всегда молчаливо-грустно...
Мы должны чутко спать по ночам и дышать неровно
До последнего вздоха – у жизни не просят спуску.

Я смертельно устал. И в глазах твоих светло-серых,
В волосах твоих – в цвет глазам, – поседевших так рано,
Я читаю гораздо больше, чем в самых первых,
Самых правильных, вроде, книгах Шатобриана.

Я тебя попрошу: несмотря на мои паденья,
Несмотря на метанья мои, чердаки-подвалы,
Обещай мне не плакать, отец, ибо наше время
Никому не прощает ни искренность, ни усталость...

**Саня
ГАЙНАНОВА**

МАГИЯ ПЕРЛАМУТРА

КРАСОТА ПРИРОДЫ ОКАЗАЛАСЬ В РАМКАХ

*А если это так,
то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?*

Н. А. Заболоцкий

Наверное, огонь, греющий сердца миллионов людей.

Красота – это и гармония, и сила, она притягивает, завораживает, заставляет совершать подвиги, и всегда хочется находиться рядом с ней, созерцать её.

Наша природа окрашена в разные цвета, а преобладание того или иного цвета на земле зависит от времени года. Летом она расцвечена всеми цветами радуги, а зимой сверкает белизной. А можем ли мы и зимой видеть многоцветную красоту лета? Можем, и для меня эту проблему помогли решить природные материалы, оказавшиеся в то время под рукой. Это раковины моллюсков, обитающих в водах морей и океанов. Выброшенные прибрежными волнами на песок во время приливов, они оказываются на пляжных песках и становятся излюбленными сувенирами отдыхающих на тёплых морях туристов, которые их собирают и привозят домой. Постепенно у кого-то они накапливаются, передаются из рук в руки. Так некоторые оказались и у меня в коллекции. Когда смотрю на них, удивляюсь многообразию их форм, необыкновенной красоте и продолжаю множить свою кол-

-
- Саня Юсуповна Гайнанова родилась в Ленинграде. Окончила Саратовскую сельскохозяйственную академию в 1957 году, аспирантуру при кафедре энтомологии. Кандидат биологических наук. Доцент Казанского сельскохозяйственного института при кафедре ботаники и защиты растений. Заслуженный работник сельского хозяйства Татарстана. Ветеран труда. Лауреат конкурса прикладного искусства. Живёт в Саратове. Автор 30 научных статей. Внештатный корреспондент газет «Дом. Сад. Огород» (Саратов), «Сам Хозяин» (Казань).

лекцию. Многие люди, равнодушные к чудесам природы, очарованы морскими раковинами.

Мнение знаменитого философа и исследователя морского планктона Эрнста Генриха Геккеля всегда ценилось высоко. Своё восхищение по поводу раковин он высказал так: «Есть невыразимо прекрасные ракушки, как неповторимые перлы искусства». С учётом красоты и асимметрии строения морских раковин в искусстве возник такой стиль, как «рококо». Название это образовано от слова «рокайль», что означает в переводе с французского – раковина. Многие считают его ответвлением художественного направления барокко.

Идея соединения красоты моря и суши дала мне возможность перенести эту красоту в дом. Теперь раковины в объёмных изображениях внутри рамок или же на поверхности других чуть углублённых раковин, в том числе и перламутровых, располагаются на стенах моей комнаты, и я могу созерцать картины независимо от времени года. Скажу откровенно, что изготовленные изделия мне не надоедают, я не думаю с ними расставаться и в дальнейшем.

Они близки нам, так как сотворены из одинакового с нами органического вещества. Когда я смотрю на них, то они всегда излучают свет и дают мне ощущение радости. Эти работы хороши ещё и тем, что не причиняют мне никаких забот: не загрязняются, не покрываются пылью, так как, я поняла, обладают антистатическими свойствами, что облегчает мне, например, отбор и транспортировку экспонатов в выставочные залы. Обычно, когда я работаю, всё моё существо направлено на то, что я делаю: и мои душевные порывы, и моя энергия, и моя любовь, и мои мелодии, которыми я в порыве чувств озвучиваю процесс работы. А мои произведения, уже готовые, возвращают мне всё это с благодарностью. «Займитесь любимым делом, и Вам тогда не придётся работать ни одного дня», – учит Конфуций.

«ОНА ЯВИЛАСЬ И ЗАЖГЛА...»*

Человек так же загадочен, как и любая планета, находящаяся в космическом пространстве. И причина для появления у него наклонностей, интересов пока ещё никем полностью не понята и не раскрыта. Одни ссылаются на наследственное предрасположение, другие считают, что эти наклонности приобретённые.

Я думаю, что важны наличие жизненного опыта и всплеск эмоций от накопленных чувств при встрече с прекрасным. По профессии я биолог, занималась научной деятельностью, и мне доводилось постоянно видеть что-то новое, интересное.

У каждого человека свой эталон красоты. Одни люди обожают пышные и яркие цветы, а другим милее скромные, невзрачные полевые цветы. Одни восторгаются прямоствольными стволами вековых дубов, каштанов. А для меня примером прекрасного является плачущая ива, чьи светло-зелёные с изгибом ветви свисают чуть ли не до земли, вызывая у меня чувство трогательной печали.

Печальное всегда прекрасно, а прекрасное печально – так выражают своё отношение к красоте японцы. По-видимому, их понятие красоты ассоциируется ещё и с состоянием души самого человека, с сожалением о быстротечности жизни.

* Слова из арии Греммина в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

Изучая жизнь различных видов насекомых, их взаимодействие с окружающей средой, особое внимание я обращала на бабочек, так как они обладают изяществом, красотой.

Бабочки, несомненно, оставили особый след в моей душе и явились причиной появления моего хобби – их коллекционирования.

А началось всё на пригородном дачном участке, когда мы ещё жили в Казани. Место здесь живописное. Поработав на участке, я села на скамейку отдохнуть. Вокруг необычный летний пейзаж, всё зеленело и цвело. Вдалеке виднелась тёмная полоска леса, росшего прямо за гречишными полями. Справа от меня росли берёзы, липы до оврага, спускающегося прямо к берегу глубокого озера Кабан. Таких озёр на территории Казани три, и располагаются они цепочкой друг за другом. А за оврагом, на склоне которого росли деревья и было много грибов, располагался (теперь уже заброшенный после закрытия лесного факультета СХИ) питомник, засаженный экзотическими деревьями, где так же много было разных трав и цветов. Самое подходящее место для жизни бабочек. Моё присутствие на участке совпало со временем выхода бабочек из куколок и коконов.

Отдохнув немного на свежем воздухе, который к тому же был чист и прозрачен (день был тихий, солнечный), я обратила внимание, что в моём направлении летело большое количество бабочек в разноцветных одеяниях. Они подлетали так близко к тому месту, где я сидела, и опускались на венчики цветов, что росли рядом со мной на клумбе. Касаясь цветов, бабочки располагали свои крылья треугольником вверх, выпрямляли закрученный, подобно тонкому шлангу, хоботок и высасывали из цветов нектар. Какая гармония в природе: бутоны раскрываются прямо к моменту появления бабочек из куколок, и корм для них, то есть нектар, уже готов. Напившись нектара, бабочки, вспорхнув, равнодушно, тихо пролетали мимо меня к следующим цветкам, чтобы продолжить насыщаться сладким соком, столь необходимым для откладывания яиц и продолжения рода.

Я с удивлением наблюдала, как одни улетали, а на смену им появлялись всё новые и новые виды – целая вереница яркоокрашенных дневных бабочек с булавовидными усиками порхала в воздухе и летела в моём направлении. Я их узнавала по окраске. Это пестрянки, крапивницы, углокрыльницы, павлиньи глазки, белянки, голубянки... Никогда раньше мне не доводилось видеть такого количества этих прекрасных насекомых. Я не отрывала от них глаз. И только к вечеру заметила, что изменился их видовой состав. Вдруг начали появляться изящные стеклянницы, с характерными для них прозрачными крылышками; шелкопряды, с похожими на веер усиками, с волосками на конце брюшка. Позднее, уже в сумерках, появились серовато окрашенные совки. Окраска их крыльев соответствовала обстановке, чтобы слиться с темной и тем самым не быть замеченными, чтобы сберечь себя от врагов.

Уже когда совсем ступились сумерки, я покинула место своего наблюдения. Выход своим эмоциям я нашла в том, что написала статью в журнал «Работница» (июнь 2002). Статья под названием «Очарованная полётом бабочек» появилась быстро и была напечатана на красочно оформленной странице, сразу же после статьи главного редактора под названием «Солнце светит каждому».

Встречи с прекрасными, но редкими явлениями наблюдались и на другой даче. Это место называется Гусёлкой, расположена она по правую сторону Усть-Курдюмской трассы. Дачу приобрели после переезда в Саратов. Места там очень красивые, с нашего участка открывалась широкая панорама дачных участков с растущими на них плодовыми деревьями. На склоне, который покрывался летом белыми соцветиями кашки, росли многолетние дубы. В то время я коллекционировала бабочек. И вот однажды летом, в дневное

время, я обнаружила на шершавой поверхности коры старого дуба целую колонию бабочек-углокрыльниц, по окраске и размерам напоминающих более известных крапивниц. По-видимому, они собрались там для спаривания и очень спокойно отнеслись к тому, что я махала прямо перед ними сачком, а они даже не пытались сдвинуться с места. Я была удивлена скопленнию такого количества бабочек.

А однажды мне пришлось встретиться с крылатыми прелестницами при очень странных обстоятельствах. Возвращаясь со своей дачи, я заметила дождевую лужу, оставшуюся после летнего ливня. И что же вы думаете – я увидела на ней несколько (кажется, не менее пяти) парусников, как известно, самых больших по размеру бабочек, своими хоботками пьющих грязную воду из лужи. Их прекрасные фигурные белые крылья, разрисованные по краям голубым и чёрным, контрастно выделялись на фоне этой грязной лужи. Наше присутствие их несколько не смутило, и они спокойно продолжали заниматься своим делом, утоляя жажду. Я только сожалела, что до сих пор не разработаны способы их защиты. Парусники сейчас занесены в Красную книгу как исчезающий вид.

В круг моих интересов входили не только чешуекрылые, но и камни-самоцветы. Увлекалась я также поэзией Серебряного века. Как известно, увлечение возвышенным формирует личность, расширяя кругозор и способствуя отрыву от повседневности.

Для проявления способностей большое значение имеют также детские впечатления. Часть моего детства в военные годы прошла в посёлке Базарный Карабулак Саратовской области. Это одно из красивейших мест. Запомнились крутые берега реки Светляны, на их склонах высились хвойные деревья, и издали с противоположного берега виднелись светло-оранжевые высокие стволы с выступающими на поверхность крутого обрыва толстыми корнями. А за ними рос целый сосновый бор, куда я приходила с подружками ранней весной, когда распускались сиренево-серебристые подснежники – хохлатки. Они появлялись на редких проталинах, чуть ли не из-под тающего снежного покрова. Встреча с первыми цветами на таком фоне удивляла меня, это было такой редкостью – увидеть растущие цветы сразу после холодной зимы.

Но чаще всего я любила гулять позади дома за пригорком в зарослях орешника. Кусты орешника были невысокие, и среди них нельзя было заблудиться. Иногда с собой я брала козочку. Привлекали меня весной растущие там голубые незабудки, а летом прямо под кустом в гуще зелёной растительности алели ягоды лесной земляники, душистые и сладкие. Что может быть вкуснее их! Такая же земляника, только созданная из мелких ракушек и прикреплённая на поверхность раковины-гребешка, висит на стене, напоминая мне о детстве. А голубые незабудки устроились на перламутровой поверхности и своим сиянием также шлют мне привет из далёкого прошлого.

Повествуя о причинах появления моего хобби, не могу не сказать о городе Саратове, в котором я сейчас живу.

Я думаю (и так сама слышала от других приезжих), что в Саратове «особый дух». Этот «дух» включал в себя, конечно, и высокую культуру Саратова, созданную жителями разных национальностей, и в том числе переселенцами из Западной Европы. Даже бывшие названия улиц свидетельствуют об этом. Улица Немецкая (ныне – проспект Кирова), Французская (ныне – Рабочая). Это прекрасные музеи и театры. В детские годы я часто посещала Театр оперы и балета, и первая опера, которую я прослушала, – «Демон». Водила меня в театр старшая любимая сестра Рая – заслуженный врач СССР, которой уже нет на свете.

Однажды я зашла в один из престижных магазинов на улице Кирова, где продавались изделия прикладного искусства, и увидела перламутровую кар-

тину с изображёнными на ней деревцами. Мне всегда нравились такие вещицы, но купить её я не захотела, потому что она показалась мне несколько грубовато выполненной. Но именно с неё и началось моё хобби – изготовление картин из раковин и перламутра.

Этот сувенир породил во мне желание самой что-то творить (кстати, в коллекции раковин у меня были такие створки перламутровых жемчужниц).

И, придя домой, я на одной створке изготовила цветок ландыша, только он не соответствовал строению настоящих цветов (как известно, они имеют форму колокольчиков). Работа получилась изящная, но когда потом я вырезала из кончиков белых ракушек колокольчики, подобные настоящим, и приклеила их к стебельку, то получилась работа, которая и сейчас, спустя много лет является одной из лучших. Выглядит естественно не только сам ландыш, но утлены и другие морфологические особенности цветка. Цветы у ландыша – колокольчики – висят на цветоножках на закрученном стебельке, поэтому они направлены в одну сторону, и стебель выходит из двух ланцетовидных зелёных листочков. У меня ещё есть работа, где листья не только сделаны из обычной ракушки, зелёноокрашенные, но и из чистого перламутра, что придаёт цветку ещё большую привлекательность. Когда смотрю на эту работу и люблюсь ею, то вспоминаю о великом композиторе П. И. Чайковском, который восхищался ландышем и называл его «царём цветов». Своё отношение он выразил в единственном стихотворении, посвящённом этому цветку. В нём он повествует о том, что к моменту появления этих цветов он от желания увидеть их просто бежит в лес, чтобы полюбоваться ландышами и насладиться ароматом:

*О ландыш, отчего так радуешь ты взоры?
Другие есть цветы, роскошней и пышней,
И ярче краски в них, и веселей узоры, –
Но прелести в них нет таинственной твоей.*

Так выразил свои чувства Чайковский. Мнение замечательного композитора, который, как известно, в музыкальных произведениях отображал слышимые им звуки Природы, для нас авторитетно.

В цветке – весь мир, повествуют философы, а поэтому он загадочен. Кроме ландышей, особой таинственностью обладают также орхидеи, хотя произрастают они в основном в тропиках, но и в Саратовской области ботаники обнаружили семь видов этих цветов, приспособившихся произрастать в наших широтах, а ныне отмеченных как исчезающие виды.

Мне нравится восточная культура, и я старалась вникнуть в суть явлений так, как понимала их восточная философия. Я прислушивалась и к словам учения Будды, который говорил своим ученикам о том, что каждый из нас бог, каждый имеет всё, только надо обратиться к своему сердцу и прислушаться к своей же мудрости.

Это наставление и мне помогало в работе, поддерживало в некоторых ситуациях и способствовало продвижению вперёд.

Обращение к сердцу раскрыло множество сюжетов и в конце концов привело меня в клуб «Феникс», организованный при Доме работников искусств для мастериц-рукодельниц.

Первая встреча была удачной, да и последующие тоже. Члены клуба заметили, что моё занятие весьма оригинально и не похоже на то, чем занимаются другие. В ходе просмотра работ, которые я разложила на столе, как сейчас помню, одна женщина сразу пожелала купить изделие с изображением внутри раковины тюльпана, и, когда я ответила, что продавать не входит в мои планы, она выразила сожаление: «Но, может, когда-нибудь... уж слыш-

ком он запал мне в душу...» Эти слова укрепили мою уверенность в правильности выбранного пути.

Взрослея в творчестве, я искала всё новые сюжеты и стала изображать пейзажи, деревни и более сложные композиции – философского характера. Но, конечно, излюбленная тема – это цветы, растущие в нашей природной зоне. Это подснежники, незабудки, фиалки, гиацинты, тюльпаны, розы, маки, орхидеи.

Первыми были созданы орхидеи исчезающих видов, к числу которых относится и венерин башмачок. По просьбе отдела природы краеведческого музея я изобразила исчезающие растения, занесённые в Красную книгу, в том числе венерин башмачок, для постоянной выставки. Венерин башмачок имеет много разновидностей. Он известен ещё как «цветок любви», который обладает особой таинственной, притягательной силой. Хотя с виду не отличается ни пышностью, ни особыми размерами. Новую картину с «башмачком» я ещё сделала на мероприятие «Года экологии», которое проходило в городской библиотеке. Демонстрация изображения этого цветка необходима, т.к. дети и взрослые должны знать, как выглядит этот цветок, чтобы сберечь его от полного исчезновения.

Среди изображений птиц удачнее всего получилась картина «Красный кардинал и ниже по чину», на ней – представители отряда воробьиных, куда входят также снегири, овсянки.

А ещё пышные павлины, совы на фоне раннецветущей сливы.

К более сложным работам относятся «Родина моя» и «Деревня на пригорке», «Лотосы на воде», выполненные на перламутровой основе, с использованием камней-самоцветов.

Излюбленное – на японскую тему. Изображала японок не только в традиционной длинной одежде и с веерами, но и в современной, например, в стиле «кавай».

Некоторые работы подготовлены для тематических выставок, к их числу относится и работа «Зимняя деревня». Особенно интересно то, что раковина, на которой выполнена эта работа (30 см длиной), была найдена в песке на берегу Японского моря на острове Окинава и подарена мне заведующей Центром японской культуры в Саратове Мариной Анатольевной Дьяковой. На ней я изобразила зиму, так как поверхность основания её уже была покрыта белым веществом, похожим на снег, образованным из естественных выделений моллюска. Края раковины окаймлены розовой кожей, что гармонирует с розовым цветом рамки.

Есть работа, сделанная на раковине, покрытой перламутром с естественными переходами от светлого до серовато-чёрного тона. На ней начертано философское высказывание известного литовского художника, композитора, поэта Чюрлёниса на тему: «Что такое любовь». Для этого использовались ракушки, из которых сделаны розы, белые крылья птицы, а для выражения чувств вставлен красный камушек внутри сердечка.

Со временем я поняла, что более эффектно выглядят картины в рамках, поверхности которых выстланы кусочками перламутра, который способствует лучшему восприятию и синих гиацинтов, и голубых незабудок.

РАКУШКА – ПЕРЛАМУТРОВОЕ УШКО

Как известно, изобразительное искусство многогранно и включает много различных направлений. Способ получения изображения с помощью природных материалов, таких, как раковины, перламутр, жемчуг, а также растений и их генеративных органов, в народном творчестве является видом декоративно-прикладного искусства.

В то же время изделия из раковин и перламутра используются в нескольких направлениях. Это и мозаика, и скульптура, и ювелирное искусство, и живопись. Мелкие детали работ оттачиваются как у ювелиров. В моём случае применяется электрическая бормашина «Ураган» серии «Мастер». После заточки, вырезки, шлифовки обычно из деталей формируются объекты: цветы, листья, домики, птицы и т. д. с помощью клея (удобнее всего для использования клей «Момент»).

Для окрашивания применяются краски, лаки, перламутр. После покраски детали просушиваются, а потом наклеиваются на поверхность основания уже с готовой рамкой. Поверхность основы – бумага, кожа, ткань, приклеенные на картон для жёсткости.

Часто красками поверхность объектов не закрашивается, а наклеиваются они такими, какими сделала сама матушка-природа. Иногда поделочный материал – ракушки – уже бывает цветным или рельефным, и покраски не требуется. Их естественный вид более привлекателен. Перламутр обычно не покрывается ничем, так как естественный его цвет лучше всяких красок.

При сборе материала внимание обращается на размеры, формы, толщину стенок морских и речных раковин.

Используются раковины разного видового состава: это гребешки, перловицы, мелании, зебрины, конусы, кардиумы, мидии, физы, каури, галиотис пулгерина, стромбусы, тонна сепа, турителла теребра, черноморские черенки, жемчужницы. Это неполный перечень. Раковины служат как для вырезки деталей цветов, листьев и т. д., так и основой для наклейки сюжета. Для наклейки часто применяются гребешки и жемчужницы, размеры некоторых бывают довольно внушительны. Форма их удлинённая или же круглая. Круглая форма считается оптимальной, т. к. энергия «ци» – которая находится внутри её, не растекается, а циркулирует в ней, создавая особую глубину восприятия. Поверхность работ как в рамках, так и в раковинах ничем не покрывается (я имею в виду просвечивающий материал – стекло или плёнку). И особенно если она перламутровая.

Из-за ограниченного количества сведений по изготовлению изделий все работы проводятся методом проб и ошибок. В то же время приходится обращать внимание и на советы известных людей. Например, Делакруа наставлял: «Надо неустанно изучать технику своего искусства, чтобы не думать о ней в минуты творчества, надо, чтобы сердце художника и сердце предмета бились в унисон». Всё так.

КТО ВАС ТАКИМ СЯНИЕМ ОБЛЕК...

Бог морей Посейдон подарил нам не только замечательные по своим формам и красоте раковины, но и покрыл внутреннюю и внешнюю стороны некоторых из них перламутром. Взять хотя бы жемчужниц, они в своих створках выращивают жемчуг и покрывают иногда даже толстым слоем поверхность створок перламутром. Слово «перламутр» переводится с немецкого как «мать жемчуга». Жемчуг и перламутр имеют одинаковый состав, который называется арагонитом, состоящим из кристаллов CaCO_3 . Размер их от 10 до 20 микрон в ширину и полмикрона в толщину. Расположены они параллельными слоями. Свет, проходящий по оси из кристаллов, отражается и преломляется другими кристаллами, создавая эффект радуги. Отличительной чертой перламутра является палитра оттенков. Кроме белого перламутра есть ещё розовый, чёрный, голубой с золотисто-сиреневыми включениями. Такие раковины очень ценятся и применяются в ювелирном искусстве. Кроме арагонита в перламутре содержат-

ся конхиолин (от греч. лён, пряжа) – рогообразное органическое вещество белкового типа, образующее наружный слой раковины моллюсков и каркас жемчуга. Особенно красивым является раковина галиотис (Haliotis от лат. «морское ухо»), обитающая в водах, омывающих Австралийский континент. По форме она напоминает карликовую планету Хаумеа, вращающуюся вокруг Солнца.

Перламутр – это чудесный камень, соединяющий в себе нежность, хрупкость и в то же время прочность и силу. Созерцание переливающихся красок, исходящих от перламутра, нельзя ни с чем сравнить. Можно назвать это таинственным словом – магия, которая притягивает, светит красками мира, созданными самой природой, и очаровывает.

К сожалению, я не имею точных сведений о значении перламутра для самого моллюска. Известно, что такие моллюски обитают на дне морей (Средиземном, в водах вблизи островов Японии, Индонезии, Австралии, США и др.) в неглубоких местах, чаще в лагунах. Они обычно ведут мало-подвижный образ жизни, солнечные лучи, свет – необходимый элемент для всех физиологических процессов, вот, видимо, перламутр и выполняет его роль.

Перламутр широко применяется не только в ювелирной промышленности, в художественных мастерских юго-восточных стран, но и в медицине, в магии для изготовления оберегов.

Работы, выполненные из перламутра или с включением его, по-особому смотрятся, излучая свет.

НА ЖЕМЧУГ РАЗБИВАЕТСЯ ВОЛНА

Известно, что отношение людей ко всему на свете неодинаково, в том числе и к искусству. Что касается работ народного творчества, то здесь и подавно отношение самое различное.

*Один увидел дождь и грязь.
Другой – листвы зелёной вязь,
Весну и небо голубое.
В одно окно смотрели двое.*

Эти строки как раз свидетельствуют о разном отношении людей ко всему на свете. Но и в моём случае, если говорить об отношении людей к этому творчеству, без всякой скромности могу заметить: оно положительное. Это чувствуется по записям в книге отзывов на выставках, проходящих в музеях, библиотеках, в Доме искусства и т. д. Отзывы положительные, иногда восторженные, с желанием научиться этому. К тому же у многих имеются ракушки, собранные во время отдыха на пляжах южных морей, а что сделать с ними, люди не знают. Но я ещё не видела с подобными работами никого, да и посетители выставок говорят, что подобное видят впервые. Некоторые равнодушные к выставленным работам начинают коллекционировать ракушки, так у них появляется хобби. Многие дарят ракушки. Однажды прислали даже из Америки, из Майями. Есть работы в США, во Франции, Японии, Италии в частных коллекциях. Часто снимают на смартфоны. Некоторые приобретают их с целью лечения, особенно при депрессиях – мои произведения повышают настроение людей.

Есть фанаты, ученики. Но для достижения каких-то результатов нужно не только желание, но и большая любовь к подобному материалу.

РАЗВЕ НЕ В ЦВЕТКЕ ПОДСНЕЖНИКА ОЗАРЕНИЕ ДУШИ?

Работа с раковинами и перламутром, жемчугом и камнями-самоцветами – это моё хобби. При постоянном контакте с природными материалами я всё больше удивляюсь, как сложены природные организмы, как разнообразен мир при своём единстве.

Это занятие я люблю, а поэтому оно приносит мне удовольствие. Это моя отдушина от повседневных работ, обязанностей и сложностей жизни. Прикасаясь к этому творчеству после трудного дня, я чувствую, что жизненные силы опять возвращаются ко мне.

Творчество способствует появлению у меня новых знакомых, друзей. Я принимаю благодарно их доброе отношение ко мне, участие их в моей жизни. Мне приятны уважительное отношение сотрудников музеев Саратова, внимание СМИ, контакты с молодыми людьми, школьниками, студентами. Сам процесс творчества тоже интересен. Что я испытываю при этом, наглядно высказала художница Т. Светова в своей статье «Художник и осень», сравнивая работу создателя художественных работ с молитвой.

«Творчество, – повествует она, – это разговор с Богом. И самая большая просьба при обращении к Всевышнему, это чтобы ты могла увидеть произведение таким, о каком мечтала в душе». Её мнение о творчестве полностью соответствует и моему состоянию.

«Ты можешь работать долго, пока не увидишь в своей работе отражения своего замысла». Художница сравнивает своё отношение к работе с любовью матери к ребёнку.

«Только что появившийся «ребёнок» мне дороже всего на свете, – сообщает она. – Нас соединяет физиологическая связь. Я постоянно его ощущаю и думаю о нём. Меня всё время подталкивает подойти к нему, и, возможно, в это время у меня выражение лица как у матери. И это до тех пор, пока не появился следующий новорождённый, а до того меня не покидает призрачная уверенность, что это лучшее моё произведение». Как точно она выразила это состояние!

О своём творчестве ты обычно думаешь постоянно: сначала твои мысли заняты поиском сюжета, а затем претворяешь его в жизнь. Но это тебе не мешает при воспитании внуков, некоторые из них также приобщаются вместе с тобой к творчеству. Мне приятно, когда моему внуку Айдару нравится то, что я делаю, и он желает тоже, когда вырастет, создавать подобные картины.

Я прививаю внукам хорошие навыки, чтобы, повзрослев, были достойными гражданами своей страны. Частенько я цитирую им высказывания великих людей, к месту бывают также и наставления Будды своим ученикам: «Будьте сами себе светильниками, ни на кого не надейтесь, на себя надейтесь». Чтобы жизнь была интересной, надо много читать, трудиться, совершенствуясь при этом, только так можно достичь желаемого. Наш мир – неиссякаемый источник познания.

**Александр
и Галина
ДЕМЧЕНКО**

МАЗСТРО НА ВСЕ РУКИ

Думается, что народное присловье *мастер на все руки* можно адресовать далеко не каждому из нас. Попробуем доказать, что, по крайней мере, Юрию Ивановичу Скворцову оно в самую пору. Но прежде напомним отдельные вехи его жизненного пути, из которых постепенно складывался присущий ему феномен на редкость многогранной одарённости.

Получив блестящее профессиональное образование в музыкальном училище имени Гнесиных и в Саратовской консерватории, он, ещё будучи её студентом, становится солистом симфонического оркестра нашей филармонии. После окончания консерватории продолжает профессиональное совершенствование в ассистентуре Московской консерватории.

- Александр Иванович Демченко – доктор искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории и ряда других творческих вузов страны, директор Центра комплексных художественных исследований, заслуженный деятель искусств России, основатель научной школы, лауреат премии им. Д.Д. Шостаковича. Автор более 700 научных публикаций, свыше 140 книг и брошюр.
Галина Юрьевна Демченко – преподаватель Саратовского областного колледжа искусств, лауреат Международных конкурсов, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Центра комплексных художественных исследований, член Союза композиторов России. Автор около 100 научных публикаций.

Многие годы работы в оркестре с такими опытными дирижёрами, как М. Нерсисян, Г. Проваторов, В. Жордания, Э. Гульбис, А. Корчмар, М. Аннамамедов, Э. Серов и др., а также огромное число сольных концертов приносят свои плоды: в 1993 году Юрию Ивановичу присваивают почётное звание «Заслуженный артист России». С 1994 по 1996 год он является солистом столичных симфонических оркестров – под управлением В. Дударовой, Русского национального оркестра под управлением В. Жордания, оркестра театра «Геликон».

С симфоническим оркестром Калининграда Юрий Скворцов гастролировал в Германии, и сделанная тогда запись Фаготового концерта Вебера стала, по оценке дирижёра А. Фельдмана, одной из визитных карточек российской музыкальной культуры.

Недавно мы отметили 70-летие Юрия Ивановича Скворцова, представляющего ныне в качестве маститого мэтра, профессора Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова, заведующего её кафедрой духовых и ударных инструментов и руководителя аналогичной структуры Саратовского областного колледжа искусств. По случаю юбилея попытаемся объять почти необъятное, чтобы объяснить расхожее выражение: «*Кто есть кто*» – и сделаем это путём «арифметического» перечисления важнейших ампула.

Ампула первое – исполнитель на фаготе.

Юрий Иванович из числа тех музыкантов, которым по плечу любые исполнительские задачи. Его репертуар (конечно же, подразумевается музыка для фагота соло, для фагота с другими инструментами и для фагота с участием оркестра) совершенно безграничен, охватывает практически всё, что когда-либо было создано для этого инструмента.

У нас есть все основания для того, чтобы именовать Скворцова «золотым фаготом» России, имея в виду и высочайшее качество звука, и блистательную виртуозность, и глубокую проникновенность всего, что делает Юрий Иванович, выходя на концертную эстраду. А когда он предстаёт в качестве ансамблиста, создаётся впечатление, что чувство «музыкантского локтя» для него абсолютно естественно, словно это нечто врождённое.

Ампула второе – изобретатель.

Это ампула Юрия Скворцова является непосредственным продолжением предыдущей составляющей. Его всегда мучило то обстоятельство, что трости для духовых инструментов приходится изготавливать из импортируемых чужестранных материалов. И практически на протяжении всей своей творческой жизни он неустанно проводит эксперименты по созданию тростей из тех древесных пород, которыми в изобилии обладает наша родная природа.

Во всей полноте разработав соответствующую технологию и являясь обладателем ряда патентов по этой части, Ю.И. Скворцов убедительно доказывает, что традиционные трости из дорогостоящего привозного камыша уступают тем, которые изготовлены из акации, каштана, вишни, черёмухи, ирги, сливы, ореха, тёрна и т. д.

Ампула третье – дирижёр.

Мы уже достаточно привыкли к тому, что за пульт симфонического оркестра неоднократно вставали выдающиеся исполнители на струнных инструментах: Рудольф Баршай, Мстислав Ростропович, Лев Маркиз, Владимир Спиваков, Юрий Башмет... И вот дирижёрскую палочку берёт в свои руки представитель духового «племени».

Юрий Скворцов многие годы руководил студенческим симфоническим оркестром Саратовского областного колледжа искусств, сумев добиться от юных музыкантов высокого качества и полной слаженности звучания. В Скворцове-дирижёре неизменно привлекала способность к чрезвычайно рельефному донесению композиторского замысла. Всё у него звучало отточено, он проявлял какую-то особую цепкость во владении оркестровой массой.

Кульминацией его дирижёрской деятельности стала постановка балета «Муха-Цокотуха», который с большим успехом в течение трёх лет шёл на сцене нашего оперного театра. Необычность этого спектакля заключалась в том, что артистами были учащиеся хореографического отделения, а в оркестровой яме находились студенты музыкального отделения колледжа. И то, что удалось создать совершенно полноценный полнометражный спектакль, к которому невозможно было предъявить какие-либо претензии, говорило об огромном художественном достижении юных профессионалов и их наставников.

Амгла четвертое – исследователь.

На этом поприще у Юрия Ивановича Скворцова были достойные примеры – его педагоги Д. В. Куликов, Р. П. Терёхин, солист оркестра Большого театра В. С. Богорад, профессора столичных вузов, заслуженные артисты РФ В. С. Попов (руководитель кафедры духовых и ударных инструментов Московской консерватории), Ю. С. Рудомёткин (Российская академия музыки имени Гнесиных). Следуя по их стопам, Скворцов нашёл свою нишу, и представление о ней даёт тот прекрасный подарок, который к юбилею музыканта сделала Астраханская консерватория, где Юрий Иванович бывал многократно с концертами, с мастер-классами и с выступлениями на конференциях.

В сборнике под названием «Фагот – моё вдохновение» собраны его статьи, интервью и нотные издания, и, вместе взятые, эти материалы хорошо панорамируют спектр взглядов автора на проблемы музыкальной интерпретации, педагогики и методики преподавания игры на фаготе.

Говоря о научных изысканиях Ю. И. Скворцова, составитель и редактор книги, доктор искусствоведения, проректор Астраханской консерватории по научной работе Л. В. Саввина по достоинству оценивает определяющие для него идеи художественного вкуса музыканта-исполнителя, развития внутреннего слуха, основанного на предслышании звука, и насыщения инструментального звучания мелодической напевностью, свойственной вокальному интонированию.

Амгла пятое – педагог.

Располагая комплексом тех данных, которые были обозначены выше, в предыдущих четырёх составляющих, легко предположить в Юрии Ивановиче Скворцове задатки прекрасного педагога. И действительно, за многие десятилетия он воспитал целую плеяду замечательных музыкантов, пестуя их на различных стадиях обучения – от школы искусств до консерватории.

Результаты его педагогики говорят сами за себя: бесчисленные лауреаты всевозможных конкурсов, и, главное, его выпускники в высшей степени достойно играют в лучших оркестрах страны, поддерживая престиж саратовской школы духового искусства и своего учителя.

Амгла шестое – организатор музыкальной жизни.

«По должности» это касается тех учебных структур, которые профессор Скворцов возглавляет в консерватории и колледже искусств. Известно, что

духовики и ударники – народ непростой, в массе своей не слишком дисциплинированный и не очень охочий до учёбы. И Юрию Ивановичу только ему ведомыми способами удаётся склонить это вольное студенчество к порядку, ответственности и привить ему гены любознательности.

Тем же целям призван служить и основанный Ю. И. Скворцовым конкурс имени известного фаготиста А. Г. Никитанова, проведение которого с каждым разом становится всё более значимым событием российской музыкальной жизни.

Совершенно особая грань деятельности Скворцова связана с его способностью пробудить интерес к своему инструменту со стороны композиторов. Уже, пожалуй, не счесть число опусов, возникших по его инициативе. Если взять, к примеру саратовских композиторов, то это М. Симанский, А. Бренинг, О. Моралёв, А. Гризбил, И. Дороднов, И. Субботин, В. Орлов.

Разумеется, при этом сильнейшее воздействие оказывает присущая Скворцову харизма его исполнительского «я», но столь же вдохновляют и его неукротимая любовь к своему инструменту, стремление всеми силами утвердить широту диапазона его красок и возможностей.

Амгла седьмое – композитор.

Не приходится говорить о том, что в сочинениях, появившихся по инициативе Скворцова, немалое и в замыслах, а тем более в технической доводке принадлежит его руке. Отсюда оставался всего один шаг до собственных композиторских опытов. И если бы среди них был даже всего один-единственный, а именно «Соло для фагота с оркестром», то и тогда мы были бы вынуждены признать за его автором совершенно недюжинное дарование.

Напомним программный замысел этого произведения, где *«фагот – олицетворение личности, стремящейся донести окружающим новые идеи, ищущей в своих действиях сподвижников, но находящей только безразличие, которое приводит к драматическому финалу»*.

Смысл очерчен чётко, лаконично, и происходящее в этой концертной композиции в точности соответствует намеченной фабуле. Начав с проникновенных медитаций, солирующий инструмент вытягивается затем в безостановочный поток жизни, который, неудержимо разрастаясь, насильственно поглощает персональное начало в своём клокующем водовороте.

Амгла восьмое – поэт.

Поскольку эти заметки адресованы литературному журналу, остановимся на данной ипостаси нашего героя чуть подробнее.

Известно, что сам Юрий Скворцов категорически возражает против того, чтобы его именовали поэтом. Тем не менее он не раз принимал участие в литературных турнирах и только что выпустил сборник стихов «Дорожить любовью – это...» И думается, вряд ли кому придёт в голову назвать их «виршами», как и автора – графоманом.

Книга эта содержит две с половиной сотни всевозможных поэтических опытов, и это далеко не всё. А если учтём тот факт, что первые пробы пера, которые Скворцов счёл возможным ввести в состав сборника, относятся к 1962 году, то считаем 55 лет версификаторского труда.

Из того, что свойственно его поэтике, сразу же обращает на себя внимание склонность к тому, что обычно называют *«сестрой таланта»*, то есть краткость изъяснения (в одном из опусов это удачно обозначено как «министих»). Предельное выражение подобного лаконизма находим в трёхстрочнике, заголовок которого много длиннее самого стихотворения.

Обобщающая картинка столицы Калмыкии,
написанная при хорошем настроении и в связи
с полувековым юбилеем Советской власти

*Элиста́.
Ни кустика,
Ни листá.*

Другая особенность стихотворчества Юрия Скворцова – его изначально декламационная природа. В изданной книге это демонстративно подчёркнуто выделением всех рифменных слов, к чему непременно добавляется простановка ударений. Отсюда же и максимально раскрепощённая метрика. То и другое вытекает из присущей Скворцову манеры произнесения своих стихов, что так напоминает о Владимире Маяковском. Вот характерная строфа из «Прозрения между халтурами»:

Что со мною?!
Не хватало ещё лирики удáра.
Ошарашенный заде́ргался в вопро́се...
Лишь
Неубранные листьá с тротуáра
Подсказали мне:
«Сегодня óсень!!!»

От воздействия эпохи Маяковского идёт у Скворцова и пристрастие к неологизмам. Чтобы убедиться в присущем ему щедром словотворчестве, обратимся к стихотворению «Баловство», которое он предваряет известными примерами подобного рода.

Баловство

Смéйтесь смéхами смея́льно...

В. Хлебников

Чихáйте чихáми чихáльно

И. Стойха

И вслед за тем преподносит словесную «эквилибристику» собственного изобретения, причём построено это так, что начальные буквы последовательно охватывают практически весь алфавит от **А** до **Я**. Вот отдельные строки-троесловия:

Дерзáйте дерзíлицами дерзлíво.
Ёрничайте ёрнушничками ёрнухóльно.
Импортозамещáйтесь импортóзией импортóзánно.
Йóгуртесь йóгуртьями йóгуртьáвно.
Меркантильничайте меркантиягами меркантиóрно.
Оттопыривáйтесь оттопы́рией оттопы́рностно.
Тормозíte тормозíлией тормозíрующе.
Футури́стничайте футури́стяшью футури́стяще.
Хохочíte хохочáми хохохáльно.
Чебура́хайтесь чебура́лами чебура́хнuto.

*Шалопутничайте шалопушенью шалопутянно.
Язвите язвщами язвительствующе.*

Продолжением этого стало целое большое стихотворение, основанное на виртуозном обыгрывании собственной фамилии. Его заголовок «Отсебятина» означает в данном случае «от себя». Приводим только несколько из 99 слов и словечек столь изошрённого кунштюка:

*Прискворчали скворёшниками.
Скворцов, Скворцын, Скворенко, Скворидзе, Скворцовский...
Скворцальностью заскворечило скворцо скворчавшее.
Скворчковой скворцилою вскворечилась скворёшня.
Скворечнивает скворка, скворцанивает скворум.
Скворушечек перескворцевал скворечащих.
Скворцозно!
Скворцандо!
Скворчйссимо!*

Юрий Скворцов пишет обо всём на свете, в том числе на политические темы, в разработке которых ему был свойствен заведомо оппозиционный настрой, что в прежние времена чрезвычайно настораживало представителей государственной идеологии и побуждало к репрессивным мерам.

Свой критический взгляд на окружающее приходилось нередко скрывать за вывеской «правильных» газетных агиток типа искусных шаржей «Праздник рабочего дня» о коммунистических субботниках («Под чётким руководством /Партактива...») или «Боль сердца» (на смерть Брежнева) («Ваша фигура на трибуне Мавзоля /Воодушевляла и звала вперёд»).

Это было прямой параллелью к тому, что в живописи тех лет получило наименование *соц-арт*. И только изредка, как бы невзначай Скворцов позволял себе чуть усомниться в спускаемых сверху рецептах, в том числе по поводу пустых прилавок времён стагнации 1980-х годов.

Маленькой поэме «Секреты долгожителей» он предпослал крошечное предисловие: «Долгожители употребляют много дикорастающих трав и мало едят мяса...» (газета «Советская Россия» от 14.09.1982 года).

Затем следовал эпиграф уже собственного «производства»:

*Лягу на диванчик,
Хрустну одуванчик.
Буду лебеду́
Добавлять в еду́.
Чтоб стройнеть и худощавить,
Стану кушать кислый щавель.
К бархатному пиву
Засушу крапиву.*

А заканчивалось это повествование «робким» предложением:

*Может, где-то я и не прав,
Но к сотне сведобных трав
Добавим немного мяса.*

И всё-таки удерживать эту остроумную иронию в узде удавалось далеко не всегда.

Эмоциональный всплеск

*Мне побережья с пальмами
Не обязательны,
Где потненько песочком
Тáщишься,
Если я влѣскиваюсь в море
Показáтелей
Ликующих колонн
Трудящихся.*

*Обойдусь без загородных
Прогулок,
Без тропок сосновых с ручейком
Журчáщим,
Если мне лес транспарантного
Гула –
Кислородом лиственной
Чáщи.*

Или с привлечением парадоксальной антитезы глобального и узколокального.

С новым, 1983-м

*Новый год идёт страню и по нашему Сенно́му.
Сегодня я шампанское не прóсто пью,
Мой тост за то,
Что мы по шафику земно́му
Грохочем мощной, мирной пóступью.*

Социальный запал Юрий Скворцов сохранил и поныне, разворачивая его против червоточин нынешних дней. В стихотворении «СОКИ 2016» (СОКИ – Саратовский областной колледж искусств), вводя пророческий намёк: «Шестнадцатый год – предтеча, /Близится год /Знаковый», он констатирует и родившуюся ностальгию по коммунистическому прошлому:

*Разбрюзжалось моё поколѣние
По прежним активам, по рáвенству,
По социализму,
Тоскою о Лѣнине,
Пребывающем в вечном тáинстве.*

*Да!
Бесплатно жильѣ, медици́на.
Да!
Единенъем народы лили́сь.
Да!
Нужна сильнейшая вакци́на
Прививкою явить социализм.*

И всё же автор своё стихотворение «итожит оптимизмом» в общероссийском масштабе:

*Возродимся весною зано́во,
Не сплесневедем,
Не вьёржавеем.
Что нам Фурсенки, что нам Лифа́новы.
Жили!
Живём!!
Вьживем!!!*

Тон его публицистики становится теперь совершенно серьёзным, приобретаемая подчас болевой оттенок, как видим это в недавно написанном стихотворении «Сирия»:

*Притушим полыхающую А́зию,
Сотрём и десять Але́пн,
Но в разрастающейся катава́ссии
Не забыть бы к пушкам
Масло,
Хлёб.*

Животрепещущий социум – важная, но только одна из граней поэтического микрокосмоса Юрия Скворцова. Мы находим у него множество верно подмеченных, убедительных жизненных наблюдений, чаще всего облакаемых в шутовскую форму. Вот как он начинает «Посвящение дорогой жене»:

*Тема любовью звенит
В небеса́х,
В толпе планеты
Тема э́та.
Сложно о чувствах
Жене писа́ть,
Спросите любого
Поэ́та.*

Но он же способен на убийственный сарказм, если речь идёт о человеческом непотребстве:

*«Алексей Иванович!
Это ваш брэ́нд.
Так изящно, умно и краси́во».
А мне кажется, это брэ́д
Обыкновенной кобылы си́вой.*

И всё-таки в главном его поэтический камертон настроен на любовь к людям, причём любовь очень конкретную и осязаемую. Вот почему у него так много посвящений близким, друзьям, коллегам и ученикам. У Юрия Скворцова неподдельный интерес к их жизни, он умеет каждому дать остро индивидуальную характеристику и подчеркнуть своеобразие натуры.

Позволим себе небольшое извлечение из стихотворения «Юбилейное № 4», адресованное авторам этих заметок и их дочери:

*Непоколебимое единство
Волгою поёт,
Не сосчитать нам всех режиссёр.
Благодаря Гале –
Александриваныча полёт,
Благодаря Александриванычу –
Взлёт Гáли.*

*Не будем выстраивать вопросов очереди,
Прекратим вопрошать: «Докóле?»
Ваша радость теперь в дóчери –
Очаровательнейшей Óле.*

Итак, мы насчитали, по меньшей мере, восемь составляющих того кода, под которым воспринимаем натуру Юрия Ивановича Скворцова. А ведь сказано далеко не всё. Ближе знающие его подтвердят, что он, к примеру, мастер на все руки в строительном деле.

Если побывать на его даче, то можно убедиться, как умело и притом с большой любовью умеет он плотничать, класть кирпич, то есть профессионально владеет стамеской, топором и мастерком, причём до всего этого он дошёл собственным умом.

Опытнейший, разумный водитель – без единой аварии на счету. Душа компании, располагающий редким чувством юмора. А что касается музыки, то он совершенно виртуозно играет на баяне и полноценно владеет целым рядом других инструментов.

Но прервём «арифметические» подсчёты, чтобы засвидетельствовать: кое-что из этого всего нам удалось «отведать» на бенефисе нашего бесподобного универсала. Поздравления, приветствия, телеграммы лились рекой.

И, конечно же, рекой лилась музыка, где рядом с юбиляром блистали его постоянные партнёры, в том числе пианист Лев Шугом, гобоист Владимир Складенко, флейтистка Ольга Скрипинская, трубач Александр Даниленко, валторнист Валентин Статник, кларнетист Альберт Рысаев, а общие усилия сплавила воедино дирижёр Сергей Нестеров.

Звучало многое – от Вивальди и Генделя до Хиндемита и Пуленка. Но вряд ли мы погрешим, если скажем: когда на сцене Большого зала с трудом разместился громадный массив объединённых коллективов консерватории и колледжа искусств, всё предыдущее померкло перед захватывающей силой того самого «Соло для фагота с оркестром».

Нам остаётся только развести руками, повторив скандированное присутствующими: «**Браво-брависсимо!!!**»

А в качестве заключения добавим к этому четверостишие кумира поэтической молодости Юрия Скворцова:

*Я знаю – город будет,
Я знаю – саду цвести,
Когда такие люди
В стране в советской есть!*

**Владимир
АЛИФАНОВ**

XXX СОБИНОВСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ – НОВАЯ ЯРКАЯ ГЛАВА ЕГО ИСТОРИИ

Да, да, именно так. Каждый очередной фестиваль, который ежегодно проходит в Саратове на переломе весны и лета, я рассматриваю как совершенно новую самостоятельную главу его истории.

Называлась новая глава XXX Собиновского музыкального фестиваля – «Образы Италии», в соответствии с чем на фестивале или прозвучали музыкальные произведения итальянских композиторов, либо иностранных, в том числе и русских, в которых были запечатлены картины природы и жизни прекрасной Италии и даже «итальянские сновидения», или в исполнении этих произведений принимали участие ведущие солисты итальянских театров оперы и балета.

Обзор фестиваля мы начнём с его открытия, которое началось с приветственного слова губернатора Саратовской области В. В. Радаева.

От всего сердца поприветствовав участников и гостей юбилейного фестиваля, он с гордостью отметил, что наш город стал родиной нескольких величайших культурных брэндов, которые дают нам полное право претендовать на звание культурного центра Поволжья. В этом ряду одно из самых достойных мест занимает Собиновский фестиваль, который «на протяжении трёх десятилетий шёл уникальным путём, органически сочетая клас-

-
- Владимир Ильич Алифанов родился в 1942 году в г. Сальск Ростовской области. Окончил Сталинградский нефтяной техникум, филологический факультет СГУ. Служил в армии. Работал инженером отдела оборудования на Невинномысском азотно-туковом заводе, учителем русского языка и литературы в школе, в Приволжском книжном издательстве, где прошёл путь от выпускающего редактора до заведующего книжной редакцией, корреспондентом районной и многотиражной газет, городской газеты «Саратовская Мэрия», главным редактором областной газеты «Коммунист – век XX–XXI». Печатался в федеральных и региональных газетах, в журналах «Литературное обозрение», «У книжной полки», «Встреча», «Клуб и художественная самодеятельность», «Народное творчество», «Волга–XXI век». Лауреат премии Губернатора Саратовской области в сфере журналистики, дипломант Всероссийского конкурса журналистских работ о творческой деятельности Саратовского академического театра оперы и балета.

сику музыкального театра и произведения современных авторов, выступления звёзд мирового оперного и балетного искусства и молодых талантливых исполнителей».

Активное участие в мероприятиях фестиваля творческой молодёжи России, ближнего и дальнего зарубежья, а также значительное число молодых зрителей дало основание сделать заключение о том, что программа фестиваля всегда современна, привлекательна для молодёжи и что, следовательно, у этого проекта большое будущее.

В. В. Радаев выразил глубокую благодарность коллективу Саратовского академического театра оперы и балета и лично маэстро Юрию Леонидовичу Кочневу за преданность этому грандиозному проекту и предложил провести в следующем году в рамках фестиваля конкурс для средств массовой информации, для тех журналистов, которые увлечённо и с пониманием освещают это культурное событие.

Сразу же после выступления губернатора зазвучали симфонический оркестр театра и концертный оркестр духовых инструментов «Волга-Бэнд» под управлением лауреата Государственной премии РФ, народного артиста России Юрия Кочнева. В их блистательном исполнении публика услышала, как выразился сам маэстро, «шедевры симфонической музыки, написанной европейскими композиторами, воспевающими в своих сочинениях итальянскую культуру и искусство» и, добавим, темпераментных жителей Италии, её богатую историю и изумительную, чарующую природу. Всё это мы услышали в увертюре к опере «Итальянка в Алжире» итальянского композитора Джозаккино Россини, в которой ярко проявился его «уникальный талант – музыкальными средствами передать все оттенки человеческих эмоций и характеров героев, их настроение»; в симфонии № 4 «Итальянская» немецкого композитора Феликса Мендельсона-Бартольди, запечатлевшей картины радостной, беззаботной итальянской жизни на лоне роскошной южной природы; в увертюре «Римский карнавал» французского композитора Гектора Берлиоза, воплотившей стремительный вихрь карнавала, и в симфонической поэме «Пинии Рима» итальянского композитора Отторино Респиги – центральной части его симфонической трилогии, посвящённой бесконечно любимой им родине.

Музыкальные образы Италии были запечатлены также в «Итальянских сновидениях», которые представил публике эксклюзивный арт-дуэт «Свет Камня» в составе пианистки, заслуженной артистки России Светланы Бережной (от этого имени в названии дуэта появилось слово «свет») и скрипача, лауреата Международных конкурсов Петра Никифорова (его имя в переводе с греческого означает «камень»). Этот дуэт двух больших солистов с неизменным успехом гастролирует в странах Европы и Азии, в том числе в Италии, Франции, Японии, России.

В концерте, который в рамках нынешнего Собиновского фестиваля прошёл в Голубой гостиной театра оперы и балета, артисты впечатляюще исполнили музыку «самых итальянских композиторов из итальянцев»: две части из цикла «Времена года», «Зима» и «Лето», Антонио Вивальди и три пьесы Никколо Паганини из цикла «24 каприза для скрипки соло».

Столь же виртуозно и вдохновенно исполнили артисты «самую итальянскую музыку неитальянцев» – пьесу для скрипки «Прелюдия» австрийского скрипача и композитора Фрица Крейсlera, «Итальянскую сюиту» русского композитора Игоря Стравинского, который настолько был влюблён в Италию, что даже (по его завещанию) был похоронен в дорожной его сердцу Венеции, и пять номеров из цикла танго-милонга «Преображение» аргентинского композитора (правда, уроженца Италии) Астора Пьяццоллы. Следует особо отметить, что при исполнении названных произведений музыканты свободно импровизировали, давали собственное переложение великой музыки.

Как выразился маэстро Юрий Кочнев, «ключевое место в программе фестиваля заняли произведения Джузеппе Верди, одного из крупнейших представителей итальянской музыки».

Уже на второй день фестиваля состоялась премьера его оперы «Аида», в которой успешно выступили солисты Саратовской оперы – народный артист России Виктор Григорьев (Царь Египта), заслуженные артисты России Ольга Кочнева (Аида) и Роман Гранич (Амонасро), лауреаты Международных конкурсов Марина Демидова (Амнерис) и Илья Говзич (Радамес), лауреат Всероссийского конкурса Виктор Куценко (Рамфис). Надо сказать, что все они (и не только они) были убедительны и вокально, и сценически, и потому публика по ходу спектакля не раз горячо аплодировала артистам, кричала от восхищения «Браво!». И в целом спектакль удался.

Путь к успеху проложил и творческий тандем постановщиков – лауреат Национальной театральной премии «Золотая Маска», заслуженный деятель искусств России Георгий Исаакян (режиссёр-постановщик) и народный художник России, лауреат высшей театральной премии Санкт-Петербурга «Золотой Софит» Вячеслав Окунев (художник-постановщик).

С аншлагом прошла опера Джузеппе Верди «Риголетто», в которой изумляли и восхищали солистка итальянских оперных театров, лауреат Всероссийских и Международных конкурсов Дарья Коваленко (в партии Джильды) и заслуженный артист Республики Татарстан, заслуженный деятель Казахстана, выпускник Саратовской консерватории, а ныне солист Московского театра «Новая опера» Нурлан Бекмухамбетов (в партии Герцога).

Украшением оперы Дж. Верди «Травиата» стали выступившие в ведущих партиях солисты Государственного театра оперы и балета «Астана опера» заслуженная артистка Республики Башкортостан Альфия Каримова (Виолетта) и заслуженный деятель Республики Казахстан Талгат Мусабаев (Жорж Жермон). Напомню, что саратовцы встретились с Альфиёй во второй раз: впервые она приезжала в наш город ровно 10 лет назад, на XX Собиновский фестиваль, и победила тогда в Конкурсе конкурсов вокалистов.

Завершал ретроспективу творческих вершин Дж. Верди – его «Реквием» – произведение для солистов, хора и симфонического оркестра. В его прекрасном исполнении участвовали солисты, лауреаты Международных конкурсов Татьяна Гайворонская (сопрано), Светлана Курышева (меццо-сопрано), Илья Говзич (тенор) и Виктор Куценко (бас), хоровые коллективы: хор Саратовского академического театра оперы и балета (хормейстер Анна Вильперт), лауреаты Международных конкурсов – Губернский театр хоровой музыки и хор Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова (художественный руководитель – заслуженный деятель искусств России Людмила Лицова) и симфонический оркестр театра под управлением маэстро Юрия Кочнева. Насыщенная композитором романтической экспрессией католическая месса была исполнена столь вдохновенно и ярко, что зрительскому восторгу, казалось, не будет конца.

Значительным событием фестиваля стало выступление с концертом в Голубой гостиной нашего прославленного певца, солиста Саратовского театра оперы и балета, народного артиста СССР, профессора, заведующего кафедрой академического пения Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова Леонида Сметанникова, который посвятил свой концерт 145-летнему юбилею Леонида Витальевича Собинова. Естественно, это нашло отражение в программе концерта, который был насыщен вокальной музыкой итальянских композиторов XVII–XVIII веков, неаполитанскими песнями и ариями из опер, его любимыми романсами.

Кстати, камерной музыке маэстро уделит в этом концерте особое внимание. В его исполнении ярко, свежо, впечатляюще прозвучали романсы П. Булахова (в том числе знаменитый романс «Гори, гори, моя звезда»,

который он посвятил своему другу – тоже великолепному исполнителю этого романса, выдающемуся солисту Ленинградского театра оперы и балета, народному артисту СССР Борису Тимофеевичу Штоколову); М. Балакирева, П. Чайковского, С. Рахманинова, Н. Зубова.

Далее Леонид Анатольевич обратился к творчеству двух композиторов, выпускников Саратовской консерватории, – Игоря Крутого и Игоря Дороднова, исполнив их песни-вальсы, а на бис (ни один из его концертов не обходится без этого!) спел знаменитую застольную песню Петруччио из оперы В. Шуберта «Укрощение строптивой».

Поскольку Л. А. Сметанников отметил в этом году 40-летие своей педагогической деятельности и воспитал многих прекрасных вокалистов, он счёл возможным привлечь некоторых из них к участию в концерте. Такой чести были удостоены его ученики, солисты Саратовской оперы: лауреат Международных конкурсов Вера Паньшина (сопрано); пока ещё не лауреат, но имеющий для этого все данные Владимир Ушаков (тенор), а также студент 3-го курса консерватории Антон Пименов (тенор).

Очаровательная Вера Паньшина свежо и эмоционально исполнила вальс Мюзетты из оперы Дж. Пуччини «Богема», и «Поцелуй» Л. Ардити, а также в паре с учителем (Л. А. Сметанниковым) – дуэт Виолетты и Жоржа Жермона из оперы Дж. Верди «Травиата»; Владимир Ушаков превосходно спел романсы М. Глинки «Я помню чудное мгновенье» и С. Рахманинова «Оне отвечали», арию Ленского из 2-го действия оперы П. Чайковского «Евгений Онегин»; Антон Пименов – «Болеро» М. Глинки (слова Н. Кукольника) и ариозо Ленского из 1-го действия оперы П. Чайковского «Евгений Онегин».

В целом концерт произвёл очень приятное впечатление, а ученики маэстро выступили весьма и весьма достойно.

Одним из самых ярких мероприятий фестиваля является Конкурс конкурсов вокалистов, который всегда привлекает особое внимание любителей вокального искусства. И это понятно: ведь в нём демонстрируют свои таланты молодые дарования, лауреаты других престижных вокальных конкурсов, которые уже получили общественное признание. Это, можно сказать, наша надежда, будущее мировой оперной сцены.

Напомним читателям, что Конкурс проходит в течение двух дней. В первый день конкурсанты в сопровождении концертмейстеров-пианистов исполняют народные песни и романсы, во второй – в сопровождении симфонического оркестра Саратовского театра оперы и балета поют арии из опер. Компетентное жюри под председательством художественного руководителя фестиваля маэстро Юрия Кочнева по итогам двух соревновательных дней выбирают трёх дипломантов и трёх лауреатов Конкурса. Кроме того, зрители определяют приз зрительских симпатий, организованный оргкомитетом и партнёром Конкурса – группой компаний «Рубеж», обладателя которого ожидает путёвка в Италию с посещением театра Ла Скала.

Наш Собиновский музыкальный фестиваль давно обрёл статус Международного, и нынешний – юбилейный – ещё раз подтвердил это: в Конкурсе помимо россиян (из Москвы, Астрахани, Екатеринбурга, Красноярска, Ростова-на-Дону, Уфы, Челябинска) участвовали вокалисты из Казахстана, Монголии, США.

Дипломантами Конкурса конкурсов вокалистов стали: Бямбажав Монголхуу (Монголия), Габдиев Артур (Казахстан) и Федоненко Олег (Россия, Красноярск). Звания лауреатов удостоены: Каркачева Виктория (Россия, Москва) – 3-я премия, Кучина Наталья (Россия, Москва) – 2-я премия, Суздальцева Мария (Россия, Ростов-на-Дону) – 1-я премия. Мария же с большим отрывом завоевала приз зрительских симпатий, так что её вполне можно назвать абсолютной победительницей Конкурса конкурсов.

В программу Собиновских фестивалей включены балетные спектакли, на которые, как правило, приглашаются лучшие молодые танцовщики театров – Большого, Мариинского, зарубежных стран, – имеющих богатую балетную традицию и школу. Так что зрителям фестивалей предоставляется возможность познакомиться с самыми яркими представителями балетного искусства. Вот и на этот раз в программу фестиваля были включены два балетных спектакля – «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева и «Дон Кихот» Л. Минкуса, главные партии в которых исполнили гастролёры.

В «Ромео и Джульетте» саратовцы наслаждались искусством несравненных танцовщиков Мариинского театра – заслуженного артиста России Евгения Иванченко (Ромео) и победительницы проекта телеканала «Россия-Культура» 2016 года «Большой балет» Ренаты Шакировой (Джульетта), а в «Дон Кихоте» – ведущей солистки Большого театра России Кристины Кретовой (Китри) и одного из лучших танцовщиков мира и премьера Мюнхенского балета, кубинца Осиеля Гунео (Базиль), названного в 2013 году лучшим молодым танцовщиком мира по версии «Positano Awards». Их выступления стали украшением спектаклей, и благодарная публика неистово аплодировала им. И в самом деле, гастролёры танцевали легко, изящно, я бы сказал, вдохновенно и показали, как говорится, «высший пилотаж».

«Изюминкой» юбилейного, XXX Собиновского музыкального фестиваля, без которой не обходится ни один фестиваль, стало участие в нём известного итальянского певца, гитариста, автора и композитора Энрико Колонны, многократного участника Международного фестиваля итальянской песни в курортном городке Северной Италии Сан-Ремо. Музыкальные критики и благодарные поклонники назвали певца и музыканта «Золотым голосом Италии».

На фестивальном концерте в Саратове певец выступил с репертуаром, охватывающим его собственное творчество, любимые мелодии Сан-Ремо, песни из репертуара итальянских певцов Аль Бано и Тото Кутуньо, популярного российского певца 90-х Саша Айвазова, шедевры итальянской и мировой классики в современной интерпретации. В концерте также приняли участие мультиинструменталист и вокалист Леон Коста, восходящая звезда итальянской эстрады Ирэнэ Коломбо, виртуозная скрипачка родом из Саратова Мона Филини и – ну, это уже был настоящий сюрприз – 5-летний сынишка музыканта Микеланджело Колонна, который пел красиво и уверенно. Чувствовались отличная выучка и то, что маленький фронт (на нём была изящная шляпа и хорошо подогнанный костюм с ярким галстуком) давно уже привык к сцене.

Концерт длился долго, пожалуй, не менее двух с половиной часов, и прошёл, так сказать, на ура! Публика горячими аплодисментами, стоя проводила артистов со сцены.

Завершал фестиваль гала-концерт, в котором выступили лауреаты Конкурса конкурсов вокалистов, признанные мастера и творческая молодёжь Саратовского академического театра оперы и балета. Арии и сцены из опер русских и зарубежных композиторов исполнялись в сопровождении симфонического оркестра, которым управлял художественный руководитель и главный дирижёр, лауреат Государственной премии РФ, народный артист России Юрий Кочнев. В концерте принимал участие хор театра (хормейстер Анна Вильперт).

Все участники концерта выступили достойно, каждого зрители провожали аплодисментами, не раз раздавались возгласы: «Браво!». Мы адресуем это ласкающее слух «Браво!» всем участникам и организаторам юбилейного, XXX Собиновского музыкального фестиваля, который, как всегда, удался на славу и подарил саратовским любителям музыки и гостям фестиваля одиннадцать упоительных дней.

**Лариса
ПОПОВА**

Алла Александровна Жук

РОЖДЁННАЯ С АБСОЛЮТНЫМ СЛУХОМ УМА И СЕРДЦА

Знаменитая саратовская филологическая школа... Сколько достойных имён вписано в её славную историю! Сколько интереснейших работ, открытий было осуществлено в стенах любимого университета! С какой гордостью представлялись: «Я – выпускник филологического факультета Саратовского университета». И это был особый знак качества знаний. Да-да, наравне с Москвой и Петербургом.

Сегодня можно вспоминать имена больших учёных, их труды, и, поверьте, список будет немалый.

Небольшая выставка в музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского рассказывала об одной из самых ярких представительниц саратовской филологической школы – Алле Александровне Жук. Она окончила СГУ им. Н. Г. Чернышевского, филологический факультет. Её преподавателями были А. П. Скафтымов, Ю. Г. Оксман, Е. И. Покусаев. Было у кого учиться!

Яркая, талантливая, удивительно красивая, остроумная, артистичная, обладающая уникальной памятью, заразительно читающая лекции, в которых блистательно звучали стихи, проза, неожиданные сопоставления разных взглядов на сочинение, авторов, литературные периоды, жанры, историческое время – вот как говорили об Алле Александровне. И не только восторженные девочки, только что покинувшие стены школы, но и учёные мужи, убелённые сединами.

Более 30 лет Алла Александровна была преподавателем филологического факультета. До сих пор вспоминают выпускни-

ки спецкурсы Жук о Лермонтове, «натуральной школе», о русской сатире, о Салтыкове-Щедрине. Листая издания русской литературы XIX века, подготавливаемые ею, поражаешься глубокому пониманию классических текстов, изящному и точному языку изложения. Исследуя литературу как явление, формирующее нравственно-эстетические взгляды человека, Жук раскрывает общую картину развития русской классической прозы XIX века.

*А. А. Жук рядом с И. А. Андрониковым
на Лермонтовской конференции в Пятигорске*

С огромным уважением пишет она о Н. Г. Чернышевском. Николая Гавриловича она называет в числе писателей, призывавших к тому, чтобы русский роман вышел за пределы «истории души человеческой», чтобы герой был поставлен лицом к лицу с «каким-нибудь общественным вопросом». Именно так поступил Чернышевский, создав «форму просветительского социально-утопического романа с яркими публицистическими элементами».

Как ёмко и точно раскрывает Алла Александровна особенность этого стоящего особняком романа: «Название «Что делать?» незамаскированно являет «учительный» характер этой прозы, практичное, действенное назначение морали и философии, которая будет здесь читателю».

Именно Алла Александровна открыла специфическую философско-интеллектуальную прозу Чернышевского и Герцена, ярко и чётко определив её место в общей истории русской литературы.

Держу в руках диссертацию на соискание звания кандидата филологических наук «Русская проза второй половины XIX века», раскрыла наугад... зацепилась взглядом:

«Они демонстративно утверждают свою задачу – фиксировать реальный жизненный процесс, оставив литературные «привычки». Такое недоверие к творческой силе фантазии, художественного вымысла не может быть возведено в абсолютный принцип искусства. Но у шестидесятников это казалось безусловно привлекательной чертой».

Каков язык, каков стиль изложения! Диву даёшься! И вспоминается из «Очерков гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского: «Если слово писателя одушевлено идеей правды, стремлением к благотворному действию на умственную жизнь общества, это слово заключает в себе семена жизни, оно никогда не будет мертво».

Так и слово учёного не пропадает втуне, рождая новые направления, заставляя по-иному увидеть, казалось бы, хорошо знакомое.

И потому читатели вновь и вновь, стремясь лучше узнать русскую литературу XIX века, будут с благодарностью изучать труды Аллы Александровны Жук.

На выставке была представлена монография о «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина А. А. Жук. И здесь же высокая оценка этой работы в письмах К. И. Чуковского, Ю. Г. Оксмана, Ю. М. Лотмана, С. Л. Макашина. Архив этот хранится у профессора, доктора филологических наук Л. Е. Герасимовой. Людмила Ефимовна – жена брата Аллы Александровны. Она после смерти А. А. Жук передала большое количество книг из её библиотеки музею Н. Г. Чернышевского. И для нынешней выставки представила семейный альбом с фотографиями, письма и открытки из переписки с видными учёными, некоторые украшения, шкатулки, кофейную чашечку...

В экспозиции находился и образец своеобразного «самиздата» – роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Коллеги и друзья Аллы Александровны, Евгения Андреевна Петрова и Татьяна Владимировна Ошарова, зная её любовь к этому произведению, переплели страницы романа, опубликованного в журнале «Москва», и подарили Алле Александровне по случаю защиты диссертации на степень доктора филологических наук. Интересно, что после успешной защиты Алла Александровна послала Евгении Андреевне телеграмму следующего содержания: «Карфаген пал». Почтальон – женщина средних лет – с удивлением наблюдала, как радостно воспринято было это известие.

Кстати, статья о романе «Мастер и Маргарита», написанная А. А. Жук в соавторстве с Г. В. Макаровской, стала одной из первых после публикации этого произведения. Посмотрите журнал «Волга» за 1968 год, прочтите статью – и вы сразу поймёте, почему коллеги сожалеют, что так и не исполнилась мечта Аллы Александровны написать книгу об этом романе.

На открытие выставки пришли близкие, друзья, коллеги, ученики. Вечер памяти... Неужели прошло четверть века? С портрета улыбается молодая красивая женщина. И каждый улыбается ей в ответ – настолько открыто и светло её лицо.

И каждый вспоминает своё... Звучит любимая мелодия Аллы Александровны – «Вокализ» Рахманинова. На экране – фотографии разных лет из семейного альбома, они будоражили память и создавали особую атмосферу вечера.

«Она пришла в этот мир, чтобы осветить небосклон науки своим лучезарным присутствием. И словно о ней писал Пушкин: «Как беззаконная комета, в кругу расчисленном светил». Этот отрывок из очерка никак нельзя назвать некрологом, не хочется, да и просто невозможно. Он был опубликован в газете после смерти Аллы Александровны, он и открыл вечер памяти. Татьяна Степановна Конкина вела разговор «между своих» – ведь присутствовали в зале преподаватели университета им. Н. Г. Чернышевского, вузов Саратова, ученики Жук разных лет. Многие из них стали докторами наук, профессорами, но все вернулись в свою юность, которая и свела их с Аллой Александровной.

«Ровно 60 лет и 3 месяца назад я впервые увидел Аллу... Аллу Александровну, – вспоминал Валерий Владимирович Прозоров. – Я только что приехал в Саратов, поступил в университет. Моим однокурсником был Всеволод Герасимов. Он пригласил меня к себе. Это был удивительный дом на улице Мичурина. Встретила нас Елена Николаевна, мама, сама доброжелательность. Затем кот Барсик – безусловно, главный хозяин квартиры. А затем стреми-

Валерий Владимирович Прозоров, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики СГУ имени Н.Г. Чернышевского, рассказывает о А.А. Жук

тельно ворвалась Алла Александровна. Потом я услышал от Евграфа Ивановича Покусаева: «О, Жук – блестящий ум!» Как говорить о ней мне? Она родилась с солнцем в крови. Весёлая, изящная, быстрая, остроумная, общительная, непримиримая, преданная, музыкальная... Она с нами до сих пор».

Из Тольятти специально на вечер приехала Галина Ивановна Щербакова (профессор, доктор филологических наук), верная ученица. Эмоционально она призналась, что всю свою жизнь сверяет свои поступки с любимым учителем; фото Аллы Александровны всегда с ней, где бы она ни была. Самое важное, подчеркнула Щербакова, в характере Аллы Александровны – это душевная щедрость. «Она нас всех, её семинаристов, поднимала на незаслуженную высоту, и потому стыдно было быть хуже. Все тянулись к ней, от общения с ней была такая радость!»

Юрий Николаевич Борисов признался, что для него Алла Александровна была творческой натурой моцартианского склада, способная к мгновенным озарениям, целостному и глубоко-

Галина Ивановна Щербакова, ученица А.А. Жук, ныне доктор филологических наук, профессор кафедры «Журналистика и социология» Тольяттинского государственного университета, вспоминает о А.А. Жук

му осознанию сути образа, произведения, историко-литературной закономерности... «Она была профессионал высочайшего ранга».

Эту же мысль продолжила и Людмила Ефимовна Герасимова, которая назвала Аллу Александровну филологом на все времена. Действительно, откройте изыскания Жук по любым темам – вас поразят глубокий анализ, тончайшее владение текстом, чёткая логика. Все её труды филигранно выполнены. Работала она всегда легко и страстно, но при этом много и постоянно. Алла Александровна была щедра на идеи, была счастлива в своих учениках.

«Удивляет, – сказала Людмила Ефимовна, – как при такой сложной, нелёгкой жизни она оставалась счастливой. Видимо, от природы была счастливой». А затем наступил торжественный момент: Людмила Ефимовна Герасимова подарила в фонд музея три письма: одно – А. Н. Пыпина, и два – М. Н. Чернышевского. Письма эти хранились среди бумаг Аллы Александровны. Щедрый подарок принимала главный хранитель фондов музея Елена Николаевна Манова. Она призналась: «...не верится, что такие сокровища появлялись в нашем музее...»

После знакомства с выставкой, которое провела Жанна Георгиевна Сапожникова, никто не хотел расходиться. Вспоминали, какой Алла Александровна была свободной личностью, подчас даже озорной, как умела ставить на место бездарность. «Нельзя отделить дар учёного от её светлой человеческой души. Уникальная, гармоничная личность, очень жизнелюбивая. Повторю, к сожалению, не встретишь», – говорит Елена Генриховна Елина.

«Девочки, – обращается к собравшимся Наталья Юрьевна Тяпугина, – когда вы читаете статьи Аллы Александровны, слышите её голос, интонацию? Я слышу».

И продолжают воспоминания, и не верится, что уже четверть века нет рядом с нами Аллы Александровны Жук, рождённой с абсолютным слухом ума и сердца.

Момент дарения музею-усадьбе Н. Г. Чернышевского писем А. Н. Пыпина и М. Н. Чернышевского из архива А. А. Жук. На фото: доктор филологических наук, профессор СГУ имени Н. Г. Чернышевского, наследница и хранитель архива А. А. Жук А. Е. Герасимова и главный хранитель музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского Е. Н. Манова

Д. Г. Сапожникова, заведующая отделом экспозиции музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского, проводит экскурсию по выставке «Памяти Аллы Александровны Жук»

**Борис
ДОНЕЦКИЙ**

В ПОИСКАХ САРАТОВА

Саратов насчитывает пятый век своего существования. Возраст по историческим меркам небольшой, но тем не менее он на сто с лишним лет старше блистательного Санкт-Петербурга (1703) и на 200 лет – знаменитой Одессы (1794). К началу XX века он становится третьим по количеству населения городом России. Но в его биографии много спорных моментов. Саратов последним из городов на Волге узнал год своего рождения – только в 1940-е годы. В государственном Историческом музее в Москве в рукописи, написанной скорописью в XVII веке и подаренной в Троицкий монастырь старцем Тихоном Казанцом, выдающийся советский историк, источниковед академик М. Н. Тихомиров прочёл: «...а в 98-м году поставлен город Саратов». В переводе на современный язык это 1590 год. Так стал известен год основания Саратова. Но до сих пор ещё не решён вопрос: где же он был основан?

Наши соседи – Самара и Царицын (Волгоград) – давно уже определились и с местами оснований, и с происхождением своих имён. А в Саратове двести лет не перестают появляться версии, «откуда есть пошёл» наш город, а о происхождении его названия написана целая литература. Известно, что «первый» Саратов построил князь Григорий Осифович Засекин.

СТРОИТЕЛЬ НИЖНЕВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ КНЯЗЬ Г. О. ЗАСЕКИН

Саратов был третьим городом, который Г. О. Засекин ставил по указу царя Фёдора Иоанновича: в 1586 году – Самару, в 1589 году – Царицын, и в 1590 году – Саратов. После присо-

-
- Борис Николаевич Донецкий родился в 1945 году в Саратове. Член Союза архитекторов и Союза журналистов России. Среди известных творческих работ – часовня у родника «Белый ключ» и арочный вход в «Салон новобрачных» на ул. Волжской (угол ул. Некрасова). Его проект «Саратов – Дом космонавтики мира» стал дипломантом Национальной туристической премии им. Ю. Сенкевича. Много писал о проблемах сохранения объектов культурного наследия. По его инициативе были возвращены исторические названия некоторым площадям и улицам Саратова. В статье «Кто построил Саратовский университет» доказал, что автором 1, 2 и 3-го корпусов СГУ, наряду с К. Л. Мюфке, является выдающийся петербургский архитектор Л. П. Шишко. Совместно с историком и краеведом Е. К. Максимовым издал биографический словарь «Архитекторы Саратова», а в 2012 году вышла его книга-расследование «По саратовским следам «Золотого телёнка».

единения к России Казани (1552) и Астрахани (1556) между ними на Волге не было ни одного поселения. Здесь хозяйничали ногайцы, переправлялись на правый берег и совершали набеги на окраинные русские поселения, а вольные «воровские» казаки грабили идущие по Волге торговые и посольские суда. Тогда и зазвучали имена народных героев-разбойников Ермака, а потом и Стеньки Разина.

Род Засекиных появился в начальный период русской истории от потомков великих киевских князей Рюриковичей. Прямой предок князей Засекиных – второй сын Василия Грозные Очи Глеб Васильевич. Основоположником старшей ветви князей Засекиных стал Пётр Засека. «Засека» – это прозвище, которое указывает на явную связь с засечными линиями*. Отец Григория Осифовича был практически нищим. *«За ним числилось «деревень живущих 2, да 8 деревень пусты, да пустошь, а дворов 3, а людей 5 человек, да 14 дворов пусты».* Год рождения Григория Засекина неизвестен, предположительно он появился на свет в конце 40-х–начале 50-х годов XVI века.

В документах, относящихся к 1580–1590 годам, отчество Григория Засекина встречается в форме «Осипович», трансформируясь из наиболее раннего «Осифович». Имя отца везде употребляется однозначно как Осиф.

Службу свою Г. О. Засекин начинал в северо-западном или западном пограничье России, где впоследствии служил головой и младшим воеводой.

Серьёзной школой для молодого воеводы стало участие в Ливонском походе 1577 года. А в 1583 году он назначается воеводой недавно построенного в Среднем Поволжье города Алатыря. Город оказался одним из ключевых пунктов в организации сторожевой и станичной службы в Поволжье. Разъездные станицы, посылаемые Г. О. Засекиным, контролировали не только ближние к Алатырю места, но и заезжали к Волге ниже Самарской Луки и Увёка.

Идея сооружения городов-крепостей на Волге между Казанью и Астраханью появилась в 1550-е годы одновременно с присоединением Нижне-Волжского края к Российскому государству. Волга стала основной торговой артерией страны, по ней с ранней весны к Астрахани и обратно шли караваны судов – торговых, посольских, военных. *«Этот путь необходимо было закрепить и обезопасить, и лучшего способа, чем поставить крепости в наиболее уязвимых стратегических пунктах Волги, правительство не знало, – пишет в своей книге о князе Г. О. Засекине Э. Л. Дубман. – ...В 1555 году ногайский князь Исмаил просил Ивана Грозного, чтобы тот велел поставить «на всех перевозех (через Волгу) по 200 человек», дабы враги «не пришли водяным путём».* В числе перевозов подразумевались Самарское урочище, устье Иргиза и так называемая Переволока в междуречье Волги и Дона. Крепости Исмаилу нужны были для того, чтобы уберечь целостность своего государства, так как многие мурзы со своими ордами бежали в Крым и на Кубань, а также для защиты кочевий от нападения вольного казачества, других кочевых соседей».

Строительство крепостей на Волге стало возможным только после завершения Ливонской войны, когда на русском престоле воцарился сын Ивана Грозного – Фёдор Иоаннович. На первом этапе намечалось построить Самару и Уфу. *«И как бы ни внушали московские приказные чиновники ногайским послан, что Самара и Уфа построены для их же блага, чтобы уберечь ногаев от нападений вольных казаков, но ногайский хан Урус и его*

* Засечная линия – система оборонительных сооружений, применявшаяся с XIII века на Руси.

окружение прекрасно поняли сложившуюся ситуацию». Впоследствии ногайские татары даже осаждали Самару (в 1615), «желая вырвать эту занозу из своих владений».

Самару было поручено строить тогдашнему алатырскому воеводе Григорию Осифовичу Засекину. И в начале сентября 1586 года Самара уже принимала и размещала русские и ногайские посольства, снабжала их продовольствием и всем необходимым, отправляла стрельцов, сопровождавших караваны судов.

У первого самарского воеводы – Григория Засекина – кроме организации строительства было множество других проблем. Важнейшей из них являлась защита крепости от внезапного нападения кочевников. Не менее трудными оказались сношения с волжским казачеством.

Самара, 1636 год. Рис. А. Олгария

В 1588 году начались подготовительные работы для строительства ещё одного волжского городка, на этот раз на знаменитой Переволоке, т. е. в том месте, где Волга и Дон подходили особенно близко друг к другу. В 1569 году турки пытались даже прокопать канал для соединения Дона и Волги.

Побывавшие на месте горододельцы (проектировщики) решили строить Царицын на невысоком острове. Его территория уже давно, со времён взятия Казани и Астрахани, использовалась для стоянки русских караулов. Государевым указом строить город тоже велели Григорию Засекину.

В отличие от Самары, для которой было выбрано единственно верное место, Царицыну пришлось в будущем «переезжать» с острова на правый берег. На старом «Большом Чертеже» (1598) он ещё стоит на острове.

Перенесение города было вызвано, возможно, размыванием острова во время сильных половодий или недостатком места на нём для развития города. Перенос городов на новое место был в Русском государстве XVI–XVII вв. довольно обычным явлением.

Царицын. Рис. А. Олеария. 1636 год

Осенью 1589 года Засекина отозвали в Москву в ведение Разрядного приказа для участия в шведском походе. В конце февраля 1590 года поход закончился и полки вернулись в Новгород и Псков. Дворян начали отпускать на отдых в свои имения. Но Засекина ждало новое назначение: на Нижнюю Волгу, на этот раз предстояло строить Саратов.

Подробностей о сооружении Саратова не сохранилось, а вот когда он был построен, могли узнать ещё в конце XIX века. История эта хорошо известна и многократно упоминалась в краеведческой литературе: в 1891 году на выставку, которую устраивала Саратовская учёная архивная комиссия в связи с 300-летним юбилеем города, было представлено рукописное Евангелие конца XVI века, в конце которого на чистом листе переписчик этой книги поп Денис Иванов сделал приписку: «Лета 7098 месяца июля во 2 день в память Положения Пояса Пречистыя Богородицы приехал князь Григорий Осипович Засекин да Фёдор Михайлович Туров на заклад города Саратова ставити». Денег на выкуп книги не нашлось, а надпись посчитали подделкой. Но копию с надписи всё-таки сняли. И только в 1941 году, когда был опубликован труд академика М. Н. Тихомирова «Малоизвестные летописные памятники XVI века», выяснилось, что та запись на Евангелии была подлинной. Теперь год основания Саратова перестал вызывать сомнения. 7098 год – это год от «сотворения мира», а по-нашему – 1590 год от Рождества Христова.

2 июля 1590 года стали считать днём основания Саратова. Но закладка города не могла произойти 2 июля. Во-первых, в записи говорится только о том, что в этот день приехали Засекин и Туров. А ещё предстояло разгрузить пришедший по Волге караван судов (если воеводы приплыли на одном из них), соорудить временное жильё и другие необходимые постройки.

Во-вторых, существовал и неукоснительно соблюдался «Чин (порядок) закладки городов», связанный с освящением места, где он должен быть построен. Это мероприятие предписывалось проводить торжественно в воскресенье или в предпраздничные дни.

День приезда воевод – 2 июля 1590 года – выпал на четверг. А на ближайшее воскресенье приходился праздник явления иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани. Большинство стрельцов, прибывших в Саратов,

были как раз из Казани, и многие из них могли быть очевидцами чуда явления иконы, которое произошло в Казани в 1579 году. Мы считаем, что закладка города Саратова могла произойти в воскресенье, 5 июля (по старому стилю) 1590 года.

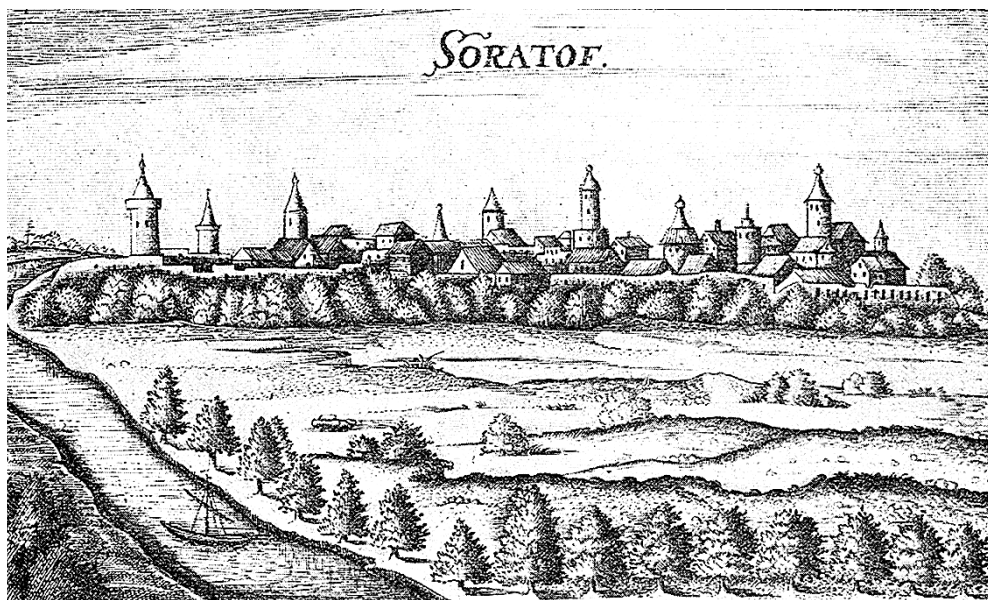
При выборе места для нового города обязательно проводился опрос знающих людей в т.ч. и о том, как называлось это место.

Зимой под Казанью начали заготавливать лес для строительства города, тут же собирали срубы основных оборонительных сооружений, каждое бревно помечали плотницким счётом, затем срубы разбирали и вывозили ближе к волжскому берегу, на место, заливаемое полыми водами. К началу половодья всё было готово, и караван судов направился вниз по Волге, к месту будущего строительства.

Правительство подробно расписывало, как организовать поход до места строительства, что везти на судах, кому идти с конной ратью берегом, как располагаться на месте.

«Возведение крепости, – считает Э. А. Дубман, – происходило так: на волжском берегу строители и стрельцы соорудили сначала временный лагерь – поставили шалаши и другие временные жилища, выставили караулы. Потом воевода и горододельщики сверяли с чертежами реальную местность. Пока Засекин с Туровым окончательно определялись с местом сооружения крепости, а горододельщики размечали участки под различные строения, работные и служилые люди разгружали суда, вытаскивали на берег брёвна и раскладывали их в определённом порядке».

Место закладки города было освящено особым ритуалом, как того требовала традиция, с молебном и освящением воды. На размеченной рабочей площадке сооружались стены с башнями и церковь. Внутри кремля строили съезжую избу, избы для воеводы и начальных людей, представителей духовной власти, детей боярских, «осадные клетки» разного служилого и посадского люда, склады для военных припасов, житницы и т.д.

Саратов, 1636 год. Рис. А. Олеария

Город построен, и горододелец в Челобитной, поданной в Разряд, говорит о выборе места под город Саратов: *«И послал ты, государь, меня, холопа твоего, со своим государевым воеводою со князем Григорьем Засекиным... в 98 году (1590 г. – Б.Д.) на Волгу... для городской сметы и острожной. И я, государь, город и острог сметил и под город место занял... И после того, государь, послал ты холопа своего, меня, к воеводе князю Григорью Засекину... город делати и острог. И я, государь, у твоего государева дела изопрел, изпрозаймовался и оборвался, и проел вся, и ты, государь, пожалуй денежным жалованием. Да мне ж, государь, давано, как я город сделал, по два рубли и по сукну».* На челобитной имеется помета: *«Дати ему четыре рубли, что город и острог делал».*

Признаюсь, эта челобитная про другой город, построенный в то же время. Пришлось заменить в ней тот город на Саратов, того князя на Засекина и дату на саратовскую. Но ведь с Саратовом было то же самое, только документ не сохранился.

...В очередной раз на пустынном волжском берегу воевода с горододелщиками обходил место, где по государеву указу надо было строить новую русскую крепость... Так начиналась история трёх волжских городов: Самары, Царицына и Саратова. А первым воеводой в этих городах был князь Григорий Осифович Засекин.

ОСНОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, НА КОТОРЫХ СТРОЯТСЯ ВЕРСИИ ОСНОВАНИЯ САРАТОВА

В документах, преданиях, записках путешественников и на географических картах Саратов отмечался то на правом, то на левом берегу Волги, то на Увеке, то в Пристанном, то у Глебоврага, то на реке Саратовке, то сразу на двух берегах, а то и вовсе – на острове. Но все версии и гипотезы о месте основания Саратова строятся в основном на нескольких исторических документах, где упоминаются расстояния или другие привязки к местности, а также карты Московского государства XVII века. Таких основных документов четыре:

1. «Книга Большому Чертежу», написанная в 1627 году.
2. Переписка о зимовке в 1600–1601 гг. в Саратове персидского и русского посольств.
3. «Памяти стрелецким головам», посланным в мае 1614 года в Астрахань.
4. Карты Московского государства Г. Герритса (1613) и И. Массы (1612, 1614).

1. «Книга Большому Чертежу» – это подробное описание карты всей территории России и соседних государств XVI–XVII веков, так называемого «Большого Чертежа всему Московскому государству», составленного по указанию царя всея Руси Иоанна Васильевича. В 1552 году Иван Грозный *«велел землю измерить и чертёж всему государству сделать».* Развернулась громадная по своим масштабам работа по сбору материалов и составлению «чертежей» отдельных областей.

Рабочими измерительными инструментами в то время были две мерные верви в 30 и 80 сажень.

Уже в XVI веке чертёж-карта становится основным документом при отображении территории государств, городов, урочищ и сооружений. Возникает новая профессия – «чертещик» (картосоставитель), именуемый иногда «знаменщиком» или «иконником».

В Разрядном приказе, ведавшем военными делами страны, на основе локальных чертежей, карты волжских пристаней, волжской лоции и других подготовительных материалов был составлен «Большой Чертёж всему Московскому государству». В первой половине 1598 года на карту был нанесён последний объект. «Большой Чертёж» вычерчен от руки в одном экземпляре, размером примерно 1,0x1,0 сажень, или 2,13x2,13 метра. Он уцелел от ужасного московского пожара в 1626 году, но от частого употребления сильно пострадал – *«избился и развалился весь»*. И по царскому указу в 1627 году, *«примераясь к тому старому чертежу, в ту же меру... что в чертеже цело»*, был сделан «Новый Чертёж». *«И на том чертеже города и реки, и всякие урочища велели подписать порознь, подлинно, как было подписано всякому урочищу в старом чертеже...»* Никаких дополнений и изменений в новый чертёж не вносилось – он был только скопирован, и было сделано текстовое описание старого «Большого Чертежа» – «Книга Большому Чертежу». В неё непосредственно со старого «Чертежа» переносились географические названия, направления и расстояния. Эту работу выполнил Афанасий Мезенцов.

По единодушному мнению учёных, «Книга Большому Чертежу» – это основной и самый авторитетный историко-географический справочник о Московском государстве XVII века. Сам «Большой Чертёж» до нас не дошёл, и «Книга Большому Чертежу» (КБЧ) тоже, но она известна в многочисленных копиях, сделанных в XVII веке. Наиболее авторитетным научным изданием является последняя публикация КБЧ 1950 года, выполненная под редакцией К. Н. Сербиной и учитывающая все сохранившиеся на тот момент известные списки памятника. *Язык «Книги Большому Чертежу» прост и не допускает вольного толкования. О Саратове в ней говорится: «А ниже Самары 200 вёрст на Волге город Саратов».*

Остальной текст о Саратове будет приведён в разделе «Наша версия».

2. В 1892 году под редакцией Н. Н. Веселовского вышел второй том «Памятников дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». В книге была опубликована переписка зазимовавших в Саратове русского и персидского посольств с царём Борисом Годуновым. Персидское посольство возвращалось домой, а русское направлялось в Персию, чтобы известить шаха о восшествии на престол московского нового царя – Бориса Годунова и провести переговоры *«для постановления между царём Борисом и шахом Аббасом доброй дружбы и вечного союза»*. Шаху везли подарки: медведя, двух соболей, кречетов, два куба винных (самогонные аппараты. – Б.Д.) и что-то ещё.

В пути происходило много событий, о которых сразу сообщали царю. Персидский посол Перкулы бек писал жалобы, а русский посол князь Александр Фёдорович Жировой-Засекин и саратовский воевода Григорий Фёдорович Елизаров объяснялись, спрашивали, какие будут указания; царь отвечал, отдавал приказы.

В этом послании подробно описано, что произошло 24 октября 1600 года: *«...А октября, государь, в 24 день у нас, холопей твоих... да у твоих госу-*

даревых кречетников, и у толмачей, государь, и у подъячего на Волге, против Курдюма-острова, не доходя, государь, до Саратова за семь вёрст, погодьемъ суды разбило. И что, государь, послано было отъ тебя государя къ Аббасъ шаху... у меня, холопа твоего, у Олешки, на судне потонули... А октября, государь, в 25 день пришли мы, холопи твои, с кизылбашским послон с Перкулы беком на Саратов». Посольствам пришлось зимовать в Саратове, а для того, чтобы по весне продолжить плавание, по государеву указу у местных жителей были выкуплены вместо разбитых судов 11 лодий и ушкул.

В перечне судов упоминается «ушкул Мишки из «Новой слободы» – значит, была и Старая слобода. У местного населения для прокорма дорогих, но незваных гостей воевода скупал скот, кур, яйца, калачи, масло коровье, крупы, лук, чеснок, мёд. В конце мая 1601 года оба посольства после трудной зимовки в Саратове отправились в Астрахань.

Из приведённой выше переписки мы получили ценную информацию, что суда разбились «...против Курдюма-острова, не доходя... до Саратова за семь вёрст...»

Историк А. А. Гераклитов в своей работе «Где был основан Саратов в 1590 году?» считал, что «судно» (описка, т. к. пострадавших судов было несколько. – Б. Д.) разбилось у правого берега. Он помещал Саратов в районе села Пристанное.

Но измерить расстояние в семь вёрст от места крушения судов до Саратова можно иначе. В Московском государстве официально применялось две версты: путевая, равная 500 саженой (1,08 км), и межевая (казённая), равная 1000 саженой (2,16 км). А по словам А. И. Шахматова, на Волге пользовались и 700-саженными вёрстами. Из-за этого трудно бывает определить, какие же вёрсты указаны в документе.

Но переписка с царём велась официальным путём, и расстояние в семь вёрст указывалось, вероятно, казёнными верстами в 1000 саженой (2,16 км). И если мы от Курдюма-острова отложим семь межевых (казённых) вёрст, то окажемся в районе Глебучева оврага. И в переписке этому есть косвенное подтверждение: суда разбились 24 октября, а до Саратова послы добрались только 25 октября («А октября, государь, в 25 день пришли мы, холопи твои, с кизылбашским послон с Перкулы беком на Саратов»). Послы могли, наверное, добраться до Саратова и на уцелевших судах, но написано: «пришли». От Курдюма до Саратова (до Глебовврага) около 18 км, дойти можно не спеша за 6–8 часов.

3. А. А. Гераклитов пишет, что в зиму 1613–1614 гг. Саратов сгорел, и около 200 стрельцов с трудом добрались до Самары, «...душой да телом... конные пеши (без коней. – Б. Д.)». Но вот когда сгорел Саратов, требуется уточнить, потому что в тех же «Памятниках дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией» (Т. 2), где говорится о зимовке двух посольств в Саратове в 1600–1601 гг., есть упоминания о саратовских стрельцах, пришедших в Самару:

С. 220: «А люди, государь, самарские и саратовские стрельцы бедны и наги, ходят в серыхъ зипунахъ, а саратовские, государь, стрельцы разорены. А самарскихъ, государь, конныхъ стрельцов только пятьдесятъ человекъ, а саратовские, государь, стрельцы конные пеши».

С. 241: «Такова память прислана изъ казанского дворца: по окладнымъ книгамъ прошлого 121 году (1612–1613 гг. – Б.Д.), каковы присланы съ Самары въ нынешнемъ во 122 году: ...на Самаре жъ саратовскихъ конныхъ стрельцовъ 75 человекъ да пешихъ 130 человекъ. И саратовскихъ стрельцовъ на Самаре 205 человекъ». Получается, что Саратов сгорел на год раньше – в 1612–1613 гг. События 1614 года, о которых пойдёт речь, коснутся и саратовских стрельцов, оказавшихся в Самаре...

Казачий атаман Иван Заруцкий – один из авантюристов Смутного времени, покушался и на шапку Мономаха, чтобы «*быть при ней в Московском Кремле*». Считается, что он тайно женился на вдове Лжедмитрия Марине Мнишек, от которого она уже родила сына Ивана. На Руси этого младенца «царевича» называли «ворёнком».

Зимой 1613 года Заруцкий овладел Астраханью, казнил воеводу и многих других людей, «*не разбирая ни сана, ни пола, ни возраста*». Население Астрахани восстало, и Заруцкий, запершись в кремле с тремя сотнями своих сторонников, начал обстреливать Астрахань из пушек.

До Москвы дошли слухи о том, что Заруцкий сговорился с ногайцами и начал поход на Самару и далее на Казань. Сборным пунктом для примкнувших к нему казаков было назначено Саратовское городище.

Чтобы пресечь этот поход, снарядили войско под командованием воевод князя И. Н. Одоевского и окольного С. В. Головина. И 17 мая 1614 года из Самары срочно был отправлен на лёгких стругах передовой стрелецкий отряд (около трёх тысяч человек) с приказанием как можно быстрее прибыть в Астрахань, не останавливаясь нигде в пути. Однако стрелецкие головы на четвёртый день заехали (вероятно, по просьбе саратовских стрельцов) на Саратовское городище, где занялись поисками «поклажев» (спрятанных в погребах и ямах от пожара вещей). Прибывшие 23 мая 1614 года на то же городище вместе с основным войском воеводы Иван Одоевский и Семён Головин разгневались и в «Памяти стрелецким головам, отправленным из Самары в Астрахань» объявили им выговор за нарушение приказа.

И, самое главное, было названо расстояние от Саратовского городища до Саратова. В «Памяти стрелецким головам» читаем: «*Лета 7122 Майя в 23 день, по Государеву Царёву и Великому Князя Михаила Фёдоровича всея Руси указу, память головам шти (шести) человеком. Писали вы к боярину и воеводам, ко князю Ивану Никитичу Одоевскому, да к окольному к Семёну Васильевичу Головину, да к диаку к Василию Юдину, что вы приехали на Саратовское городище Майя в 21 день; и вы с Самары отпущены под Астарахань Майя в 17 день, а велено вам ехать к Астарахани наспех, днём и ночью, и вы ехали от Самары до Саратовского городища полчетверта дни (четыре дня), а пишете к нам, отнимаетесь погодою, и вам было в лёгких стругах под погодою мочно ехать наспех, погода вас не издержала; и вы то делаете негораздо, государевым делом не радеете, что едете мешкотно, заезжали есте на Саратовское городище, и копали ямы, и искали поклажеев, а от городища заезжали к Саратову близко десять вёрстъ и прислали колокола, а мы вас послали под Астарахань наспех, а не ям копать и не поклажеев искать и не для колоколов*».

Сторонники основания Саратова на правом берегу, на реке Гусёлке, соглашаются, что он сгорел и превратился в «Саратовское пепелище», а найденные колокола отвезли «...в Саратов близко десять вёрстъ». Но это куда? Ведь новый Саратов на реке Саратовке, как уточняет историк Я. Н. Рабинович, будет отстроен только в 1615 году. А куда стрельцы привезли колокола в 1614 году? Автор книги «Старый собор и Старый

город» М. Н. Беликов даёт такой ответ: *«Колокола они завезли в некий пункт... который воевода Одоевский назвал в своей «Памяти...» Саратовом. В этом пункте стоял, вероятно, воинский отряд – ведь должны же были какие-то люди... принять от стрельцов колокола».*

Может быть, стоит всё-таки поверить воеводе Одоевскому, что передовой отряд завёз колокола не в «пункт», а в Саратов?

И тут надо признать очевидным, что до пожара существовало два Саратова: один на правом берегу Волги – посад, другой на левом – крепость. После того как Саратов-посад сгорел, его стали называть «Саратовским городищем» или «Саратовским пепелищем», а Саратов-крепость на левом берегу продолжал нести свою службу. И про гибель его нигде не говорится. И саратовского воеводы среди пришедших в Самару стрельцов не было...

А то, что Саратов в 1613 году нигде не упоминается, объясняется просто. Зимой 1613 года атаман Заруцкий со своей шайкой захватил Астрахань, после этого посольские и купеческие караваны сменили волжский маршрут на сухопутный – *«из Самары по левым степям до Дербени и до иных шаховых городов...»*

А в 1614 году в существующий Саратов завезли колокола из сгоревшего правобережного Саратова.

Кстати, стрельцам можно было не спешить: 12 мая Заруцкий с семьёй бежал из Астрахани, но вскоре был пойман и казнён.

4. В качестве единственных прямых доказательств первоначального основания Саратова на правом берегу Волги сторонники этой версии приводят только **карты голландцев Исаака Массы и Гессель Герритса**, где Саратов показан на правом берегу. «Можно ли верить этим картам?» – так и назвал одну из глав своей книги профессор Н. Н. Студенцов.

В 1612 году в Амстердаме вышел сборник географа и гравёра Г. Герритса «Описание земли самоедов и Татарии», в котором были напечатаны две статьи Исаака Массы с приложением карты, в которой было множество ошибок. Через год была напечатана карта Московии Г. Герритса. И. Масса несколько лет до этого прожил в России по торговым делам, интересовался торговыми путями и картами. По словам Массы, он «почти ничему не учился» и никакими знаниями по картографии не обладал. Сходство карт Герритса и Массы вызвало предположение, что первая является просто перерисовкой второй, а источник у них был один и тот же. В картуше* карты Герритса было написано, что она составлена по собственноручному чертежу Фёдора, сына царя Бориса Годунова. Чертёж Фёдора Годунова мог попасть в руки Массы в дни бурных событий Смуты, после разгрома палат Годуновых в 1605 году.

Фёдор Годунов был умным, образованным юношей, увлекался картографией. Отец привлекал его даже к государственным делам. В апреле 1605 года Фёдор стал царём, но через семь недель он был умерщвлён по приказу Лжедмитрия. Картой Фёдор мог заниматься до 1603 года, когда ему было всего 12–14 лет.

По мнению академика Б. А. Рыбакова, этот чертёж был, скорее всего, ученической работой подростка, с многочисленными ошибками.

* Картуш – текст, сопровождающий карту.

В самом кратком изложении и обобщении сделанные Б. А. Рыбаковым выводы (причём почти все они говорят о множестве ошибок в карте Герритса) таковы: чертёж царевича содержит несколько последовательных хронологических напластований, т. е. в нём воссоединены карты Московской Руси, относящиеся к разным временам XV и XVI веков. Самый верхний пласт относится к периоду с 1586 года по 1600 год. Ниже его лежат данные чертежа 1514–1536 годов, а ещё ниже – чертежа 1497 года. В географическом отношении он не особенно точен, а *«чертёж дельты Волги является его наиболее грубой ошибкой... Этот крупномасштабный чертёж неумело прилажен к общему рисунку Волги таким образом, что Ахтуба поднялась на север на целых 300 км против натуры», «поэтому на карте получилась несуразица: Ахтуба при механическом сложении двух чертежей подошла к Саратову».* Тот факт, что именно на этом участке чертежа царевич дал полную волю своей фантазии, подтверждается нанесением здесь не существовавшей в действительности засечной черты от Волги (на полпути от Саратова к Царицыну) к верховьям Дона.

С такими явными ошибками (и особенно на участке Нижнего Поволжья) принимать карту Герритса за серьёзное доказательство основания Саратова на правом берегу Волги нельзя. Карты Г. Герритса и И. Массы – это не аргумент.

В противовес *«замечательным картам Г. Герритса и И. Массы»* (так назвали их Ф. Ф. Чекалин и А. А. Гераклитов), профессор Н. Н. Студенцов ссылается на приложение к «Очеркам истории СССР», опубликованным в 1955 году: *«В этом приложении на трёх картах Русского государства самого начала XVII века Саратов показан на левом берегу Волги. Вероятно, нет необходимости говорить о том, что это фундаментальное издание Института истории АН СССР основано на документально проверенных, достоверных данных».*

Пионером в деле изучения истории Саратовского Поволжья был **Андрей Филиппович Леопольдов** (1800–1875) – чиновник, краевед, писатель, этнограф, журналист. В 1839 году в Петербурге выходит двухтомная монография А. Ф. Леопольдова «Статистическое описание Саратовской губернии».

Впервые Леопольдов предпринимает попытку выяснить некоторые проблемы, связанные с основанием нашего города. По его мнению, он был основан в 1591–1592 гг. на левом берегу Волги в устье реки Саратовки. В то время ещё хорошо были видны следы левобережного Саратова: ямы, бугры, груды кирпичей от развалившихся печей, но каменных строений не было. Наличие этого городища воспринималось как наглядное доказательство существования здесь первоначального Саратова.

А название своё, считал Леопольдов, город получил от татарских слов «сары тау» – «жёлтая гора».

В 1888 году наш земляк А. А. Гоздаво-Голомбиевский (1863–1913), секретарь императорского Русского исторического общества, передал в СУАК копии старинных грамот по Саратову, хранившихся в Московском архиве Министерства юстиции. Среди них была грамота царя Алексея Михайловича с указом: *«Саратов город делать на горах новый».* Так было установлено время окончательного переноса Саратова на правый берег – 1674 год.

Профессор Саратовского университета **Александр Александрович Гераклитов** (1867–1930) сначала в статье «Где был построен Саратов

в 1590 году?» (1914), а затем в большой специальной работе «История Саратовского края XVI–XVIII вв.» (1923) приходит к выводу, что первый Саратов был основан на правом берегу Волги, в районе современного села Пристанное. Позднее эта версия была дополнена и развита В. А. Осиповым в книге «Очерки по истории Саратовского края, конец XVI и XVII вв.», уточняющего, что место основания Саратова – «ниже современного с. Пристанное, точнее, на р. Гусёлке». Этой версии придерживается большинство саратовских историков и краеведов (Осипов В. А., Максимов Е. К., Худяков Д. С., Семёнов В. Н., Браташова С. А. (в 2011 г.), Беликов М. П. и примкнувший к ним археолог Дрёмов И. И., считавший ранее, что Саратов был основан на Шумейском городище). И сейчас эта версия считается почти официальной.

В 1988 году вышла небольшая по объёму книжка доктора педагогических наук, профессора **Николая Николаевича Студенцова** (1900–1990) «Две загадки Саратова». Это одна из наиболее интересных работ саратовского краеведения.

В ней в научно-популярной форме Н. Н. Студенцов обобщает результаты исследований предшествующих авторов и предлагает свою версию решения двух основных проблем (места основания и происхождения имени Саратова).

На автора, пишущего этот очерк, вышедшая в 1988 году книжечка Н. Н. Студенцова произвела ошеломляющее впечатление: использованием исторических документов, основанных на «точно установленных наукой фактах»; убедительным анализом других версий и признанием «Книги Большому Чертежу» основным и самым авторитетным источником. В книге Н. Н. Студенцова были даны ответы, казалось бы, на все загадки Саратова.

Н. Н. Студенцов. 1988 г.

Последняя книга

Но хотелось уточнить только один вопрос, и я договорился с Николаем Николаевичем о встрече. Меня провели в комнату, где он сидел в старом деревянном кресле с подлокотниками, ходить ему уже было трудно. Он был очень стар, время от времени он смешно постукивал ногами в тёплых ботинках по полу. Но мы сумели поговорить. Я напомнил ему цитату из его книги: *«Фраза: река Увека, которая «пала в Волгу против... Саратова» – не может иметь никакого иного толкования, как только в самом прямом смысле».*

Но реально «против» не получается, потому что Николай Николаевич имел в виду Саратов на реке Саратовке, а это около 15 км от места, что действительно через Волгу напротив Увека. Н. Н. Студенцов поясняет в книге: *«...не надо забывать, что «Книга Большому Чертежу» списывалась» непосредственно с «Чертежа», масштаб которого, напомним, был 75 вёрст в одном вершке, т.е. 18,5 км в 1 см. При таком масштабе получалось, что составитель видел перед собой Увековку и Саратов на одном «срезе». Следовательно, он вполне правомерно употребил здесь предлог «против».*

Я сказал Николаю Николаевичу: «А может быть, и надо понимать буквально – «напротив», как мы сейчас это видим? Тогда место Саратова оказывается в районе Анисовки». «Возможно-возможно», – ответил он.

В последние годы в Саратове вышли две хорошо изданные книги Светланы Александровны Браташовой, кандидата географических наук: «Волга инкогнито» (по картам II–XVIII веков) в 2011 году и «Ранний Саратов: на перекрёстке путей и эпох» в 2015 году. Книги переполнены новой, неизвестной для меня информацией, смелыми предположениями и фантастическими версиями. Например: возможно, что *«цитадель Увека по указанию Тохтамыша... перенесена на левый берег».*

Зато Светлана Александровна убедительно показала, что Тамерлан в погоне за Тохтамышем до Увека не доходил, следовательно, не жёг и не разрушал его, и что Ибн Баттута на Увеке не был, а *«город средней величины и красивой постройки...»* – это город Укак у современного Мариуполя на Азовском море.

Дата основания Саратова – 1590 год – вызывает у Браташовой сомнения. У Саратова, считает она, были предшественники: «загадочная Саратара». В первой книге «Волга инкогнито» (2011) Светлана Александровна была согласна, что Саратовская крепость, поставленная в 1590 году и сгоревшая зимой 1613/14 года, находилась в Курдюмских займищах (у с. Пристанное.– Б.Д.), а новый город Саратов был воссоздан в 1617 году на левом берегу Волги, на реке Саратовке, где раньше, по её мнению, стояла мифическая «Сарата» (ссылка на карту А. Олеария). Но на его картах Волги наш город называют и Sarata, и Saratof, и Saratoff, а в русском издании 1906 года вообще – Sorato). Но это ошибки переводчиков и иностранных издателей карт, не более того. В переписке зазимовавших в Саратове посольств на одной и той же странице из-под руки пишущего появляются «САмара» и «СОмара», «САратов» и «СОратов».

Во второй своей книге Светлана Александровна своё отношение к версии основания Саратова в районе Пристанного изменила: *«Да и никаких остатков саратовского острога, как и следов пожара, уничтожившего, по сохранившимся сведениям, эту крепость в 1613 году, на этом мысу не найдено».*

Теперь, по её мнению, Саратов в 1590 году был поставлен на острове. Причина? *«Опрометчивая жестокость князя Г. О. Засекина, которая и привела к 84-летней одиссее Саратова».* Будучи воеводой в Самаре, Засекин вынужден был казнить нескольких казаков, в том числе и знаменитого атамана Матюшу Мещеряка. Поэтому С. А. Браташова считает, что от страха мести казаков у него *«как-то вдруг пропал градостроительный дар»*, поэтому Царицын и Саратов Г. О. Засекин построил на островах.

Кажется, Саратов дождался своего Фенимора Купера.

В 2015 году любители истории Саратова получили ещё один подарок: археолог, кандидат исторических наук **Игорь Иванович Дрёмов** опубликовал свой очерк «Две разгадки Саратова». Если помните, тридцать лет назад профессор Н. Н. Студенцов назвал свою книжку «Две загадки Саратова». Вот теперь, после прочтения очерка И. И. Дрёмова, загадок, надо думать, у Саратова больше не останется.

«Уже из названия нашего города следует, что для строительства Саратова был выбран не Увек!» – делает вывод И. И. Дрёмов.

Дальше идёт анализ «Книги Большому Чертежу», в котором Игорь Иванович склоняет читателя к мысли, что при её написании (в 1627 году.– Б.Д.) автор упоминает Саратов на левом берегу только потому, что в это время он действительно там находился. Это неверно: если в КБЧ Саратов записан на левом берегу, это означает, что его видели на этом месте в конце 16 века, когда был закончен «Большой Чертёж». Это бесспорный, точно установленный наукой факт.

Версию основания Саратова на левом берегу Волги в районе посёлка Анисовка И. И. Дрёмов подвергает беспощадной критике: *«...данные «Книги Большому Чертежу», по мнению архитектора и краеведа Б. Н. Донецкого, указывают на расположение первого Саратова напротив Увека в Анисовке... Эту территорию неоднократно обследовали, так как некоторые археологи жили или живут недалеко... Ни русских, ни золотоордынских арте-*

фактов не находили... Я осматривал здесь береговые обнажения и котлован строящегося дома на самом мысу Волги у подтопленного устья оврага. Кроме поверхностного современного бытового и строительного мусора, нет даже намёка на культурный слой... Утверждения Б. Н. Донецкого... беспочвенны... У автора необъяснимым образом не нашлось места для единственных двух пунктов, согласующихся и с документальными источниками, и с археологическими находками – для устья Гусёлки и для Шумейского поселения».

Про находки на реке Гусёлке мы расскажем позже, а «Саратов на Шумейке» – это личная версия Игоря Ивановича (тоже, кстати, «левобережная»). Он даже сумел организовать там масштабные археологические раскопки, и сам сознаётся, что не было найдено никаких признаков Саратова. И это при том, что все расстояния сходятся: и *«не дошел до Саратова за семь вёрст»*, и *«от городища заехали к Саратову близко десять вёрст»*; и речка Гусёлка напротив, и брод, и Курдюмские пожни, и – «остров»!

«Моя версия согласовывалась с письменными источниками и подтверждалась несколькими находками. Здесь на берегу был найден русский горшок... и обломки русской керамики, но следы русского города не выявлены, – как бы разводит руками Игорь Иванович, – возможно, когда Ф. М. Турова назначили в 1590 году в Саратов, здесь или поблизости на острове уже была застава, в которую они с князем Г. О. Засекиным приехали на заклад города, но крепость заложили на близлежащем берегу».

Прочитав этот маленький рассказ И. И. Дрёмова о закладке Саратова, напрашивается вопрос: для чего Туров и Засекин проделали такую странную манипуляцию?

«Итак, мы выяснили, – подводит итоги Игорь Иванович, – что места расположения первого Саратова на Увече, в Анисовке и Глебучевом овраге противоречат всем письменным источникам...»

Вынеся свой окончательный приговор вышеперечисленным версиям, Игорь Иванович возвращается к своей – «Саратов на Шумейке»: *«Местность у Шумейки согласуется со всеми документами, отвечая, в том числе, определению «Саратов-остров», но не подтверждается археологическими раскопками...»*

Сочетание «Саратов-остров» более подходит к Шумейскому поселению, но не исключается и правый берег. На острове могла находиться застава, предшествовавшая городу, в таком случае, выражение «Саратов-остров» первое время могло использоваться по инерции. Могли и местность в устье Гусёлки по какой-то причине называть островом».

И. И. Дрёмов

Все эти «аргументы»: «могла», «могло», «могли» – убедительно показывают, что «не могли».

Об имени Саратова Игорь Иванович высказал оригинальную версию – разгадку. Но сначала он знакомит нас с одной новейшей, а потом называет «свою».

«В 2015 году в монографии «Чингизизм...» опубликована версия казахского физика Мухаммет-Халел Сулейманова, где Саратов назван в честь предводителя сартов Сары-ата, откочевавшего на Волгу и похороненного на горе Сары-ата тау...» («Сары», мы знаем, – жёлтый, «ата» – отец, «тау» – гора. Получилось: Саратов – «жёлтый отец горы». Неплохо. – Б.Д.)

«Для географических представлений кочевников, которые населяли степные территории в течение тысячелетий, важнейшими являлись определения сторон света... Слово «сары» часто означает в тюркских языках и, как правило, в топонимах не «жёлтый/красивый», а «сторона»... «Сары» может означать только направление... Если исходить от значения «нагорная сторона», всё встаёт на свои места.... Для территории на противоположном, высоком берегу вполне уместно название «Саратау» – «Нагорная сара» или «Нагорная сторона». Это название применительно ко всему правобережью Волги, и его этимология может вызывать сомнения, но в данном случае оно относится к конкретному участку правого берега. Участок этот расположен между р. Курдюм и Соколовой горой».

«Саратов», – решительно заявляет И. И. Дрёмов, – «Нагорная сторона»! Вот такая получилась разгадка.

А какая же вторая? Ведь в заголовке статьи обещано «Две разгадки Саратова». Вторая, надо думать, – несостоявшееся основание Саратова на Шумейке.

Но не случайно Игорь Иванович отказывается под конец от любимой Шумейки и называет теперь (всё в одном очерке) не конкретное предполагаемое место основания Саратова, а двадцатикилометровый участок от Курдюма до Соколовой горы – теперь сюда попадает и древнее Алексеевское городище (с/х «Комбайн»). И археолог И. И. Дрёмов в своих статьях и интервью старается доказать, что это городище является предшественником Саратова, и, по результатам раскопок, его возраст можно увеличить на 1500 лет.

Заманчиво? А чего скромничать? Казани можно, а Саратову нельзя? Дагестанский Дербент считается самым старым городом России – 2000 лет. Мы что, ещё 500 лет не наберём? Ведь на Алексеевском городище в землянках уже 3000 лет назад жили саратауны. Сделаем Саратов самым древним городом России! А что?

НАША ВЕРСИЯ

Надо сказать, что версию «Саратов» – «Нагорная сторона» Е. К. Максимов, А. Г. Хижняк и З. Л. Новоженнова высказали задолго до археолога И. И. Дрёмова (в 1990–1991 гг.). А есть ли где-нибудь города с такими названиями, как предлагается Саратову: «Северная сторона», «Луговая сторона» или какая-нибудь другая сторона?

Ближайшие к нам – Мордовия, Пензенская и Тамбовская области – пестрят названиями, содержащими «сар»: *Сара, Сар-Барыш, Сар-Бахтина, Саранск, Санаксары, Сарга, Инсар, Большая и Малая Сарка*; часто встречаются слова: *сар, сарлей, саргужа, сарпандо*.

На Увеке (уже в черте Саратова) есть речка **Саранка**. «**Сара**» – это мордовское слово – «заболоченная река», «заросшая осокой болотистая местность». Может быть, и нам далеко ходить не надо, а в названии «Саратов» поискать мордовские корни?

Слово «**сар**» – одно из древнейших на земле. Река **Сар** – в России, **Сарата** – приток реки Прут, посёлок под Одессой, город **Сарат** – в Казахстане, **Сары-тау** – горные вершины в Кабардино-Балкарии. Остров **Сардиния**! А хазарская **Саркел**! А наши **сарматы**!

Некоторые тюркологи связывают с термином «**сар**» значения: «головной», «главный», «начальный». Можно из этого что-то выбрать. Исстари путешествующие по Волге отмечали, что Саратов стоит на половине пути (от Итиля до Булгара, от Казани до Астрахани, от Самары до Царицына... Саратов – это середина. Или – вершина?). И так гадать можно до бесконечности. Вот и поэт-краевед И. Сорокин говорит о том же: «Слово **САРАТОВ** явно распадается на две части: *сар-*, *сара-* и *-тов*, *-атав*. С блуждающим центром – *сар-А-тов* – первой буквой алфавита, альфой. Если из всех языков и наречий когда-либо обитавших на берегах Волги народов вычленишь смысловые значения этих корней, получится широкое семантическое поле. Настолько широкое, что каждый сможет сотворить из этих корней свой **САРА-А-ТОВ**».

Но установать, почему наш город называется Саратов, никогда и никому уже не удастся. Предлагать правдоподобные и остроумные версии можно сколько угодно. Ведь перед началом строительства городов (в ту эпоху, про которую мы говорим) проводился не только тщательный выбор места, но и расспрос (!) воевод и казачьих атаманов (постоянных жителей тут не было) о названии местности. Сведений об этом расспросе не сохранилось. Архивы сгорели, кочевники откочевали навсегда. Спросить не у кого.

Прочитав книгу Н. Н. Студенцова «Две загадки Саратова», я тоже написал свою версию. В 1998 году в альманахе «Памятники Отечества» № 38 мою статью, сильно сократив, напечатали под названием «Кочующая крепость».

Знакомясь с растянувшейся на многие десятилетия заочной полемикой о месте основания Саратова, трудно объяснить, почему никто из исследователей (кроме профессора Н. Н. Студенцова, автора книги «Занимательная география») не полагался полностью на «Книгу Большому Чертежу»? Упоминали, ссылались, но тут же предлагали свои версии. А ведь этот источник был доступен для исследователей. Книга неоднократно издавалась начиная с 1773 года. Уже говорилось, что «Книга Большому Чертежу», по единодушному (кроме И. И. Дрёмова) мнению учёных, – это основной и самый авторитетный историко-географический справочник о Московском государстве XVII века. И местонахождение Саратова указано в нём очень точно.

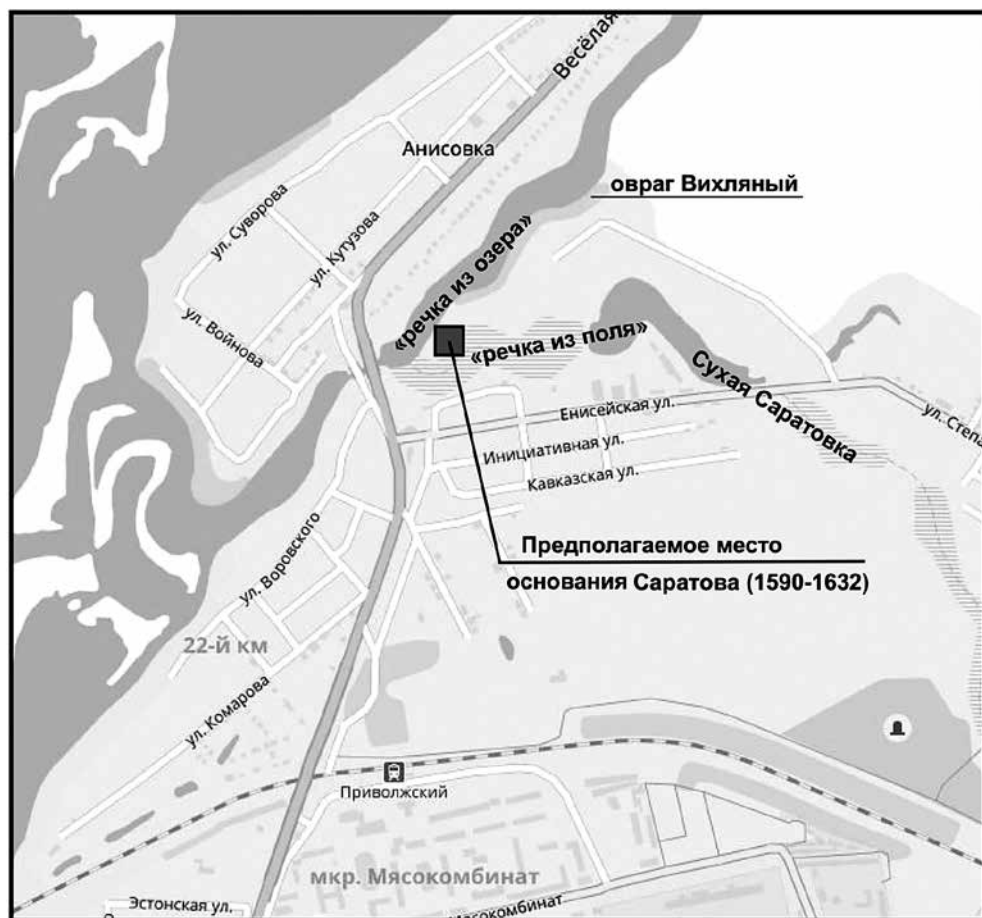
Напомним, что составление «Большого Чертежа» было закончено в 1598 году. В 1627 году с него сделали копию, ничего в него не добавляя. Всю информацию со старого чертежа списали в книгу (названия населённых мест, урочищ, рек, расстояния) и назвали этот труд «Книга Большому Чертежу». Она не сохранилась, но до нас дошло более 30 рукописных списков XVII века. Переписчиками КБЧ давались иногда на полях пояснения, дополнения или приписки. Например, г. Царицын был основан на острове, а затем перенесён на правый берег. На полях одного из списков КБЧ к фразе «А на острове город Царицын...» сделано дополнение: «И Цари-

цын-город с того места перенесён и поставлен на нагорной стороне». О Саратове таких сообщений нет, потому что к 1627 году, когда делали копию с «Большого Чертежа» и писали «Книгу Большому Чертежу», он оставался на своём первоначальном месте, где в 1590 году его поставил Г. О. Засекин.

В КБЧ сказано: *«А Увеша пала в Волгу против города Саратова, выше городища Увешина».* Вот и ответ на волнующий нас вопрос: где был основан Саратов. Куда точнее? Железнодорожный мост наглядно зафиксировал эту историческую связь: на правом берегу – древний Увек, на левом – основан первый Саратов.

Насколько точны расстояния, приведённые в «Книге Большому Чертежу», мы можем узнать, сравнив их с современными данными. Воспользуемся для этого очень надёжным документом – «Лоцманская карта. Река Волга от г. Горького (Нижний Новгород. – Б.Д.) до Астрахани», 1943 года. Расстояния на этой карте («для служебного пользования!») определены очень точно. Водохранилищ ещё не было, и Волга текла в своём старом русле.

В КБЧ в главе «Река Волга», на с. 140, о Саратове говорится: *«А ниже Самары 200 вёрст в Волге город Саратов».* Напомним, что в то время

г. Энгельс, р-н Анисовки. Предполагаемое автором место основания Саратова

в ходу было две версты: в 500 сажен (1080 м) и 1000 сажен (2160 м). Мы на бытовом уровне знаем, что до Самары от Саратова около 400 км. Значит, 200 вёрст из КБЧ даны в двухкилометровых верстах, что составляет 432 км.

Расстояние, взятое от устья р. Самары, где стоял город-крепость Самара, до Саратова, который, согласно тексту КБЧ, был напротив устья р. Увешы (ныне речка Назаровка), по «Лоцманской карте» составляет 446 км. Разница с КБЧ 14 км. С. 143: *«А ниже Ирғыз-реки 30 вёрст Караман-река...»* 30 вёрст в КБЧ равняется 64,8 км, современное расстояние – 63 км. Разница в 1,8 км.

«А ниже Караман-реки 40 вёрсть на Волге город Саратов...» 40 вёрст в КБЧ равно 086,4 км, по «Лоцманской карте» до пос. Анисовка, где Сухая Саратовка подходит к Вихлянному оврагу – 85 км. Разница с КБЧ – 1,4 км. До ж/д моста 87 км. Мы видим, что расстояния по «Лоцманской карте» практически точно совпадают с данными «Книги Большому Чертежу».

Вот мы и пришли к выводу, что Саратов в 1590 году был основан на левом берегу Волги, напротив Увека. Этот Саратов на месте «татарского перелаза» контролировал удобную переправу через Волгу у развалин одного из крупнейших городов Золотой Орды – Увека. Гильом де Рубрук, путешествуя по Волге в 1253 году, назвал Увек новым посёлком, *«который татары устроили вперемышку из русских и сарацин, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда, потому что Бату находится на другом берегу, в восточном направлении...»* Здесь был, оказывается, персональный перевоз всемогущего хана Батые! Вот ещё одна тема для развития въездного саратовского туризма.

Ширина реки здесь в межень была небольшой – 1,2 км (самое узкое место на всей Нижней Волге, что и надо для переправы), а во время высоких вод – около 4,5 км. То есть в половодье левый берег на три километра покрывался водой. Осока, наверное, хорошо росла.

Обратимся опять к КБЧ: *«Под Саратовом пала речка из озера, а другая ис поля»* (в примечании в № 2490 (список КБЧ), л. 156 на полях написано: *«допросить о речке»*). То есть речка *«ис поля»* на «Старом Чертеже», который был закончен в 1598 году, как видим, была ещё безымянной, а назвали её позднее по городу, около которого она протекала, – Саратовкой.

Вот что пишет в 1971 году об этой речке *«ис поля»* самый авторитетный краевед г. Энгельса Константин Иванович Шкода в книге «Город Энгельс»: *«Дальше – разросшееся село и станция Анисовка, а налево, за мостиком через «Сухую Саратовку», – новый район, рабочий посёлок Приволжский. «Сухая Саратовка» – это след той самой реки Саратовки, которая протекала у стен первого Саратова»*. Второй речкой, которая *«пала из озера»*, могла быть та, что протекала по дну Вихляного оврага.

Здесь, у левобережного Саратова примерно в 1606–1608 годах произошёл такой эпизод: ногайский князь Иштерек послал в Саратов к воеводам своих послов. *«Послы прибыли к Саратову по луговой стороне, и саратовские воеводы, не имея... особого доверия к ногайцам, послов... ево Иштерекowych в городке не взяли»*. Послы через Волгу не переправлялись. «Городок» – это левобережный Саратов. М. П. Беликов, из книги которого я списал этот эпизод, считает, что речь идёт лишь о сторожевом форпосте Саратова. Но ведь в «Актах времён царя Василия Шуйского...» написано: *«...прибыли к Саратову!»* Зачем же выдумывать сторожевой форпост в кустах?

О РЕКЕ ТАИБАЛЫК

Описание Саратова в КБЧ дополнено фразой: «...а с нагорной стороны выше Саратова пала река Таибалык...» На карте Адама Олеария на правом берегу Волги, выше Увека, но ниже левобережного Саратова, на реке Ougaslava (название, скорее всего, ошибочное; ныне – река Саратовка), мимо которого он проплыл в 1636 и 1638 гг., показана небольшая речка Таибалык. Автор этого текста предположил, что она протекала по дну нынешнего Глубучева оврага и впадала в Волгу под Соколовой горой.

Автор был очень доволен, что первым «ввёл в научный оборот» реку Таибалык, на которую никто до него не обращал внимания. Оказалось, что река эта непростая (в КБЧ она пишется и Таибалык, и Табалык) и упоминается ещё не раз: «А сверху реки Ланкодода потекла река Табалык прямо в Волгу», «А Сартаба вытекла от Табалыки-реки...», «а Сартаба вязалась верховьем с Табалыком-рекою, да с рекою Бурлуком, да с рекою Медведицею», «а Медведица-река вытекла двумя протоки от Табалыки-реки». С. А. Браташова в своей книге «Волга инкогнито» поправила меня: река Таибалык по Глебоврагу не протекала, Таибалык – это старое название реки Терешки.

Этот Тайбалык (современный вариант названия) запутал многих. Известный историк и журналист М. С. Полубояров написал: «Табалык (Талбалык) – историческое название реки Узы», а про «наш» Тайбалык, который впадает «прямо в Волгу»: «явно не Уза, а Чардым». А ещё две Табалы из КБЧ «в Дон потекли».

Фрагмент карты Волги А. Олеария

Тайбалык упоминается и в Географическом словаре Российского государства А. Щекатова: *«Тайбалык – речка в Саратовской губернии и уезде, вытекающая с нагорной стороны реки Волги и впадающая в оную выше губернского города Саратова»*. Так она и показана на карте А. Олеария – небольшая речка, сразу выше Саратова, впадает в Волгу. В том же словаре есть и река **Терешка**: *«Терешка – река Саратовской губернии, начавшись в северной стороне Хвалынской округи, от границы Симбирской губернии...»*

Получается, что Тайбалык и Терешка – это две разные реки, и А. Олеарий показал на своей карте Тайбалык правильно. Это теперь – р. Курдюм или р. Чардым.

Моя «ошибка» имела продолжение. Директору Дома-музея художника Павла Кузнецова Игорю Сорокину название мутного ручья в Глебовраге – Тайбалык – очень понравилось. Лучше, чем река Грязнуха (как выражаются самые культурные местные жители) рядом с его домом-музеем. И он с единомышленниками организовал экспедицию. По дну оврага они прошли от устья до истока, выиграли грант и написали книгу «Музейная долина» (2005).

Но раз такой речки сейчас нет, а название саратовцам полюбили, то пусть и течёт себе спокойно в Глебучевом овраге река Тайбалык, пришедшая к нам со страниц «Книги Большому Чертежу». А краевед А. С. Папшев сделал когда-то такой перевод: «тай» – отрицание, «балык» – рыба, получается – «нетрыбы» (да как же ей быть, если из земли выходит «веселящий газ» радон. Поэтому и стоит здесь водолечебница).

На современных картах реки Тайбалык нет. Пока нет.

ПЕРВЫЕ ОПИСАНИЯ И ПЕРВЫЙ РИСУНОК САРАТОВА

Самые первые описания левобережного Саратова оставили нам русский купец Федот Афанасьевич Котов, направлявшийся в Персию с царскими товарами в 1623 году, и упомянутый выше Адам Олеарий, проплывавший с голштинским посольством мимо Саратова дважды: в 1636 и в 1638 годах.

Вот как описывает Саратов Ф. А. Котов: *«А на Саратове город стоит на луговой стороне, стоячий острог и башни рубленые, круглые, дворы и ряды в городе, а за городом стрелецкие дворы и рыбные лавки и амбары, где кладут с судов запасы. А стоит над Волгою на ровном месте, а по нижнюю сторону речка Саратовка вышла из степи. А около пошла степь во все стороны»*. Это – 1623 год.

А вот описание Саратова, сделанное 1 сентября 1636 года (через 13 лет после Ф. Котова) учёным и путешественником А. Олеарием: *«До полудня около 9 часов мы проехали мимо города Саратова. Этот город лежит в 4 верстах от главной реки в ровном месте, на рукаве, который Волга кидает от себя по левую руку. Здесь живут одни лишь стрельцы, находящиеся под управлением воеводы и полковника и обязанные защищать страну от татар, которые именуются у них калмыками»*.

По этим цитатам видно, что Ф. Котов и А. Олеарий описывают разные города. У Котова – Саратов *«стоит над Волгой»*, а у Олеария он *«в 4 верстах от главной реки... на рукаве»*. Но все, кто писал про левобережный Саратов, считают почему-то, что Котов и Олеарий описывают один и тот же город на реке Саратовке. Но это же очевидно – города разные.

Безымянную речку (в КБЧ – «ис поля») у Анисовки Котов в 1623 году уже называет Саратовкой. И не прав И. И. Дрёмов, когда производит название реки Саратовки «от иранского «сафа» или тюркизированного «сар-атав». Речка Саратовка получила название от имени города Саратова.

Вообще, у «правобережников» получается странно: Саратов основали на правом берегу (по их мнению), а на левом течёт речка Саратовка. Это ещё раз говорит о том, что теория об основании Саратова на правом берегу неверна. Её сторонники считают, что Саратов на левом берегу, по уточнённым данным, построили в 1615 году. Уже задавался вопрос: а в какой Саратов в 1614 году стрельцы «прислали колокола»? Внятного ответа нет. Допустим, построили в 1615 году Саратов на реке Саратовке, а что стали строить в 1630 году на той же Саратовке?

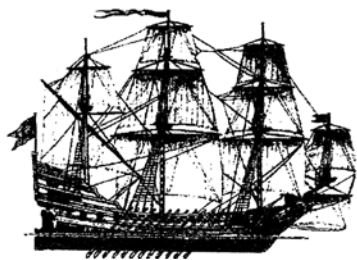
По нашей версии: Саратов был основан в 1590 году на левом берегу в районе посёлка Анисовка, а оттуда уже перенесён на реку Саратовку.

Когда же мог произойти перенос города из района Анисовки в район Шалово, на нынешнюю речку Саратовку? В 1628 году Саратов подвергся ожесточённому нападению татар, осадивших город, но его гарнизон во главе с воеводой Г. Орловым выстоял. «Несмотря на победу, – пишут А. А. Герасимов и В. А. Осипов, – Саратов как крепость, вероятно, основательно пострадал от нападения. Укрепления его стали ненадёжными и недостаточными. Более того, с появлением в начале 30-х годов XVII века в Заволжье, в непосредственной близости от Саратова, воинственных орд калмыков-кочевников, оттеснивших отсюда ногайцев, саратовские воеводы считали, что опасность для Саратова возросла. И в 1630 году при воеводе С. В. Чемесове начато было строительство нового острога, и продолжалось оно в течение нескольких лет». Кроме обычного состава гарнизона в 1630 году – 326 человек, в Саратов прислали на время «покамест острог сделают» дополнительно к гарнизону 426 человек». Из них 50 плотников. Эти строители находились в Саратове до 1633 года. Некоторые исследователи считают (В. А. Осипов в том числе), что 400 с лишним человек прислали делать второй ряд частокола – острога. И они делали этот забор несколько лет? Несерьёзно. У слова «острог» много значений: и тюрьма, и острог-частокол, и населённый укреплённый пункт, обнесённый частоколом из заострённых сверху брёвен.

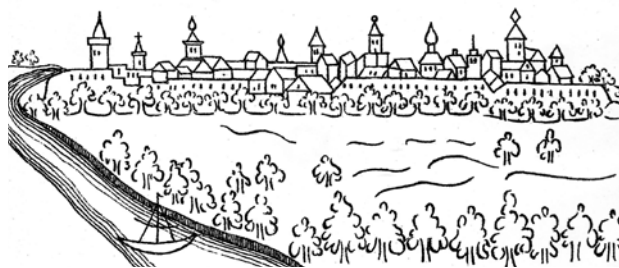
Команду «для острожного дела» прислали строить новый город на новом месте!

Почему город перенесли на реку Саратовку? Возможно, по стратегическим соображениям, ближе к образовавшемуся (или сильно обмельчавшему) броду, по которому можно было перейти через Волгу, не слезая с коня (как Овечий брод у Хвалынска, которым пользовались ногаи). А старый острог-частокол, поставленный в 1590 году, просто прогнил. Давно обратил внимание, что остроги (ограждение из врытых в землю остроконечных брёвен) за 40 лет сгнивают. Второй Саратов на реке Саратовке простоял с 1632 года до 1674 год – больше 40 лет. Вот что напишет саратовский воевода Ф. И. Леонтьев царю в 1672 году: «А на Саратове, великий государь, от всяких воровских людей опасение большое, потому, государь, что город Саратов худ, острог весь развалился...» Забор подгнил и повалился.

1 сентября 1636 года около 9 часов утра парусно-вёсельный корабль «Фридрих» с голштинским посольством проплывал мимо Саратова. На борту был учёный и путешественник Адам Олеарий. Путешествуя по России, он сделал массу рисунков. Зарисовал он и города на Волге:

Корабль «Фридрих»

Саратов, 1634 г. А. Олеарий

Нижний Новгород, Казань, Самару, Саратов, Царицын, Астрахань и др. Конечно, проплывая мимо городов, он успевал сделать только наброски. Саратов стоял в это время не на Волге, а на рукаве – протоке, где в него впадала речка Саратовка. А «Фридрих» плыл по основному руслу.

Протока отделялась от Волги длинным нешироким островом, заросшим деревьями; увидеть город можно было только с высоты. Для этого служила корзина-марс, закреплённая на мачте. А чтобы сделать быстро более-менее точный рисунок, Олеарий пользовался камерой-обскурой.

Камера-обскура – простейший вид устройства, позволяющего получать оптическое изображение объектов. Представляет собой светонепроницаемый ящик с отверстием в одной из стенок и экраном (матовым стеклом или тонкой белой бумагой) на противоположной стенке. Лучи света, проходя сквозь отверстие диаметром приблизительно 0,5–5 мм, создают перевернутое изображение на экране. Если к матовому стеклу приложить полупрозрачную бумагу, то на ней можно с помощью карандаша довольно точно зафиксировать на просвет изображение (в данном случае – Саратова). Для этого нужно было быстро обвести контуры изображения города на бумаге. А потом снять лист и спокойно доработать рисунок. Первым использовал камеру-обскуру для зарисовок с натуры Леонардо да Винчи.

Рисунок Саратова сделан, предположительно, с помощью камеры-обскуры. А вот под рисунком А. Олеария, запечатлевшего Н. Новгород, так и написано: «сделан с помощью камеры-обскуры». А потом художники-гравёры из наброска создали целые картины: с деревьями, людьми, лошадь-

Саратов. Гравюра с рисунка А. Олеария

ми, телегами, даже горами (лугового-то Саратова!) и другими выдуманскими подробностями.

САРАТОВ-ОСТРОВ

От Саратова на острове придётся отказаться. Вот смотрит «чертежник» Афанасий Мезенцов на старый «Чертёж», как инструкция велит, и записывает в КБЧ, что видит: «А ниже Балыкклеи 80 вёрст на Волге **остров Царицын**; а против острова пала в Волгу река Царица... а на **острову город Царицын**». А острова, на котором бы стоял Саратов, он на карте не видит и пишет: «А ниже Караман-реки 40 вёрст на Волге **город Саратов**... а Увеша-река пала в Волгу против города Саратова».

Купец Ф. Котов тоже говорит: «А на Саратове город стоит на луговой стороне...». Опять – не на острове. В разрядных книгах действительно писали: «на Саратове-острове». Сам город Саратов – это остров. Вот что говорят словари: «Остров – разного рода участки, выделяющиеся чем-нибудь среди остальной местности: небольшой лес среди поля, оазис в пустыне, степи; возвышенное сухое место среди болот... То, что выделяется, стоит особняком среди остального». Смысл другой был у слова «остров». В КБЧ: «...под Саратовом пала речка из озера, а другая речка из поля». Вот эти речки могли выделить Саратов как остров, или он стоял на возвышенном месте. В этом случае может подойти один из существующих вариантов имени Саратова: «сар атав» означает «низменный остров».

Волгоградское водохранилище подняло уровень Волги, кажется, на восемь метров. И, конечно, речка Саратовка впадала в Волгу намного дальше от нынешнего берега. Саратов-остров мог уйти под воду или был размыт, как был размыт и исчез остров, на котором стоял Царицын. А Саратов на острове никогда не стоял.

Фрагмент карты р. Волги у с. Пристанное. Меженный уровень, 1907 год

ЗАЧЕМ САРАТОВ НА РЕКЕ ГУСЁЛКЕ?

С какой целью ставили Самару, Царицын, Саратов? Одна из главных: для охраны водного пути на Волге, по которому шли торговые, посольские, военные суда. И крепости ставили в наиболее уязвимых стратегических пунктах. Могла бы крепость на Гусёлке выполнять свои функции? Сомнительно. Отсюда Волга может просматриваться только вниз по течению, да и то на небольшое расстояние. Обзору на север мешает перепад высот самого берега, который здесь образовал, по выражению Н. Н. Студенцова, *«многоклометровую дугу выпуклой стороной к юго-востоку»*. А обзор на восток – на фарватер Волги – закрывали заросшие лесом острова. А хороший обзор – это одно из главных требований выбора места для города-крепости.

Для выполнения своих функций крепости должны были располагаться в непосредственной близости от Волги. Ведь Саратов решили ставить «на Уевке» для контроля за известной переправой. Обсуждалось и устье Иргиза (тоже левый берег!), но крепость была бы близко от Самары, а для лучшего контроля над Волгой она должна стоять на середине между Самарой и Царицыном. И на левом берегу – чтобы контролировать (и не допускать, когда надо) переправы.

Речка Гусёлка впадает в протоку, которая раньше в межень сильно мелела, и пристань находилась бы в нескольких километрах на коренной Волге. Наличие рядом брода-мели отрезало бы город от основной транспортной артерии. А у правобережного Саратова-посада, как мы помним, были ещё две рыбацкие слободы. И где бы они держали свои лоды и ушкулы? За три версты?

А как бы строили Саратов на протоке, которая после весеннего половодья мелела? Ведь Засекин с Туровым приехали «на заклад города» в июле – в самую межень. Даже И. И. Дрёмов признаёт, что *«к неудобствам расположения города здесь следует отнести удалённость от коренной Волги (приблизительно 2–3 км)»*. Если бы Саратов ставили здесь, то привезённый на судах для строительства города лес надо было бы разгрузить, перенести, перетащить известное уже выражение, *«не дохав до Саратова три версты»*, и по брёвнышку перетаскивать всё к подножию мыса высотой 10–15 м над урезом воды в Волге». А потом всё это поднимать вверх? Хотелось бы посмотреть на сторонников правобережной версии, перетаскивавших за три километра хотя бы одно бревно.

А ведь места для городов-крепостей выбирали тщательно, продуманно; почему же тогда перенесли Саратов на левый берег, если он так «удачно» был основан на Гусёлке?

Как родилась версия правобережного Саратова на Гусёлке? Помните, в 1600 году посольские суда разбились против Курдюм-острова, *«не дошед до Саратова за семь вёрст»*? А. А. Гераклитов отложил линейкой на карте семь километров (верста была 1,08 км) и оказался около с. Пристанное, и решил, что здесь и был 10 лет назад основан Саратов. Потом, во время раскопок у реки Гусёлки в 1960-е гг. случайно были найдены кости, глиняные черепки и каменное ядро. И сторонники «гусельской версии» эти случайные находки стали называть результатом «археологических раскопок, проведённых профессором И. В. Синицыным».

Но имя профессора И. В. Синицына здесь используется безосновательно. Ему приписывают и раскопки, и находки *«на предполагаемом месте существования в начале XVII века правобережного Саратова. Нателльные крестики, обнаруженные в захоронениях, были подвергнуты радиоуглеродному анализу, показавшему, что захоронения с этими крестиками отно-*

сятя к концу XVI–началу XVII веков... Профессор И. В. Синицын считал, что результаты раскопок на Гусёлке – ещё одно свидетельство о правобережном Саратове начала XVII в.». Так писал В. А. Осипов в своей книге «Очерки истории Саратовского Поволжья». (Саратов: СГУ, 1976 г.).

Но всё это, мягко говоря, не соответствует действительности.

Что же искал и что нашёл профессор И. В. Синицын на реке Гусёлке? На левом берегу, рядом с её устьем, находится археологический памятник – Танавское городище, возраст которого около трёх тысяч лет. Экспедиция под руководством И. В. Синицына вела здесь раскопки с 1960-го по 1963 год. Однажды студенты-археологи, копая яму для столба волейбольной площадки, обнаружили кости и черепки русской керамики. Ещё были найдены нательный крестик и каменное ядро. Все находки, уместившиеся в два ведра, были переданы в краеведческий музей, где благополучно и затерялись. Эти подробности мне рассказал участник тех раскопок в ранге студента, впоследствии видный саратовский археолог, кандидат исторических наук В. Г. Миронов (1938–1996).

За четыре года экспедиции ни в одном научном археологическом отчёте эти находки не упоминаются. Нет об этом ни статей, ни публикаций. Отсутствуют, наконец, и сами археологические материалы с предполагаемого места Саратова. А без этого никаких серьёзно аргументированных выводов делать нельзя, даже на уровне предположений. И. В. Синицына краеведческая тема основания Саратова, по словам В. Г. Миронова, в общем-то не интересовала.

Что касается определения возраста методом радиоуглеродного анализа «крестиков» (был найден только один), на которые ссылается В. А. Осипов, то его просто не могло быть, поскольку металл и керамика для этого непригодны. Историк В. А. Осипов об этом, конечно, знал. Так что в разгадку тайны основания Саратова экспедиция И. В. Синицына никакой ясности не внесла.

«На помощь профессиональным археологам, – рассказывает И. И. Дрёмов, – пришёл краевед, протоиерей Михаил Беликов... В Гусёлке на своём и соседнем дачных участках, где закладывали фундамент дома, священник нашёл древнерусскую керамику, останки захоронений, была замечена кладка из камней...»

Судя по находкам, собранным на Гусёлке, там мог быть, как считает Н. Н. Студенцов, сторожевой стан и какое-то поселение при нём. Да и название села – Пристанное – подчёркивает это: «при стане».

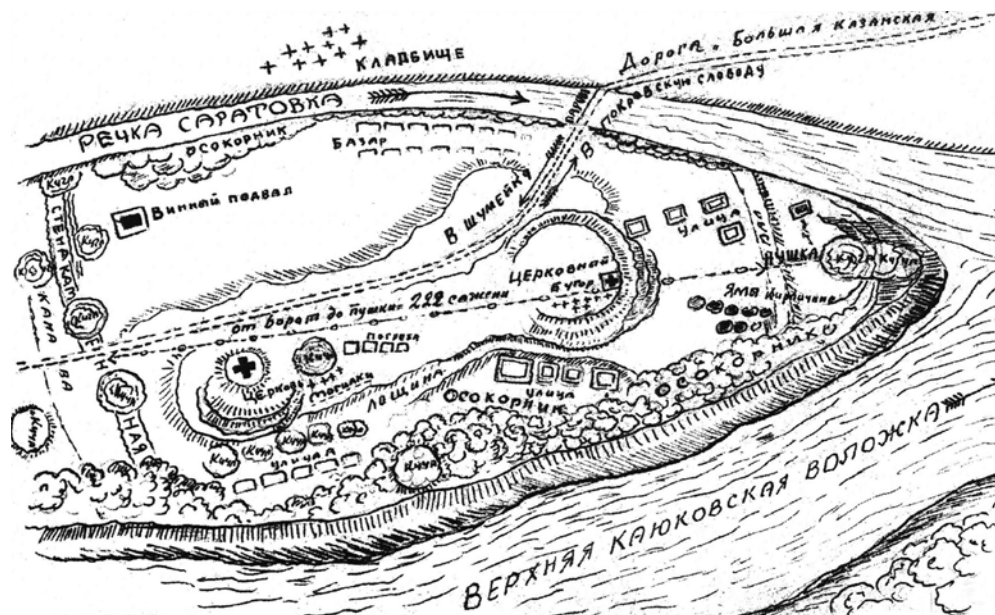
РАЗДЕЛЁННЫЙ ГОРОД

Князь Г. О. Засекин в 1590 году основал на левом берегу Волги город (небольшой городок) Саратов; другой городок – поселение неслуживых людей – стал складываться на правом берегу, около Глебоврага, и получил название от крепости, тоже – Саратов. В 1612–1613 гг. один из них (правобережный) сгорел, и его стали называть «Саратовским пепелищем» или «Саратовским городищем» (бывшим поселением). Стрельцы, находившиеся в нём, их жёны и дети ушли в Самару. А левобережный Саратов-крепость продолжал нести свою сторожевую службу. Туда стрельцы и завезли в 1614 году найденные на пепелище колокола. От «Саратовского пепелища» (устье Глебоврага) до Саратова на Анисовке по фарватеру сейчас около 17 км – «близко десять вёрст» (8 межевых).

Можно было бы говорить про «два Саратова», но М. П. Беликов нашёл более точное слово: *«разделённый город»*. Под защитой левобережной крепости на правом берегу начал формироваться укреплённый острогом посад – такой же городок, с центральной частью – кремлём, окружённым стенами, только более многолюдный. Через десять лет он так вырос, что в зиму 1600–1601 годов здесь без проблем разместились два посольства – персидское и русское, вместе со стрельцами, кречетниками и другими сопровождающими лицами (около 200 человек) и, кажется, с медведем. Благодаря посадским жителям, которые держали разную скотину и птицу, удалось прокормить эти два посольства. К этому времени у посада-городка было уже две слободы – Старая и Новая. Слободы были рыбные, потому что здесь, взамен разбившихся в непогоду посольских судов, выкупили у местных жителей 11 лодей и ушкул. И это были не лодочки, а малые суда по 7–10 сажений в длину (15–20 м).

Левобережная крепость на зиму часто пустела. Ведь часть стрельцов служила сезонно – с весны до осени; другие несли «объезжую службу»: сопровождали караваны торговых и посольских судов и оставались зимовать там, где их заставал конец навигации. Семейные стрельцы на зиму перебирались к своим на посад, и воевода тоже. От Саратова до Москвы было кратчайшее расстояние, по сравнению с другими понизовыми городами. И он становился перевалочным пунктом. Отсюда шли в Москву обозы с сушёной, солёной и замороженной рыбой, с солью. Отсюда шла переписка с Разрядным приказом. А на Соколовой горе, как считает Н. Н. Студенцов, выставляли дозорных, *«наряду с обзором русла Волги с дозорных башен левобережной крепости»*.

Когда в 1674 году Саратов с левого берега окончательно перешёл на правый, там уже были рыбный городок и монастырь. А когда чумаки-солевозы

Саратов на р. Саратовке, 1632–1674. Копия с кладовискательского плана бывшего Шаловского хутора учителя И. Т. Постникова.

Подлинник датирован 1859 годом. Скопировал Б. Зайцев в 1930 году

на левом берегу Волги основали свою Покровскую слободу, она считалась пригородной слободой правобережного Саратова. Так и живёт до сих пор «разделённый город Саратов» на двух берегах.

Литература:

1. Беликов М. П. «Старый собор и Старый город: История Свято-Троицкого кафедрального собора и города Саратова в свете новых данных». Саратов, 2015.
2. Беликов М. П., Дрёмов И. И. Новые археологические находки на предполагаемом месте основания Саратова в устье Гусёлки // Краеведческий сборник. Саратов, 2017.
3. Браташова С. А. Волга инкогнито. Саратов, 2011.
4. Браташова С. А. Ранний Саратов: на перекрёстке путей и эпох. Саратов, 2015.
5. Географический словарь Российского государства. А. Щекатов. М. 1808.
6. Гераклитов А. А. Где был построен Саратов // Труды СУАК. Вып. 31. Саратов, 1914.
7. Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов–Москва, 1923.
8. Донецкий Б. Н. Кочующая крепость // Альманах «Памятники Отечества», № 39 (1–2/1998).
9. Дрёмов И. И. Две разгадки Саратова // Волга, 2015. (Электронная версия).
10. Поселение на Алексеевском городище может быть предшественником Саратова. Дрёмов И. И. Регион 64. Информационное агентство. 07.09.2015. (17.04.2017).
11. Дрёмов И. И. Этимология Сарытау в свете последних топонимических исследований // Краевед. сборник. Саратов, 2017.
12. Дубман Э. Л. Князь Григорий Засекин – строитель волжских городов. Издательство: «Печатный Двор», 2002.
13. Книга Большому Чертежу. К. Н. Сербина (редактор). АН СССР, 1950.
14. Котов Ф. Хожение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.
15. Осипов В. А. Очерки по истории Саратовского края, конец XVI и XVII вв. Саратов: СГУ, 1976.
16. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Под редакцией Н. И. Веселовского. СПб, 1892.
17. Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). Саратов, 2013.
18. Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV–начала XVI века. М.: Наука. 1974.
19. Студенцов Н. Н. Две загадки Саратова. Саратов, 1988.
20. Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. Том 10. 1941. С. 94.
21. Уткин С. Н. Саратов глазами путешественников. Саратов, 2005.
22. Шкода К. Город Энгельс. Саратов, 1971.

Диана КАН

У истока эпохи

Анашкин Э.К.

**В.Г. Распутин. Документальная повесть о нашей дружбе.
М.: «Российский писатель», 2017.**

Стоит умереть великому человеку, как сразу появляются сотни друзей, возлюбленных, а то и внебрачных детей, которые взахлёб начинают вспоминать о нём... И делают это не в узком кругу, но стараются по максимуму придать общественную гласность своим воспоминаниям. Неслучайно Анна Ахматова сказала, что есть такая посмертная казнь для писателя – воспоминания современников. Причём, что важно заметить, при жизни великого человека эти люди почему-то предпочитали помалкивать, и лишь после его ухода, когда уже он не сможет оборвать их поток сомнительных откровений, их вдруг захлёстывает мемуарный пыл. Часто такие «откровения» имеют явную тенденцию не столько вспомнить великого человека, сколько показать себя, хороших, примазаться к славе покойного и хоть так обозначить брэнное своё существование. Частенько такие «мемуары» содержат и элементы дискредитации великого человека, ушедшего от нас... Потому к воспоминаниям современников и друзей я всегда отношусь настороженно. Особенно если нет информации о том, что сам великий писатель при жизни считал того или иного мемуариста близким себе человеком. Как говорится, у победы много отцов, а поражение – всегда сирота. Стоит человеку стать известным, как у него вдруг появляется полным-полно «благодетелей», имён которых он не знал, когда нуждался в помощи и поддержке...

Эта книга, посвящённая великому русскому прозаику Валентину Распутину, стоит отчётливым особняком от вала воспоминаний о Распутине, что захлестнул Россию после смерти классика – воспоминаний часто весьма сомнительных, о чём, в частности, в одной из своих статей рассказывает единственный сын Валентина Распутина – Сергей Валентинович. Эта книга другая. Она написана человеком, кото-

рый знал Валентина Григорьевича задолго до того, как наш будущий классик издал свою первую книгу. Эдуард Константинович Анашкин, автор этой книги, познакомился с будущим классиком на ныне легендарном семинаре-совещании молодых писателей в Чите, где совсем молодой тогда Валя Распутин пообещал ещё более молодому на тот момент Эдику Анашкину подарить свою первую книгу... когда она у него появится. Обещание своё, став классиком, Распутин сдержал десятилетия спустя – помнил об Анашкине и об обещании. А все эти десятилетия, прошедшие с момента личного знакомства, Эдуард Константинович внимательно следил за талантливым писателем, собирал материалы о нём, книги Распутина и, можно сказать, не афишируя нигде свою внимательность к жизни и судьбе входящего в известность прозаика, фактически посвятил Валентину Григорьевичу многие десятилетия жизни.

Сколько помню, Эдуард Константинович никогда не называл свои отношения с Распутиным дружбой. Он настолько боготворил Валентина Григорьевича, что, видимо, нелегко было Эдуарду Константиновичу применить это слово, подразумевающее некое равенство сторон, – к Распутину.

Но между тем они были друзьями. Не только потому, что периодически перезванивались и встречались. И не только потому, что по личному приглашению Валентина Григорьевича Эдуард Анашкин побывал на замечательном Всероссийском литературном празднике «Сияние России» в Иркутске, ставшем Распутину родиной. И не только потому, что почти каждую свою книгу Распутин присылал Анашкину, что становилось для последнего целым событием в жизни. А потому, что когда Распутину было печально, он звонил Анашкину. Так, одним из первых Эду-

ард Константинович узнал от нашего классика страшную новость о скоропостижной смерти издателя распутинских книг – Геннадия Сапронова. Последующую череду смертей любимых распутинских женщин – дочери и жены – автор этой книги воспринял как трагедию личную... Но главное – главное в том, что все эти десятилетия Эдуард Константинович фактически создал на дому творческий распутинский музей! И, видимо, москвичи знали уже об этом, и не только писатели, но и скульпторы старались пополнить экспозицию. У Эдуарда Константиновича появился бюст Валентина Распутина, подаренный известным московским скульптором. Этот бюст пропутешествовал с оказией через всё Поволжье, будучи вручен скульптором в Москве профессору филологии из Тольятти. А уж она бережно довезла его и вручила Эдуарду Константиновичу столь весомый во всех отношениях дар. Однако дар этот – как ни жаль было с ним расстаться – Анашкин решил подарить музею Распутина в Иркутске, уже после смерти классика. И снова распутинский бюст-путешественник покатился по дорогам необъятной России, на сей раз уже в сопровождении Эдуарда Анашкина.

Это лишь одна из множества историй жизни автора этой книги, связанной с Распутиным. Валентин Григорьевич чувствовал душевное отношение к нему Эдуарда Константиновича. Неслучайно в канун одного

из юбилеев писателя, когда я позвонила Эдуарду Анашкину узнать, как у него дела, он был почти счастлив, сказав: «Мне вчера звонил Валентин Григорьевич. Попросил написать о том семинаре молодых литераторов в Чите, где мы с ним, собственно, и познакомились...» Я спросила: «И как же ты, Эдуард Константинович, будешь писать о том, что было почти полвека назад? Разве упомнишь?» Он как бы даже и обиделся: «Да что ты! Я помню этот семинар, словно вчера всё было, а что не помню, у меня в дневнике записано, я же всю жизнь веду дневник... Для меня такая радость, что Валентин Григорьевич помнит об этом семинаре, собственно, открывшем его как писателя!» Также Анашкин был счастлив лишь тогда, когда Валентин Григорьевич сам вызвался написать предисловие к его книге «Запрягу судьбу я в санки» о детдомовском детстве Анашкина.

А для меня радость, что эта книга о Распутине выходит в свет. Зная Анашкина как человека дотошного, не склонного впадать в художественный вымысел там, где этот вымысел не нужен, могу сказать, что это очень точная книга. И в этом её главное достоинство. Эта книга именно о Распутине написана по принципу: «Тут ни прибавить ни убавить – так это было на земле». Это книга о человеке, ставшем эпохой русской литературы. И Эдуард Константинович счастливый, что ни говори, человек, потому что стоял у истоков этой эпохи.

**Виктор
ТОТФАЛУШИН**

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ В АТКАРСКЕ

Во время Отечественной войны 1812 года постепенное продвижение неприятеля в глубь России заставило русское командование и гражданские власти выбирать для размещения пленных из состава армии Наполеона отдалённые территории, среди которых оказалась и Саратовская губерния. Первые военнопленные прибыли в Саратов в начале сентября 1812 года. Протоиерей саратовского Троицкого собора Н. Г. Скопин отразил это в дневниковой записи, относящейся к 9–18 сентября. «На сих днях, – заметил он, – весьма много привели в Саратов пленных офицеров, и из них, при каждых двух, один рядовой – для услуг»¹.

В этот период основная их часть препровождалась в Саратовский край через Пензенскую и Воронежскую губернии по двум большим почтовым трактам, которые шли через уездный город Аткарск. Мемуары пленных позволяют нам представить, как выглядел этот городок. Это «маленькое местечко», «небольшой городишко, расположенный всего лишь в двадцати милях от Саратова», который «имеет чисто деревенский облик, его окрестности живописны и плодородны, но почти лишены древесной растительности, их орошает река Медведица»².

В пути пленные терпели большие лишения, отчего многие умирали, не дойдя до места назначения. Напоминанием о следо-

¹ Скопин Н. Г. Записки дневные о делах и вещах достопамятных // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской учёной архивной комиссией в память трёхсотлетия города Саратова. Саратов, 1891. Т. 1. С. 452.

² См.: Ведель К. А. В. фон. История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813–1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году: воспоминания // Тотфалушин В. П. Волжские пленники. (Саратовский край глазами ветеранов Великой армии): к 200-летию Отечественной войны 1812 года. 2-е изд. испр. и доп. Саратов, 2012. С. 45; Мерсье Ф. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России // Там же. С. 70; Пешке С. Б. Моё пребывание в российском плену в 1812 году // Там же. С. 149.

-
- Виктор Петрович Тотфалушин родился в 1954 году в Саратове. Окончил исторический факультет СГУ в 1976 году. В 1976–1979 гг. – учитель истории средней школы, затем вожатый Всероссийского пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Орлёнок»; с 1979-го по настоящее время – ассистент, старший преподаватель, доцент СГУ. Кандидат исторических наук, автор более 400 учебных и научных работ. Живёт в Саратове.

вании транспортов в селениях и городах Саратовского края служат так называемые «французские могилы». Известный дореволюционный историк-краевед А. Н. Минх установил, что умерших хоронили у села Белгаза-Маматовка Аткарского уезда и под Аткарском – в «лесу-засеке в одной общей могиле на поляне, которая и носит название «Французской»³.

После массового поступления военнопленных в губернию в Саратов стали направляться только офицеры. И тогда Аткарск превратился в своеобразный фильтр и сам принял несколько сотен военнопленных. Точных сведений о количестве оставшихся тут иноземцев пока найти не удалось. Мемуаристы из их числа пишут о 200 или 300 пленных⁴, авторы новейшей книги об Аткарске – о 700⁵, однако на деле их было значительно больше.

В сборнике Саратовской учёной комиссии (СУАК), подготовленном к 100-летию Отечественной войны 1812 года, находим, что 27 февраля 1813 года к транспорту пруссаков присоединился один человек, 20 июля из города было отправлено 158 нижних чинов «австрийской нации», 20 января 1814 года были выделены деньги на репатриацию 30 человек, принадлежащих к Рейнскому союзу⁶. 2 июля из Аткарска планировалось отправить пленный француз, «из которых могло составиться 4 партии по 200 нижних чинов при 6 обер-офицерах каждая», однако неделей позже деньги были выделены только на трёх чиновников соответственно для препровождения трёх партий. Наконец, 17 июля к последней «французской партии» должен был присоединиться один офицер⁷. Таким образом, в Аткарске могло находиться от 800 до 1000 с лишним человек.

Бытовые условия пленный регламентировались российским законодательством. Их размещали в общественных зданиях, которыми тогдашний Аткарск был явно не богат, или на обывательских квартирах и платили приличные суточные от казны. В городах, где лечебных заведений не было (как, например, в Аткарске), военнопленных врачевали «в отведённых квартирах».

Их содержание легло на местный бюджет: например, в 1813 году в Аткарске на «освещение в лазарете для военнопленных» пошло 10 рублей⁸. Через аткарские импровизированные лечебницы прошли 20 человек (15 француз, 4 итальянца и один «долмат»⁹), из которых 17 удалось вылечить¹⁰.

Повсеместно на уровень комфорта и гостеприимства существенно влияли объективные условия жизни того или иного местечка и отношения пленный с местной властью и населением. Как и в других местах, городская верхушка принимала пленный офицеров как равных себе. Французский лекарь Ф. Мерсье вспоминал, что в Аткарске «приём, оказанный нам, почти не отличался от того, который мы получили в Сердобске» и Петровске¹¹.

Но среди жителей Аткарска, измученных повинностями военного времени, были сильны и антифранцузские настроения. В городе местные жите-

³ См.: Минх А. Село Белгаза-Маматовка. Из записок 1870 года бывшего мирового посредника // Саратовские губернские ведомости. 1880. 16 февр., 2 февр.; *Он же*. Город Аткарск: материалы для историко-географического описания Саратовской губернии по рукописям и исследованиям. Аткарск, 1908. С. 18.

⁴ См.: Ведель К. А. В. фон. Указ. соч. С. 45; Пешке С. Б. Указ. соч. С. 149.

⁵ См.: Игнатьев В. Н., Рыжов В. Н., Сальников А. Н. Аткарск. История и современность. М., 2016. С. 100.

⁶ См.: Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года / сост. Н. Ф. Хованский. Саратов, 1912. С. 233, 235, 237.

⁷ См.: Там же. С. 241–242.

⁸ Российский государственный исторический архив. Ф.1281. Оп. 11. Д.120. Л. 306 об.

⁹ Далматы – древний народ, живший на восточном побережье Адриатического моря в сегодняшней Хорватии.

¹⁰ См.: Приложения // Саратовская губерния глазами пленный Великой армии / сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Тотфалушина. Саратов, 2009. С. 179–180.

¹¹ Мерсье Ф. Указ. соч. С. 70.

ли имели «злобный характер; по отношению ко мне, как и ко всем пленным, они вели себя очень недоброжелательно, – вспоминал саксонский врач С. Б. Пешке¹². – Приданный мне в Аткарске сопровождающий поссорился с моими гусарами¹³, стал их бить, но сам был избит ими, и в связи с этим среди крестьян произошла настоящая революция, а я был вынужден обнажить саблю и восстанавливать порядок, пообещав при этом, что в ближайшем городе я передам своих людей городничему для наказания»¹⁴.

В воспоминаниях саратовских старожилов, вошедших в сборник СУАК, есть сведения и о том, что местные крестьяне «заболевших сильно далее не гнали, а доканчивали их на месте...» или хоронили вместе с умершими и полуживых, но и «в этом случае проявлялась не злобная месть к врагам Отечества, а игральная роль примитивные <...> практические соображения: безнадёжность больных была очевидна, в выздоровление их никто не верил; умрёт больной несколько позднее, придётся рыть новую <...> яму и тратить время на похороны...», а так «меньше хлопот и работы»¹⁵. Вообще, большинство конфликтных ситуаций между пленными и местными жителями Саратовской губернии возникало не на почве осознанной ненависти к завоевателям как таковым, а по причинам религиозно-бытового характера¹⁶.

Русское правительство было заинтересовано, чтобы какая-то часть военнопленных осталась в России на постоянное жительство. Согласно указу Александра I от 4 июля 1813 года, приводить к присяге на местах разрешалось лишь нижних чинов, о желающих же вступить в подданство офицерах следовало доносить в Министерство полиции. По данным «Алфавита военнопленных» из фондов РГИА, в Аткарске на жительство остались из французских частей пятеро рядовых, которые приписались в мещанство. Ими были Поль Блен, Антуан Кабас, Пьер Каира, Антуан Коба [г]у¹⁷, Жан Батист Шевре¹⁸. Сообщение о том, что в селе Слостуха Аткарского уезда на жительство остался один человек¹⁹, «Алфавит» не подтверждает.

Ещё во время своего плена некоторые чужеземцы стремились к более глубокой интеграции в русское общество. Теперь, оказавшись в иной культурной среде, на этот путь встали многие новые горожане, которые принимали православие. А вслед за этим некоторые из них обзавелись семьями. Так один из аткарских пленных (кто именно, пока не установлено) сначала стал Андреем Ивановым, а в январе 1823 года женился на вдове Анне Осиповой²⁰. По данным ревизии 1835 года, Батист Шеверьё (Шевре) также имел жену Марью²¹.

Самым известным из аткарских «шаромыжников» стал Пьер Каира (Петр Иванович Кайро). Согласно историографической традиции, он в 1815 году

¹² Пешке С. Б. Указ. соч. С. 149.

¹³ Имеются в виду солдаты, сопровождающие офицера.

¹⁴ Пешке С. Б. Указ. соч. С. 150.

¹⁵ См.: Участие Саратовской губернии... С. 249, 250–251.

¹⁶ См. об этом подробнее: *Тотфалушин В. П.* «Француз – собака?» Жители Саратовской губернии и пленные Великой армии // 1812 год. Люди и события великой эпохи: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 19–20 апр. 2012 г. М., 2013. С. 325–338.

¹⁷ Возможно: Кобачу.

¹⁸ См.: Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 года / публ. Б. П. Миловидова // Тр. ГИМ. М., 2010. Вып. 183: Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IX: сб. материалов: к 200-летию Отечественной войны 1812 года. С. 285, 305, 306, 336.

¹⁹ См.: Участие Саратовской губернии... С. 251.

²⁰ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 9554 (Метрическая книга собора Михаила Архангела за 1821–1825 гг.). Л. 78; Участие Саратовской губернии... С. 246.

²¹ См.: ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 796. Л. 273 об. – 274.

основал в Саратове первую табачную лавку²². Однако, по данным ГАСО, в саратовские мещане он вместе с сыном Василием переписался только в 1824 году²³. Столь поздняя дата его переселения в Саратов позволяет поставить эту информацию под сомнение.

В середине XX века в Аткарске возникла легенда об участии пленных французов в посадке местного парка. Причиной появления и основой этой легенды, очевидно, стал рассказ «Воскресенье у деда» русского советского писателя Н. А. Минха (1900–1985), внучатого племянника А. Н. Минха²⁴. В нём говорится о том, что якобы аткарский городской голова обратился к пленному офицеру Франсуа Милли, который обучался во Франции в земледельческой школе, за помощью, и весной 1813 года тот с друзьями основал аткарский парк, получивший название «Малый Версаль». Позднее Франсуа, узнав из писем, что его родители умерли, а невеста вышла замуж, остался в городе, женился на экономке одного из помещиков, и у них родилась дочь Жозефина. Милли якобы прожил 95 лет и был похоронен на «Французской поляне» на окраине города.

При этом никаких свидетельств современников об этом событии не сохранилось. Более того, в книге А. Н. Минха есть специальный раздел, содержащий описание аткарского парка, где о пленных французах как о его создателях не упоминается. Напротив, письмоводитель Минха П. Я. Садовников со слов паркового служителя записал, что сад «засажен» лишь «более 20 лет назад», при городском голове М. А. Чеботарёве (1882–1887), а настоящее благоустройство получил при Ф. Н. Павлюченкове, который стал во главе города только в 1894 году²⁵. Кроме того, аткарский парк не был включён в перечень объектов, к которым приложили руку пленные, опубликованный в юбилейном сборнике СУАК. Наконец, в публикациях саратовских краеведов и журналистов вплоть до конца XX века этот вопрос никогда не поднимался²⁶. Позднейшие архивные находки позволили установить, что ни в списке пленных офицеров, ни в списке пленных солдат Франсуа Милли не значится²⁷, а результаты дендрологической экспертизы легенду не подтвердили²⁸.

Таким образом, реальными памятниками пребывания пленных в Аткарском уезде традиционно (ещё с дореволюционных времён) считаются лишь несколько зданий в селе Сосновка и в имении Теплякова²⁹.

²² См.: *Духовников Ф. В.* Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край: ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 249; *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Саратовская летопись // Там же. С. 59.

²³ См.: ГАСО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 661. Л. 66 об.

²⁴ *Минх Н. А.* Воскресенье у деда // *Минх Н. А.* Воскресенье у деда: Рассказы. М., 1981.

²⁵ См.: *Минх А. Н.* Город Аткарск. С. 30–35.

²⁶ См.: *Чернышев А.* Аткарск // *Коммунист (Саратов)*. 1946, 13 янв.; *Наумов П.* Аткарск // *Коммунист*. 1950, 8 янв.; *Владимиров Б.* Аткарск // *Коммунист*. 1959, 9 июня; *Кавунов П. А.* Аткарск // *Кавунов П. А.* Города Саратовской области: экономико-географический очерк. Саратов, 1958; *Он же.* Аткарск // *Он же.* Города Саратовской области. 2-е изд., доп. и перераб. Саратов, 1963; *Игнатъев В. Н., Лебединский М. И.* Город Аткарск. Саратов, 1981; *Сокольская О. Б.* «На редкость красивый сад» Аткарска // *Сокольская О. Б.* «Зелёное зодчество» Саратовского Поволжья. Саратов, 1993.

²⁷ См.: Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. С. 167–176; Алфавит военнопленных... С. 312–316.

²⁸ См.: *Мастричев Д.* Французский сад с русским медведем // Саратовская областная газета. 2010, 22 апр.

²⁹ См.: *Духовников Ф. В.* Указ. соч. Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край. С. 248; Участие Саратовской губернии... С. 281; *Игнатъев В. Н., Рыжов В. Н., Сальников А. Н.* Указ. соч. С. 101.

*Сания Гайнанова.
«Орхидея»*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Художник – Сания Гайнанова.

Подписано в печать 27 октября 2017 года.

Дата выхода в свет 31 октября 2017 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 18/27107

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 69-54-41.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2017.

© «Волга–XXI век», 2017.

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ САНИИ ГАЙНАНОВОЙ

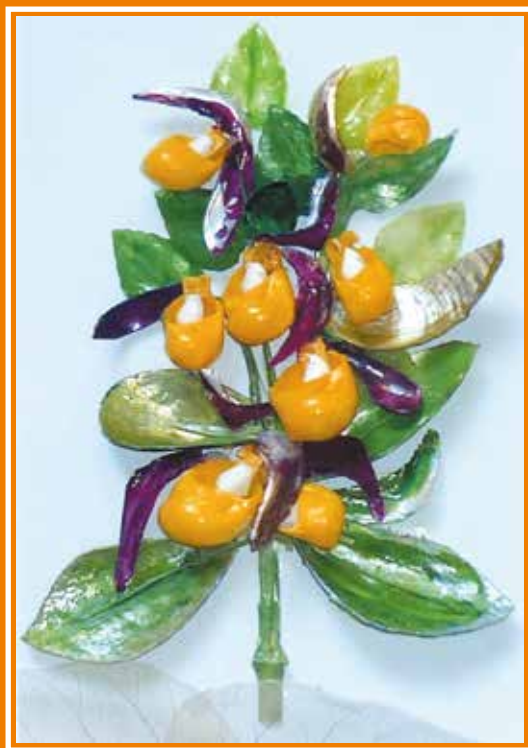
«Два домика на опушке леса»

«Ландыш серебристый»

«Белые орхидеи»

Сания Гайнанова. «Венерин башмачок»

